

3. Фрейд

Остроумие и его отношение к бессознательному.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

I

ВВЕДЕНИЕ

Кто когда-либо имел повод осведомляться в литературе у эстетов и психологов, какое объяснение может быть дано сущности остроумия и его отношению к другим видам душевной деятельности, тот, конечно, должен будет признать, что фило-софские старания не коснулись остроумия в той мере, какой оно заслуживает благодаря своей роли, которую играет в нашей душевной жизни. Только немногие мыслители подробнее интересовались проблемами остроумия. Правда, среди лиц, занимавшихся исследованием остроумия, встречаются блестящие имена: поэта Jean РайГя (Fr. Richter'a) и философов Th. Vischer'a, Kuno Fischer'a и Th. Lipps'a. Однако и у этих авторов тема остроумия стоит на заднем плане, в то время как главный интерес исследования сосредоточен на более широкой и более заманчивой проблеме комического.

При изучении этой литературы создается впечатление, что трактовать остроумие вне его связи с комическим совершенно невозможно.

По Th. Lipps'y (Kornik und Humor, 1898)^ остроумие является, т. е. комизмом, . Поясняющее это положение при ^ Статьи об эстетике, изданные Til. Lipps'OM ii Richai-dom Maria Werner'oM. VI. - Книга, которой я обязан мужеством и возможностью предпринять эту попытку исследования.

мечание гласит: остроумием называется вообще .

К. Fischer поясняет отношение остроумия к комическому с помощью исследования карикатуры, стоящей и его изложении между остроумием и комизмом (Uber (Jen Wil/. 188^). Объектом комизма является безобразное в какой бы то ни было форме своего проявления: . .

Как видно, Lipps усматривает выделяющие остроумие среди других видов комического характерные черты в деятельности, в активном поведении субъекта, в то время как К. Fischer характеризует остроумие отношением к своему объекту, который должен выявить скрытое уродство царства мыслей. Основательность этих определений не может быть

проверена. Их даже едва ли можно понять, если рассматривать вне той взаимозависимости, из которой они кажутся вырванными; и мы, таким образом, стоим перед необходимостью поработать над изображением комического у авторов, чтобы узнать от них что-нибудь об остроумии. Между тем далее будет видно, что эти авторы сумели указать на существенные и общераспространенные характерные черты остроумия, при которых это отношение к комическому не принято во внимание.

10

ВВЕДЕНИЕ

Характеристика остроумия у К. Fischel'a, которая, видимо, вполне устраивает автора, гласит: . Для пояснения этого выражения мы укажем на аналогию: . В другом месте эстетическое отношение к объекту характеризуется условием, что мы от этого субъекта ничего не требуем, особенно никакого удовлетворения наших серьезных потребностей, а довольствуемся наслаждением при созерцании этого объекта. Эстетическое отношение является привилегией в противоположность работе. Могло случиться, что из эстетической свободы возник особый вид суждения, свободный от оков и правил, который я ввиду его происхождения хочу назвать , и что в этом понятии сохранено первое условие, если не целиком вся формула, разрешающая нашу задачу. , - сказал Jean Paul. .

Издавна остроумие любил определять как ловкое умение находить сходство между несходными вещами, следовательно, находить скрытое сходство. Jean Paul сам остроумно выразил эту мысль следующим образом: . Th. Vischer продолжает: . Но Vischer же возражает, что существуют остроты, в которых и речи нет о сравнении, а следовательно, и о нахождении сходства. Он дает, таким образом, несколько отличное от Jean Paul'a определение остроумия как умения с поразительной быстротой связывать в одно целое несколько представлений, являющихся собственно чуждыми друг другу по своему внутреннему содержанию и связи. Затем К. Fischer обращает внимание на то, что эти определения относятся к тем остротам, которые остроумный человек знает, а не к тем, которые создает.

Другими точками зрения, в некотором смысле связанными друг с другом, которыми пользуются для определения понятия или описания остроумия, являются: , и .

Определение, как, например, Краепелин'a, переносит центр тяжести на контраст представлений. Острота является . Такому критику, как Lipps'у, нетрудно открыть полную несостоятельность этой формулы, но он сам не исключает момента контраста, а передвигает его на другое место. . Примеры поясняют, как следует понимать последнее. .

В дальнейшем развитии этого последнего определения приобретает значение антитеза . .

Если это объяснение звучит так убедительно, то все-таки было бы желательно поставить здесь вопрос, способствует ли эта антитеза осмысленного и бессмысленного, на которой по-

ВВЕДЕНИЕ

коится чувство комизма, определению понятия остроумия, поскольку оно отличается от комизма.

Момент также далеко заводит нас в проблему отношения остроумия к комизму. Kant говорит, что замечательная особенность комического заключается в том, что оно может обмануть нас только на один момент. Neumanns (*Zeitschr. f. Psychologie*. XI. 1896) показывает, как осуществляется эффект остроумия последовательной сменой непонимания и внезапного уяснения. Он поясняет свое мнение прекрасной остроотой Гейне, который заставляет одного из своих героев, бедного лотерейного коллекционера Гирш-Гиацинта, хвастать тем, что великий барон Ротшильд обходится с ним как с человеком вполне ему равным, вполне фамшичючмрчо (*famillionar*). Здесь слово, являющееся источником остроумия, кажется прежде всего ошибочным словообразованием, чем-то непонятным, несуразным, загадочным. Поэтому оно приводит нас в смущение. Комизм получается в результате исчезновения смущения, в результате понимания слов. Lipps дополняет, что за этой первой стадией, во время которой мы узнаем, что смущающее нас слово означает то-то и то-то, следует вторая стадия, во время которой мы сознаем, что это бессмысленное слово смутило нас, а затем оказалось действительно имеющим смысл. Лишь это второе уяснение, познание того, что бессмысленное с точки зрения обыденной практики языка слово было виною всему, лишь это превращение в ничто вызывает комизм.

Кажется ли нам та или другая из этих трактовок более понятной - мы благодаря рассуждению о непонимании и внезапном уяснении подошли ближе к определенному мнению. Если комический эффект Гейневского фамиллионьярно основан на разгадке якобы бессмысленного слова, то следует, конечно, усмотреть в образовании этого слова и в характере образованного таким образом слова.

Кроме всей связи с обсуждавшимися только что точками зрения, все авторы указывают и на другую существенную особенность остроумия. , - говорит Jean Paul (*Vorschule der Asthetik*. I. (45), видоизменяя таким образом лишь одну фразу старого болтуна Полония в шекспировском Гамлете (действие 2-е, сцена II):

13

И так как краткость есть душа ума, Л МiиогосЮiоiiie - его прикраса. Я буду краток. (Перевод А. Кроненберга.)

Важно и описание краткости остроумия у Lipps'a. .

(K. Fischer), было уже указано при сопоставлении остроумия с карикатурой. Я подчеркиваю еще раз это определение, поскольку оно больше относится к сущности остроумия, чем к сущности комизма.

Я, конечно, понимаю, что вышеприведенные небольшие выдержки из работ писавших об остроумии авторов недостаточны для суждения о ценности этих работ. Вследствие трудностей, возникающих при желании правильно передать столь сложный, с такими тонкими нюансами ход мыслей, я не могу избавить любознательных читателей от труда почерпнуть желательные для них познания из первоначальных источников. Но я не знаю, будут ли они полностью удовлетворены. Указанные авторами критерии и особенности остроумия: активность, отношение к содержанию нашего мышления, характер иригивого суждения, сочетание несходного, контраст представлений, последовательная смена смущения вследствие непонимания и внезапного уяснения, выхватывание скрытого и особый вид лаконичности остроумия, - хотя и кажутся на первый взгляд очень меткими и так легко подтверждаемыми целым рядом примером, что мы не можем подвергнуться опасности недооценить ценность таких взглядов, однако все это *disiecta membra*, которые мы хотели бы видеть объединенными в одно органическое целое. В результате они приводят к познанию остроумия не более, чем ряд анекдотов, характеризующих личность, биографию которой нам нужно узнать. В результате всего вышеизложенного мы совсем не знаем того,

14

ВВЕДЕНИЕ

что общего имеет, например, лаконичность остроумия с характером иригивого суждения; и у нас нет объяснения, должно ли остроумие удовлетворять всем этим условиям, чтобы быть истинным остроумием, или только некоторым из них, и какие из этих условий могут быть заменены другими, а какие из них необходимы. Мы хотим также произвести группировку и подразделение остроумия, основываясь на их особенностях, признанных существенными. Подразделение, которое мы находим у авторов, опирается, с одной стороны, на технические приемы, с другой - на употребление остроумия в разговоре (остроумие, являющееся результатом созвучия, игра слов - карикатурная, характеризующая остроумия, остроумное отпаривание).

Нам, следовательно, нетрудно будет указать цели дальнейшему исследованию объяснения остроумия. Чтобы иметь возможность рассчитывать на успех, мы либо должны были бы внести в эту работу новые точки зрения, либо попытаться проникнуть глубже путем усиления нашего внимания и углубления нашего интереса. Мы можем указать на то, что, по крайней мере, в применении этого последнего средства недостатка не было. Поразительно, сколь немногими примерами таких признанных остроумия довольствуются авторы для своих исследований, и как каждый заимствует остроумия у своих предшественников. Мы не можем отказаться от необходимости проанализировать примеры, которые уже были приведены классическими авторами, писавшими об остроумии, но мы намерены, кроме этого, заняться исследованием и нового материала, чтобы иметь более широкие основания для выводов. Затем мы намерены исследовать такие примеры остроумия, которые в жизни произвели на нас впечатление и заставили много смеяться.

Заслуживает ли тема остроумия такого исследования? Я думаю, что это не подлежит сомнению. Помимо личных мотивов, которые побуждают меня сделать попытку разрешить проблемы остроумия и будут раскрыты во время развития этой работы, я могу сослаться на существование тесной связи между душевными процессами, связи, которая обещает психологическому познанию в какой-нибудь одной отдаленной области нечто ценное, не вполне еще признанное в других областях.

15

Нужно помнить также о том, какую своеобразную, прямо-таки очаровательную прелесть представляет остроумие в нашем обществе. Новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес. Она передается от одного к другому, как только что полученное известие о победе. Даже видные люди, которые считают нужным сообщать свою биографию, рассказывать, какие города и страны они видели, с какими выдающимися людьми они общались, не пренебрегают случаем поместить в своем жизнеописании те или иные слышанные ими прекрасные остроты[^]

J. v. Faike. Lehennerinnerungen. 1897.

II

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

Следуя прихоти случая, мы берем первый пример остроумия, который встретился нам в предыдущей главе.

В той части, которая озаглавлена, Г. Гейне выводит ценный образ лотерейного коллекционера и мозольного оператора Гирш-Гиацинта из Гамбурга, который хвастает перед поэтом своими отношениями с богатым бароном Ротшильдом и в заключение говорит: [^].

На этом считающемся превосходным и очень смешном примере Neumans и Lipps выясняли происхождение комического эффекта остроты из (см. выше). Но мы оставляем этот вопрос в стороне и задаем себе другой: что же именно превращает разговор Гирш-Гиацинта в остроту? Это может зависеть только от причин двоякого рода: или сама по себе мысль, выраженная в предложении, носит черты остроумия, или остроумие кроется в способе выражения, которое мысль нашла в предложении. В какой из этих двух сторон мы увидим характер остроумия, в той мы и проследим его глубже, исследуем и постараемся уловить. Мысль может найти свое выражение в общем в различных

[^]Г. Гейне. Собр. соч. Т. 1. С. 359. СПб., 1904. Изд. 2-е. Перевод П. Вейнберга. - У переводчика слово переведено 'фамиллионерно.. (Я. К.)

разговорных формах - следовательно, в словах, - которые могут очень верно передавать ее. В речи Гирш-Гиацинта мы имеем определенную форму выражения мысли и, как мы догадываемся, особенную, своеобразную форму, не ту, которая легче всего может быть понята. Попытаемся выразить эту же мысль по возможности верно другими словами.

Lipps уже сделал это и пояснил таким образом до некоторой степени изложение поэта. Он говорит: . Мы ничего не изменим в этой мысли, если дадим ей другое изложение, которое, возможно, лучше подходит к разговору Гирш-Гиацинта: . , - прибавим мы еще^

Останемся ли мы при этом или при другом равнозначном тексте этой мысли, мы увидим, что заданный вопрос уже предreshен. Характер остроумия проистекает в этом примере не за счет мысли. Замечание, которое Гейне вкладывает в уста своему Гирш-Гиацинту, верно и метко; оно таит очевидную горечь, которая легко возникает у бедного человека при виде такого большого богатства, но все же мы не решимся назвать это замечание остроумным. Если кто-нибудь не может освободиться при чтении этого замечания в нашей передаче от воспоминания об изложении этой мысли у самого поэта и продолжает все-таки думать, что эта мысль остроумна, то мы можем указать на надежный критерий утерянной в нашей передаче характерной черты остроумия. Рассказ Гирш-Гиацинта заставляет нас громко смеяться, верная же передача смысла этого рассказа по Lipps'у или в нашем изложении может нам нравиться, побуждать к размышлению, но смеяться она заста- вить не может.

Этой же остротой мы займемся далее, где будем иметь попод предпрпяп. корректуру данного Lipps'ОМ изложения этой остроты, приближающегося к нашему.

18

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

Если характер остроумия в нашем примере происходит не за счет мысли, то его следует искать в форме, в подлинном тексте его выражения. Нам нужно изучить особенность этого способа выражения, чтобы понять, что можно обозначить тех- никой слова или выражения этой остроты; эта техника должна находиться в тесной связи с сущностью остроты, т. к. харак- терная черта и эффект остроты исчезают при замене этой техники выражения другой. Впрочем, мы находимся в полном согласии с другими авторами, придавая такое значение словес- ному выражению остроты. Так, например, К. Fischer говорит: , и при этом невольно вспоминается фраза Jean РаиГя, выясняющая и доказывающая ту же природу остроты в ост- роумном же изречении: .

В чем же заключается этой остроты? Что про- изошло с мыслью, заключающейся в нашем изложении, когда из нее получилась острота, по поводу которой мы так искренно, от души смеялись? С ней произошли две перемены, как показывает сравнение нашего изложения с текстом поэта. Во- первых, имело место значительное сокращение. Чтобы выразить заключающуюся в остроте мысль полностью, мы должны были прибавить к словам , второе предложение, которое в наикратчайшей форме гласит: т. е. постольку, поскольку это может сделать миллионер. И только после этого мы почув- ствовали необходимость поясняющего добавления^ . У поэта это выражено гораздо короче: . Все ограничение, которое вто- рое предложение прибавляет к первому, констатирующему фа- милиярное обращение, утрачено в остроте.

Но это ограничение опущено все-таки не без замены, из которой его можно реконструировать. Имело место и другое видоизменение. Слово в лишенном остроумия

выражении мысли превратилось в тексте остроты в , и, без сомнения, именно с этим словообразованием

То же самое относится к изложению Lipps'a.

связан характер остроумия и смехотворный эффект' остроты. Новообразованное слово покрывается в своем начале словом первого предложения, а в своих конечных слогах словом второго предложения. Замещая одну только составную часть слова , оно, вследствие этого, как бы замещает все второе предложение и заставляет нас, таким образом, угадывать пропущенное в тексте остроты второе предложение. Это смешанное образование из двух компонентов - () и (), и можно попытаться графически, наглядно выяснить себе его возникновение из обоих этих слов\

Famili ar Фамил ьрно Milionar миллионер Familionar Фамилионьярно

Процесс, превративший мысли в остроту, можно представить следующим образом; хотя он и может показаться на первый взгляд фантастическим, однако он точно представляет действи- тельно имеющийся налицо факт:

.

Теперь предположим, что на эти предложения действует укомплектовывающая сила, и что второе предложение по ка- кой-либо причине менее резистентно. Тогда оно исчезает, а существенная его составная часть, слово , которая может противостоять давлению, будет как бы вдавлена в первое предложение, сольется с подобным ему элементом этого пред- ложения , и именно эта случайно имеющаяся возможность спасти существенное во втором предложении будет способствовать гибели других, менее важных составных частей. Таким образом возникает острота,

Слоги, общие обоим словам, напечатаны жирным шрифтом п протниоисс различным типам отдельных составных частей обоих слоги. Второе Л (1.), которое едва заметно при произношении, разумеется, должно быть пропу- щено. Понятно, что созвучие обоих слов в нескольких слогах дало повод технике остроумия к созданию смешанного слова.

20

ТЕХНИКА ОСГГОУМИЯ

фамиллионьярно.

Даже помимо такой неизвестной нам укомплектовывающей силы мы можем описать процесс образования остроты, т. е. технику остроумия в этом случае как сгущение с заместительным образованием. Действительно, в нашем случае заместительное образование состоит в создании смешанного слова. Это непо- нятное смешанное слово , присоединившись к связи, в которой оно стоит, тотчас становится понятным и исполненным смысла, является носителем заставляющего нас смеяться эффекта остроты,

механизм которого, однако, не стал для нас яснее с открытием этой техники остроумия. Как может имеющий место в разговоре процесс сгущения с заместитель-ным образованием в виде смешанного слова доставить нам удовольствие и заставить нас смеяться? Это - другая проблема, обсуждение которой следует отложить до тех пор, пока мы не найдем к ней подхода. А сейчас займемся техникой остроумия. По нашему мнению, техника остроумия не может быть безразлична для понимания сущности последнего; поэтому мы хотим прежде всего исследовать, существуют ли другие примеры острот, построенных аналогично гейневскому. Их существует не особенно много, но все же достаточно, чтобы составить из них небольшую группу, которая характеризуется словообразованием путем смешивания. Гейне сам создал из слова вторую остроту, как бы подражая самому себе. Он говорит, что является, как нетрудно дога-даться, сокращенной комбинацией слов и (что по-немецки значит дурак), и, подобно первой остrote, дает выражение подавленной задней мысли.

Вот другие известные мне примеры: жители Берлина назы-вают один колодец в своем городе, сооружение

которого доставило много неприятностей бургомистру Фирксн-кладу[^], и этому названию нельзя отказать в остроумии, хотя слово для этого должно было быть превращено в неупотребительное, чтобы получилось нечто общее с фамилией. Злое остроумие Европы окрестило однажды одного монарха Клеопольдом вместо Леопольда, из-за его отношений к одной даме по имени Клео', это - несомненная работа сгущения, которая присоединением одной-единственной буквы постоянно делает неприятный намек. Собственные имена вообще легко подвергаются подобной обработке со стороны техники остроумия: в Вене было два брата, по фамилии Salinger; один из них был биржевой маклер (Borsensal). Это дало повод назвать одного брата Sensalinger[^] а другого брата - нелюбезным про-званием Scheusalinger\ Оно было удобно, и, безусловно, ост-роумно; однако, я не знаю, было ли оно справедливо. Острота, как правило, об этом не заботится.

Мне рассказали следующую остроту, явившуюся результатом сгущения: молодой человек, который на чужбине вел легко-мысленный образ жизни, после долгого отсутствия посетил живущего на родине друга, который опешил, увидя на руке своего гостя обручальное кольцо. . Острота великолепна: в слове венчально имеются оба компонента: слове ' - обручальное кольцо, превращенное в вен-чально, и предложение - печально, но это так.

Здесь действию остроты не мешает тот факт, что смешанное слово не является собственно непонятным и неспособным к существованию продуктом, подобно слову, а полностью покрывается одним из обоих сгущенных элементов[^] Я сам случайно предоставил материал для остроты, анало-гичной опять-таки тому же. Я рассказывал одной даме о больших заслугах одного исследователя. , - предположила

Настоящая фамилия бургомистра Forckenbeck: чтобы сохранить технику этой остроты, пришлось несколько видоизменить>, эту фамилию. (Я. К.) ^ Сгущение слои: Scheusal (урод) Salinger - Scheusalinger. ' Сгущение слов: Sensal (маклер) Salinger - Sensalinger.

Слово является продуктом сгущения слов: вепчалью + пе- чально = венчально. (Я. К.)

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

она. - . . . Дама эта объединила противоположности: .

Прекрасной обработкой этой же темы в английском языке (А. А. Brill, , 1911) я обязан несколькими примерами, которые указывают на тот же механизм, что и наше .

Английский автор de Quincey, - рассказывает Brill, - от- метил где-то, что старые люди склонны к тому, чтобы впадать в . Это слово образовалось из слияния частью по- крывающих друг друга слов

anecdote/ dotage

(детская болтовня).

В одной анонимной краткой истории Brill однажды нашел обозначение для рождества Христова в виде . Это обозначение является прямым слиянием слов alcohol и holidays (праздничные дни).

Когда Флобер напечатал свой знаменитый роман , в котором действие происходит в Карфагене, Сент-Бёф в на- смешку за точное описание деталей прозвал его Carthaginoiserie:

Carthaginois/ chinoiserie = (китайщина).

Автором превосходнейшей остроты, принадлежащей к этой группе, является один из первых мужей Австрии, который после значительной научной и общественной деятельности занял высшую должность в государстве. Я позволил себе употребить эти остроты в качестве материала для исследования^ прежде всего потому, что вряд ли можно добыть лучший материал. Г. N. однажды обратил внимание на личность автора, изве-

Имею ли я право на это? Я узнал эти остроты, по крайней мере, не нескромным путем. Они всем известны в этом городе (Вене) и перебивали на устах у всех. Часть из них опубликовал Ed. Hanslick в и в своей автобиографии. За искажения, которых едва ли можно было избежать, я прошу извинения.

23

ственно целым рядом действительно скучных статей, напечатан- ных им в ежедневной венской газете. Эти статьи трактуют небольшие эпизоды из отношений Наполеона I к Австрии. Автор имел красные волосы. Г. N., услышав его имя, спрашивает:

Чтобы понять технику этой остроты, мы должны обратиться к тому процессу редукции, который упраздняет эту остроту путем изменения выражения и вместо этого опять создает

первоначальный полный текст мысли, который безусловно мож- но уловить в каждой хорошей остроте. Острота Г. N. о красном пошляке (Fadian) произошла из двух компонентов: из неодоб- рительного мнения об авторе и воспоминания о знаменитой притче, которой Гете начинает выдержки в ^ Недовольная критика могла бы гласить: это, следовательно, человек, который вечно пишет одни только скучные фельетоны о Наполеоне в Австрии! Это выражение не остроумно. Прекрасное сравнение Гете также не остроумно и, конечно, не способно заставить нас смеяться. Лишь когда оба эти выражения связываются друг с другом и подвергаются своеобразному процессу сгущения и слияния, тогда возникает первозрядная острота^.

Возникновение связи между дурным отзывом о надоедливом историке и прекрасным сравнением в я должен изложить несколько более сложным путем, чем во многих подобных случаях, по соображениям, которые я здесь еще не могу объяснить. Я попытаюсь заменить предполагаемый процесс следующей конструкцией. Прежде всего элемент посто- янного возвращения к одной и той же теме мог пробудить у

Rote Fadian - красный пошляк, rote Faden - красная нить. Отсюда - неперево- димая игра слов. (Я. К.)

Мы слышим об особом устройстве в английском флоте. Все без исклю- чения канаты в королевском флоте, от самого толстого до самого топкого. сплетены таким образом, что через всю их длину проходит красная нить, которая не может быть выдернута, если не расплетен весь канат, и мель- чайшие частички которой несут на себе печать принадлежности к короне. Так же тянется и через дневник Оттилиенса нить влечения и приязности, которая все связывает и характеризует все в целом.

Я хочу указать только на то, как мало согласуется это регулярно повто- ряющееся наблюдение с утверждением, что острота является игрпым суж- дением.

24

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

г. N. отдаленное воспоминание об известном месте в , которое в большинстве случаев непра- вильно цитируется словами: . сравнения оказала видоизменяющее влияние на способ выражения первого предложения вследствие случайного обстоятельства, что и тот, кого ругали, был красным, а именно: красноволосш1. Теперь эта мысль могла гласить: следовательно, этот красный человек является тем, кто пишет скучные фель- етоны о Наполеоне. Теперь начинает действовать процесс, обус- ловивший сгущение обеих частей в одно целое. Под давлением этого процесса, который нашел первую точку опоры в тождестве элемента , слово ассимилировалось с Faden (нить) и превратилось в (пошлый), а теперь оба компонента могли слиться в подлинный текст остроты, в котором на этот раз цитата участвует чуть ли не в большей мере, чем само первоначально имевшееся ругательное суждение:

Следовательно, этот красный человек является тем, кто пишет пошлый (fad) вздор о N. красная нить (Faden), которая проходит через нес в целом.

Не красный ли этот пошляк (Fadian), который проходит через всю историю N. Оправдание, а также корректуру этого изложения я дам в одной из дальнейших глав, когда буду анализировать эту остроту, исходя из чисто формальных точек зрения. Но, что бы в этом изложении ни было под сомнением - тот факт, что здесь произошло сгущение, не подлежит никакому сомнению. Результатом сгущения является, опять-таки, с одной стороны, значительное укорочение, а с другой - вместо бро- сающего в глаза словообразования путем смешивания, здесь происходит взаимное проникновение составных частей обоих компонентов. (Fadian) могло бы все-таки существовать просто как ругательство; в нашем случае это безусловно продукт сгущения.

Если читатель в этом месте впервые вознегодует по поводу образа мышления, угрожающего ему разрушением удовольствия, получаемого от остроумия, но не поясняющего ему, однако, источников этого удовольствия, то я прежде всего попрошу его вооружиться терпением. Мы занимаемся только техникой ост-

роумия, исследование которой обещает разъяснение лишь в том случае, если мы будем иметь довольно большой материал.

Анализом последнего примера мы уже подготовлены к тому, что если мы встретим процесс сгущения еще и в других примерах, то замена подавленному может быть дана не в словообразовании путем смешивания, а в другом изменении выражения. В чем состоит эта замена другого рода, мы узнаем из других острот г. N.

(bete - животное, скотина; франц.) Нет ничего легче, чем редуцировать эту остроту. Очевидно, что она может означать только: я ездил tete-a-tete с X., и этот X. - глупая скотина. Ни одна из этих фраз не остроумна. Но и объединенная в одно предложение мысль: я ездил tete-a-tete с этой глупой скотиной X., так же мало остроумна. Острота получается лишь в том случае, когда опускается и взамен этого tele превращает свое l в B, причем благодаря этой незначительности модификации первоначально подавленное слово опять-таки получает свое выражение. Технику этой группы острот можно описать как сгущение с незначительной модификацией, и, конечно, острота будет тем удачнее, чем меньше бросается в глаза замещающая модификация.

Совершенно такая же, хоть и не так сложна, техника другой остроты. Г. N. в разговоре говорит об одном человеке, заслуживающем много похвал, в котором, однако, можно найти и много недостатков: >\ Небольшая модификация заключается здесь в том, что вместо одной Ахиллесовой пяты, наличие которой следует признать у всякого героя, у Y. констатируют четыре. Но четыре пятки, а, следовательно, и четыре ноги имеет только животное. Таким образом обе сгущенные в остроте мысли гласили:

Такою же остроту высказывал еще раньше Г. Гейне в адрес Альфреда де Мюссе.

Одно из усложнений техники данного примера заключается в том, что модификация, которой заменяется пропущенное ругательство, должна быть обозначена как намек на это ругательство, т. к. она приводит к нему только путем процесса умозаключения.

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

я имел возможность слышать *in statu nascendi* и семейном кругу. Из двух братьев-гимназистов один - отличный ученик, другой - посредственный. Однажды и с образцовым учеником произошел несчастный случай, о котором мать завела разговор, чтобы выразить свое опасение, что это может означать начало длительного ухудшения. Затеняемый до сих пор своим братом мальчик охотно ухватился за этот повод: .

Модификация заключается здесь в небольшом добавлении к уверению, что другой также, по его мнению, опускается. Но эта модификация замещает и заменяет страстную защиту его собственных интересов. .

Прекрасным примером сгущения с небольшой модификацией является другая весьма известная острота г. N" который утверждал об одном принимавшем участие в общественной жизни человеке, что тот имеет великую будущность позади себя. Тот, к кому относилась эта острота, был молодым человеком, по своему происхождению, воспитанию и личным качествам, казалось, имевшим призвание со временем стать руководителем партии и, находясь во главе ее, достигнуть кормила правления. Но времена изменились, партия перестала принимать участие в правлении, и тут можно было предсказать, что и из назначавшегося ей в руководители человека тоже ничего путного не выйдет. Кратчайшее редуцированное изложение, которым можно было бы заменить эту остроуту, должно было гласить: >.: этот человек имел впереди великое будущее, которого теперь не стало. Слово и придаточное предложение пропускаются, а в главном предложении происходит небольшое изменение: слово заменяется противоположным ему словом ^

На технику этой остроуты оказывает влияние еще и другой момент, упомянутое о котором я прибегая для дальнейшего изложения. Он касается характерной черты содержания модификации (изображение путем иронии-положности, бессмыслицы). Технике остроумия ничто не препятствует пользоваться одновременно многими приемами, которые мы сможем изучить только последовательно.

27

К услугам подобной модификации прибег г. N. в случае с одним кавалером, назначенным министром земледелия, поскольку он сам занимался земледелием. Общественное мнение узнало его как наименее способного из всех занимавших эту должность. Но, когда он сложил с себя обязанности министра и вернулся к своим земледельческим занятиям, г. N. сказал о нем: .

Римлянин, которого также призвали от земледелия к министерству, опять занял свое место позади плуга. Перед плугом шел, как тогда, так и теперь, только бык.

Удачным сгущением с небольшой модификацией является также высказанное Карпом Краусом сообщение об одном так называемом револьвер-журналисте, который поехал в одну из Балканских стран восточным Egress-поездом. Очевидно, в этом слове имеется совпадение двух других слов: и (,). Вследствие связи между ними элемент оказывается только требуемой от слова модификацией. Это острота, симулирующая опечатку, представляет для нас также и другой интерес. ^ Количество этих примеров легко можно увеличить, но я думаю, для того чтобы уловить характер техники во второй группе: сгущение с модификацией, нет нужды в новых случаях. Если мы сравним вторую группу с первой, техника которой состояла в сгущении со словообразованием путем смешивания, то легко заметим, что разница между ними - несущественная, и переход от одной группы к другой выражен нерезко. Словообразование путем смешивания и модификация подпадают под понятие заместительного образования, и описать словообразование путем смешивания можно так же, как модификацию основного слова вторым словом.

Здесь мы должны сделать первую остановку и спросить себя, каким известным в литературе моментом полностью или частично покрываются первые полученные нами результаты. Очевидно, краткостью, которую Jean Paul называет душой остроты (см. выше с. 13). Но краткость сама по себе еще не остроумна; иначе каждое лаконическое выражение было бы остротой. Краткость остроты должна быть особой. Мы вспоминаем, что Lipps сделал попытку точнее описать особенность краткости остроумия

28

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

(см. выше с. 13). Наше же исследование установило и доказало, что краткость остроумия часто является результатом особого процесса, который оставляет в тексте остроты второй след: заместительное образование. Но при этом применении процесса редукции, цель которого - упразднить своеобразный процесс сгущения, мы выяснили, что острота зависит только от словесного выражения, создающегося путем процесса сгущения. Естественно, что теперь весь наш интерес сосредоточился на этом странном и до сих пор не оцененном в должной мере процессе. Мы никак не можем понять, как из него может возникнуть самое ценное в остроумии - удовольствие, доставляемое нам.

Известны ли уже в какой-либо другой области душевной жизни подобные процессы, которые мы описали здесь как технику остроумия? Да, в одной-единственной и, по-видимому, очень отдаленной области. В 1900 г. я выпустил в свет книгу, которая, как показывает ее заглавие ^, делает попытку объяснить загадочность сновидения и считает его производным нормальной душевной деятельности. Я имел там основание противопоставить явное, часто странное содержание сновидения - латентным, но вполне правильным мыслям сновидения, из которых оно происходит, и предпринял тщательное исследование процессов, которые создают сновидение из латентных мыслей сновидения, а также психических сил, принимающих участие в этом превращении. Совокупность превращающихся процессов я назвал работой сна, и, как часть этой работы сна, описал процесс сгущения, который обнаруживает величайшее сходство с процессом сгущения в технике остроумия, ведет, как и этот, к укорочению и создает заместительное

образование такого же характера. Каждому известны из его воспоминаний о своих собственных снах смешанные образцы лиц и даже предметов, выступающих в сновидении; сновидение тоже образует такие слова, которые могут быть разложены затем путем анализа (напр., Автодидаскер ^Автоди- дакт +Ласкер)^ В других случаях, встречающихся, быть может,

^ Фрейд З., проф. / Перев. с 3-го изд. М.: Сопре- менные проблемы. 1913.

Толкование сновидений. М.: Соврем, проблемы, 1913. С. 249. 29

еще чаще, сгущающая работа сновидения создает не смешанные образы, а вполне тождественные предмету или лицу картины с примесью или изменением, происходящим из другого источника. Следовательно, в этих случаях мы имеем точно такие же модификации, как в островах г. N. Мы не можем сомневаться, что, как в одном,- так и в другом случае, имеем перед собой один и тот же психиатрический процесс, который мы узнаем по идентичным результатам. Такая столь далеко идущая аналогия техники остроумия с работой сна, должна, конечно, повысить наш интерес к технике остроумия и пробудить в вас надежду извлечь из сравнения остроты и сновидения нечто новое для объяснения остроумия. Но мы временно отложим эту работу, поскольку исследовали технику остроумия лишь в очень небольшом числе случаев, и, следовательно, не знаем, существует ли та аналогия, которую мы хотим провести. Итак, мы прекращаем сравнение со сновидением и возвращаемся к технике остроумия, прерывая в этом месте нить нашего исследования, которое мы в дальнейшем, быть может, вновь продолжим.

Первое, что мы хотим узнать, это - можно ли доказать процесс сгущения с заместительным образованием со всех островах так, чтобы его можно было обозначить как общую характерную черту техники остроумия.

Я вспоминаю об одной остроте, которая осталась у меня в памяти в силу особых обстоятельств. Один из великих учителей моей молодости, которого мы не считали способным оценить остроту и от которого никогда не слышали ни одной собственной остроты, пришел однажды, улыбаясь, в институт и дал охотнее, чем когда-либо раньше, ответ по поводу своего веселого настроения: . (; франц.) И он снова засмеялся. Это острота по созвучию, и острота не перворазрядная,

30

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

играющая собственным именем так же, как и острота капуцина из , которая, как известно, построена по образцу Abraham'a a Santa Clara:

Lassi sich nennen (lcn Walicnsiciii, j;i freilich ist er iins alien ein Stein ties Anstosses lind Argernisscs^.

Что эта острота в силу другого момента заслуживает еще более высокой оценки, сможет быть показано лишь в дальнейшем.

Теперь оказывается, что характерная черта, которую мы надеялись доказать, исчезает уже в первом случае. Здесь нет никакого пропуска и никакого укорочения. Дама высказывает в остроте почти все, что мы можем предположить, в ее мыслях. Я, правда, сделал здесь добавление, вставку, но эта попытка редукции не упраздняет остроты. Она остается и происходит за счет созвучия

Rousseau/ rouxsot.

Этим доказывается, что сгущение с заместительным образованием не принимало никакого участия в создании этой остроты.

Но что же оказывается? Новые попытки редукции могут показать, что эта острота устойчива до тех пор, пока фамилия Rousseau не заменится другой. Я поставлю, например, вместо этой фамилии - фамилию Racine, и тотчас критика дамы потеряет всякий след остроумия. Теперь я знаю, где мне искать технику этой остроты, но я еще колеблюсь формулировать ее. Я пытаюсь толковать следующим образом: техника остроты заключается в том, что одно и то же слово - фамилия - выступает в двойном применении, один раз - как одно целое, а затем - разделенное на слоги, как шарада. Я могу привести несколько идентичных примеров.

И Валленштейном ведь звать привык: Я, дескать, камень - какой вам опоры? Подлинно - камень соблазна и ссоры!

Шиллер. Лагерь Валленштейна / Перев. Л. Мое. М., 1913. Т. II. С. 20. (Б-ка всемирн. лит-ры; Европ. классики). (Я. К.)

33

Одна итальянка отомстила Наполеону I за бестактное замечание остротой, основанной на технике двойного применения. На придворном балу он сказал ей, указывая на ее поселян: (; um.), на что она метко возразила: (; um.). (Brill, 1. с.).

(По Th. Vischer'у и K. Fisher'у). Когда в Берлине была однажды поставлена, критика нашла, что исполнению недоста-вало характера античности. Берлинское остроумие усвоило эту критику в следующем виде: Antik? Oh, nee. (Антично? О, нет).

Antik? Oh, nee Antigone

Во врачебных кругах известна аналогичная острота, возникающая путем деления. Когда врач допрашивает одного из своих юных пациентов, не занимался ли он когда-нибудь мастурбацией, он, вероятно, не слышит другого ответа, кроме: О па, nie. (О нет, никогда.) О па, nie/ Onanie

Во всех трех примерах, достаточных для этого вида остроты, имеет место одна и та же техника остроумия. В них слово употребляется двояко: один раз - полностью, другой раз - разделенное на слоги, причем при таком разделении слоги получают совершенно другой смысл^.

Удачность этих острот основана на том, что в них одновременно применяется другой технический прием, гораздо более высокого порядка (см. ниже). Кроме того, я могу на этом месте обратить внимание на отношение остроты к загадке. Философ Fr. Brentano создал особый вид загадок, где нужно отгадывать один-два слога, которые, будучи присоединены к слову или находясь с ним в том или ином сочетании, придают ему другой смысл, например:

Кузнец, таз куя, сказал тоскуя! или: Wie

32

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

Многократное употребление одного и того же слова, один раз - как чего-то целого, а затем - слогов, на которые оно распадается, является первым встречающимся случаем уклонения от техники сгущения. После краткого размышления над множеством приходящих нам в голову примеров, можно догадаться, что новооткрытая нами техника вряд ли ограничивается этим приемом. Очевидно, имеется необозримое, на первый взгляд, число всевозможных приемов, прибегая к которым, можно использовать одно и то же слово или один и тот же набор слов для многократного применения в предложении. Должны ли все эти возможности учитываться, как технические приемы остроумия? По-видимому, да. Нижеследующие примеры острот покажут это.

Прежде всего можно взять один и тот же набор слов и лишь немного изменить их порядок. Чем незначительнее изменение, чем скорее получается впечатление, что теми же словами выражена мысль, все-таки отличная от первой, тем удачнее в техническом отношении острота.

D. Spitzer (Wiener Spaziergange. II. Bd. S. 42):

Это прямо-таки чертовски удачная острота! И с помощью каких незначительных средств она создана! Много заработал - немного отложил (sich zurUckgelegt), немного прилегла (sich zuruckgelegt) - много заработала; благодаря такой перестановке фраз сказанное о муже резко отличается от сказанного о жене. Конечно, и здесь это не исчерпывает всей техники остроты^

Большой простор открывается технике остроумия, когда прибегает

Острота основана на двояком значении слова : отложить и прилечь. (Я. К.)

Равно, как не исчерпывает этот механизм отличной, приведенной у Впл 1'я остроты Oliver Wendell Holmes'a: - спросил слепой хромого. , - ответил хромой слепому. В немецком (как и в русском) языке есть слова, которые в одном случае могут быть полны смысла, в другом - их смысл может быть незначительным. Этим слонам придается не одно значение. Из одного и того же корня развиваются два различных производных: одно - в слово, полное значения, другое - в потерявшие свое прямое значение суффиксы и приставки; но тем не менее оба слова произносятся вполне тождественно. Созвучие между полным значения словом и потерявшими свое значение слогами может быть и случайным. В обоих случаях техника остроумия может извлечь пользу из таких соотношений речевого материала.

Schleiermacher'у приписывается, например, острота, которая важна для нас как почти чистый пример такого технического приема: Eifersucht ist eine Lddcnsdwft, die mit Eijcr such!, was Leiden schaff^.

Это, безусловно, остроумно, хотя и недостаточно сильно для остроты. Здесь отпадает множество моментов, которые могут ввести нас в заблуждение при анализе других острот до тех пор, пока мы не исследуем каждый из них отдельно. Мысль, выраженная в этом тексте, дает неудовлетворительное определение ревности. Здесь нет и речи о , о , о . Здесь даже при величайшей натяжке нельзя найти контраста представителей и только с большой натяжкой можно найти контраст между словами и тем, что они означают. Здесь не найти никакого укорочения; наоборот, текст производит впечатление многоречивости. И все это - острота, и даже очень

Ревность - это страсть, которая ревностно ищет, что причиняет страдания. В русском периоде сохранился только намек на созвучие слов: ревность - ревностно, страсть - страдание. (Я. К.)

2* 35

совершенная. Ее единственная бросающаяся в глаза характерная черта является вместе также чертой, с упразднением которой исчезает острота; заключается она в том, что одни и те же слова подвергаются здесь многократному употреблению. Затем нужно решить, можно ли отнести эту остроту к разряду тех, в которых слова употребляются один раз - как целое, а другой - разделенное на свои слоги (как Rousseau, Antigone), или к другому разряду, в котором разный смысл создается употреблением полных значения и потерявших прямое значение составных частей слова. Кроме этого, заслуживает внимания еще только один момент техники остроумия. Здесь создана необычная связь, предпринята унификация, при которой ревность определяется через самое себя, своим собственным термином. И это также, как мы здесь услышим, является техникой остроумия. Оба эти момента будут, таким образом, достаточны для определения искомого характера остроумия.

Если мы глубже задумаемся в разнообразии одного и того же слова, то заметим, что имеем перед собой формы или , которые давно уже были оценены как технические приемы остроумия.

Зачем же мы старались открыть нечто новое, если бы могли позаимствовать его из самой поверхности статьи остроумия? В свое оправдание можно привести только то, что мы подчеркиваем в этом феномене разговорного выражения еще и другую сторону. То, что у авторов выявляет остроумия, от- носился у нас к разряду .

Дальнейшие случаи многократного употребления, которые можно объединить под названием двусмысленности в новую, третью группу, легко могут быть отнесены к разрядам, которые так же резко не отличаются друг от друга, как и вся третья группа от второй. Прежде всего существуют:

а) Случаи двусмысленности имени собственного и его веще- ственного значения, например: (у Шекспира), что в переводе может означать:

Убирайся из нашего общества, Пистоль. Или: Спусти курок в нашем обществе, пистолет.

(), - сказал остроумный житель Вены в адрес нескольких красивых девушек, за которыми несколько лет ухаживали, но

36

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

которые все-таки не нашли себе мужей. и - две примыкающие друг к другу площади в центре города Вены.

Аналогичный пример такой двусмысленности встречается в диктантах для испытания сообразительности учеников: В деревне Волки церковь с ели. Прекрасный образец такого остроумия дан в первой части трилогии А. Толстого : , - говорит шут о боярине Нагом. (Я. К.)

Там, где имя собственное нельзя употребить, - можно было бы сказать, где им нельзя злоупотребить - двусмысленность может быть достигнута путем известных нам небольших модификаций:

- спрашивали в прошедшие времена. Ответ гласил: (из-за Elsass Эльзы)

б) Двусмысленность вещественного и метафорического зна- чения слова, являющаяся обильным источником для техники остроумия. Я привожу только один пример: один коллега - врач, известный остряк, сказал однажды поэту Артуру Шнит- цлеру: . Зеркало, которое употреблял отец поэта, известный врач Шнит- плер, было ларингоскопическим зеркалом. По известному вы- ражению Гамлета цель драмы, а также поэта, создающего ее, . (Ш" сцена 2. Перевод Кронеберга.) с) Собственно двусмысленность, или игра слое, так сказать, идеальный случай многократного употребления. Над словом не производят никаких насильственных манипуляций, оно не рас- членяется на составляющие его слоги, нет нужды подвергать его какой-либо модификации, не нужно смешивать область, к которой оно принадлежит, как, предположим, имя собственное, с другой областью. В

таком виде, в каком оно находится и стоит в общей структуре фразы, оно может выражать двойной смысл благодаря стечению некоторых обстоятельств. В нашем распоряжении имеется очень много примеров. (По К. Fischgr'y.) Одним из первых актов последнего Наполеона, во времена его регентства, явилась конфискация иму-

щества Орлеанского дома. Удачная игра слов скачала тогда: ; франц.). значит также и подданный.

Врач, отходящий от постели больной женщины, говорит сопровождающему его супругу, покачивая головой: . , - по- спешно соглашается муж.

Врач имеет в виду, разумеется, состояние здоровья больной женщины, но он выразил свое опасение за больную такими словами, что муж может найти в них подтверждение своего супружеского отвращения.

Гейне сказал об одной сатирической комедии: . Эта острота является скорее примером метафорической и обыденной двусмысленности, чем примером чистой игры слов. Но кому охота держаться здесь точных разграничений?

Другой хороший пример приводится некоторыми авторами (Neumans, Lipps) в форме, затрудняющей понимание игры слов'. Правильное изложение и формулировку этой остроты я нашел

Гейне в : ^.

Мы приобретаем навык в дифференциальной диагностике, если прибавим сюда другую общеизвестную профессорскую остроту:

Das grosse Buch der Witze, gesammelt und hierausgegcben von Willy Hermann. Berlin, 1904.

Дальнейший анализ этой игры слов см. ниже.

Эта острота, но своей технике аналогичная предыдущей, приведена из-за невозможности дать удовлетворительный перевод первой. (Я. К.) * Гейне Г. Собр. соч. СПб., 1904. Изд. 2-е / Перев. П. Вейнберга. Т. 1. С. 112-113. (Я. К.)

39

фессором заключается в том, что ординарные не совершили ничего экстраординарного, а экстраординарные не совершили ничего ординарного>. Это, конечно, игра двух значений слов и ; штатный и внештатный, с одной стороны, и способный или выдающийся, с другой стороны. Но сходство этой остроты с другими известными нам примерами напоминает о том, что здесь гораздо больше бро- сается в глаза многократное употребление, чем двусмысленность. В этом предложении не слышно ничего другого, кроме повторяющегося , то как такового, то негативно моди- фицированного (сравн. с. 34). Кроме того, здесь опять-таки прибегают к уловке: понятие определяется и подробнее описы-

вается при помощи своего же подлинного текста (сравн. Eifersucht ist eine Leidenschaft (см. с. 35) и т. д.); два коррелятивных понятия определяются хотя бы и негативно, одно через другое, что создает искусственное ограничение. Наконец, здесь можно отметить также точку зрения унификации, создание более тесной внутренней связи между элементами выражения, чем этого можно было бы ожидать, судя по их природе.

Гейне в : ^ . [А. д'Актиль ()]:

Всякий пусть узнает и услышит. Что прекрасней солнца в мире нет: Красоты подобной не опишет Ни судебный пристав, ни поэт. (Я. К.)^

() D. Spitzer нашел

^ Гейне Г. Собр. соч. СПб., 1904. Изд. 2-е / Переп. П. Вейнберга. Т. 1. С. 114. Цитировать - значит здесь вызывать в суд, цитата - вызои о явке в суд. (Я. К.) Чтец-декламатор. Т. V, юмористический. С. 17. (Я. К.).

ТЕХНИКА ОСТГОУМНЯ

для социального типа, расцветшего ДО времена реакции, лако-ничную, но очень остроумную биографическую характеристику:

. (По-следняя - орден, с награждением которым был связан переход в дворянское сословие.) Превосходная унификация, все как будто сделано из железа! Различные, но не очень резко друг с другом контрастирующие толкования эпитета де-лают возможным подобные .

Другая игра слов может облегчить переход к новому подвигу техники двусмысленности. Упомянутый на с. 37 остроумный коллега во время дела Дрейфуса стал автором следующей остроты:

Слово , на двусмысленности которого построена эта острота, в одном случае имеет смысл, противоположный виновности, преступлению, а в другом - смысл, противоположный сексуальной опытности. Существует много примеров такого рода двусмысленности, и во всех действие остроты сводится к сексуальной двусмысленности. Для этой группы можно было бы сохранить термин .

Прекрасный пример такой двоякотолкуемой остроты представляет острота на с. 33, сообщенная D. Spitzer'ом:

.

Но если сравнить этот пример двусмысленности с двояким толкованием с другими примерами, то бросается в глаза важная для техники разница. В остроте о один смысл слова так же доступен пониманию, как и другой; мы не можем отличить, является ли более употребительным и более родственным нам сексуальное или несексуальное

значение слова. Иначе обстоит дело в примере D. Spitzer'a, где один банальный смысл слов, который больше бросается в глаза, как будто прячет и скрывает сексуальный смысл, способный ускользнуть от простодушного читателя. В противоположность приведем другой пример, где нет такого сокрытия сексуального значения, как, например, гейневская характеристика

41

услужливой дамы: (что в переводе может означать: Она не может на в чем отказать, кроме воды, или она не может мочиться).

Все это звучит как сальность, и впечатление остроумия создается с трудом. Эта особенность заключается в том, что оба значения двусмысленности неодинаково бросаются в глаза, может иметь место и при остротах несексуального характера. Это происходит оттого, что первый смысл сам по себе более употребителен, или потому, что он особенно подчеркнут благодаря связи с другими частями предложения (например, , то вопрос будет решен. Что мы экономим в примерах Rousseau, Антигоны и т. д. - легко сказать. Мы экономим проявление критики, образование суждения. Оба они уже даны в самих именах. В примере Leidenschaft - Eifersucht мы экономим утомительное составление определения: Eifersucht, Leidenschaft и Eifer suchl, Leiden schaffl; прибавить сюда вспомогательные слова, - и определение готово. То же относится ко всем другим проанализированным примерам. Там, где экономия меньше всего, как в игре слов Сафира, там все же экономлена, по крайней мере, необходимость вновь создавать текст ответа: <Вы

пришли за/ проиграли

100 дукатов> (); текст обращения достаточен и для ответа. Этого мало, но именно в этом малом заключается острота. Многократное употребление одного и того же материала как для обращения, так и для ответа относится, конечно, к . Совсем так, как Гамлет хочет истолковать быструю смену в последовательности смерти своего отца и свадьбы своей матери:

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

От похоронных пирогов осталось Холодное на свадебный обед. (Перевод А. Кройсберга.)

Но прежде чем принять как всеобщую характерную черту техники остроумия и поставит)> вопрос, откуда она происходит, что она означает и каким образом из нее вытекает получение удовольствия от остроты, мы хотим решить еще одну проблему. Возможно, каждый технический прием остроумия проявляет тенденцию к экономии в способе своего выражения, но обратное положение, как правило, не имеет места. Не каждая экономия в способе выражения, не каждое сокращение является остротой. Мы уже однажды пытались решить этот вопрос, когда надеялись только доказать в каждой остроте процесс сгущения, и тогда уже мы дали обоснованное возражение, что лаконизм еще не есть острота. Должен существовать, следовательно, особый вид сокращения и экономии, от которого зависит характер остроты. Пока мы не знаем этой особенности,

одно только нахождение общности в технических приемах остроумия не приблизит нас к разрешению этой проблемы. Кроме того, мы находим в себе мужество сознаться, что эта экономия, создающая технику остроумия, не может нам импонировать. Она напоминает, быть может, экономии некоторых хозяек, которые тратят время и деньги на поездку на отдаленный базар, из-за того только, что там можно достать овощи на несколько копеек дешевле. Какую экономию выгадывает остроумие благодаря своей технике?

Произнесение нескольких новых слов, которые можно было бы, в большинстве случаев, найти без труда. Вместо этого острота из кожи лезет вон, чтобы найти одно слово, сразу покрывающее смысл обеих мыслей. К тому же она вынуждена часто превращать способ выражения первой мысли в неупотребительную форму, которая дала бы ей опорные точки для соединения со второй мыслью. Не проще ли, легче и, собственно, экономнее было бы выразить обе мысли так, как это именно нужно, хотя бы при этом и не осуществилась никакая общность выражения? Не будет ли больше чем уничтожена экономия, добытая выраженными словами, излишней тратой интеллектуальной энергии? И кто делает при этом экономию, кому она нужна? Мы можем пока избежать этих сомнений, если перенесем

их в другую плоскость. Знаем ли мы уже на самом деле все виды техники остроумия? Конечно, будет предусмотрительнее собрать новые примеры и подвергнуть их анализу.

Мы фактически не задумывались еще над, пожалуй, самой многочисленной группой острот, недооценивая их. Это остроты, которые в общей совокупности называются каламбурами (calembour - фр., Kalauer - нем.) и считаются низшей раз-новидностью остроумия, вероятно, потому что они - и создаются достаточно легко. И, действительно, они предъявляют минимум требований к технике выражения, в то время как настоящая игра слов предъявляет максимум требований. И если в последнем случае оба значения находят свое выражение в идентичном и потому только один раз употребленном слове, то каламбур удовлетворяется тем, что оба слова, употребляемые для обоих значений, напоминают друг друга благодаря какому-нибудь большому сходству, будь это общее сходство их структуры, рифмоподобное созвучие, общность некоторых начальных букв и т. п. Много примеров таких, не совсем удачно названных, находится в проповеди капуцина в .

Не о войне здесь речь - о вине!, Лучше точить себе зубы - не сабли! Что Оксенштирн вам? - бычачий-то лоб! Лучше коль целую тушу загреб! ^ Рейнские волны погибли полны!, Монастыри все теперь - пустыри!, Все-то аббатства и пустыни ныне Стали не братства - прямые пустыни. И представляет весь край благодатный Край безобразия... (Перевод Л. Мен.)

Особенно охотно острота модифицирует гласную букву в слове; например, об одном враждебно относившемся к монархизму итальянском поэте, который затем вынужден был воспевать немецкого кайзера в гекзаметрах, Hcvesi (Almanaccando, Reisen in Italien, с. 87) говорит: .

При том множестве каламбуров, которые имеются в нашем распоряжении, особо интересно отметить действительно неудачный пример, бывший в тягость Гейне. После того, как он

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

(Buch Legrand, гл. V) долгое время разыгрывал перед своей дамой, он затем сбрасывает маску и признается. Недостаток этой остроты заключается в том, что оба сходных слова не просто сходны, а идентичны. Птица, жаркое из которой он ел, называется так потому, что она происходит или должна происходить из той же самой Калькутты[^].

К. Fischer уделил этим формам остроты много внимания и хочет резко отграничить их от . Игра же слов . С другой стороны, он причисляет также и такие остроты, как , Антигона (Anlik? о пес) и т. п. к остротам по созвучию. Я не могу согласиться с ним в этом вопросе. В игре слов слово также является для нас только звуковой картиной, с которой связывается тот или иной смысл. Практика языка и здесь не делает никакой резкой разницы, и если она относится к с пренебрежением, а к с некоторым уважением, то эта оценка, по-видимому, обуславливается другими точками зрения, а не техническими приемами. Следует обратить внимание на то, какого рода остроты, воспринимаемые как . Есть люди, обладающие даром в веселом расположении духа в течение продолжительного времени отвечать каламбуром на каждую обращенную к ним речь. Один из моих друзей, являющийся образцом скромности, когда речь идет о его серьезных достижениях в науке, славится таким даром. Когда общество, которое он однажды уморил таким образом своими каламбурами, выразило свое удивление по поводу его выдержки, он сказал: . Kalauer - каламбур), а когда его попросили, наконец, перестать, он поставил условие, чтобы его называли Poeta Ka-laureatus. Оба примера являются отличными остротами, возникшими

Аналогию этой остроты на русском языке можно было бы создать в следующем виде: человек, который выдавал себя за потомка князя Пожарского и который, наконец, сбросив с себя маску, воскликнул: . (Я. К.)

путем сгущения со смешанным словообразованием. (Ich liege hier auf der Lauer um Kalauer zu machen. Я стою здесь на страже, чтобы каламбурить.)

Но во всяком случае из спорных мнений, касающихся вопроса об отграничении каламбура от игры слов, мы заключаем, что первый не может помочь нам в изучении совершенно новой техники остроумия. Хотя каламбур и отказывается от притязаний на многосмысленное употребление одного и того же материала, центр тяжести все же падает на повторение уже известного, на аналогию служащих для каламбура слов, и, таким образом, последний является только подвидом группы, которая достигает своей вершины в игре слов.

Но в действительности есть остроты, в технике которых почти совершенно отсутствует всякая связь с техникой рассмотренных нами до сих пор групп.

Рассказывают, что однажды вечером Гейне встретился в одном парижском салоне с поэтом Soulie и вступил с ним в беседу. В это время в зал вошел один из тех парижских денежных королей, которых по богатству сравнивают с Мидасом, и был тотчас окружен толпой, которая обходилась с ним с величайшей почтительностью. . Если мы попробуем устранить выражение , то этим уничтожим остроту. Тогда Soulie должен был бы сказать: , а это не остроумно. Ответ Гейне в этом случае также стал бы невозможен.

Но мы должны напомнить, что речь идет вовсе не об остроумном сравнении Soulie, а об ответе Гейне, который,

48

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

безусловно, гораздо остроумнее. Но тогда мы не имеем никакого права касаться фразы о золотом тельце. Эта фраза остается необходимым условием для слов Гейне, и редукция должна коснуться только этих последних. Если мы будем передавать содержание слов: , то сможем заменить их примерно так: . Итак, для остроты Гейне является излишним то, что он употребляет не в мета-форическом, а в личном смысле, относя его к самому денежному тузу. Не содержалась ли уже эта двусмысленность в мнении Soulie!

Но что же? Мы замечаем, что эта редукция не уничтожает остроту Гейне, а наоборот, оставляет неприкосновенной ее сущность. Теперь дело обстоит так, что Soulie говорит: , а Гейне отвечает: . И в таком редуцированном изложении это все-таки еще острота. Другая же редукция слов Гейне невозможна.

Жаль, что в этом прекрасном примере содержатся такие сложные технические условия. Мы не можем сделать из него какой-либо вывод, поэтому оставляем его и ищем другой пример, где надеемся уловить внутреннее родство с предыдущим.

Это одна из , которые имеют своей темой боязнь галицийских евреев перед купаньем. Мы не требуем от примеров дворянской грамоты, не спрашиваем об их происхождении, а только об их способности, могут ли они вызвать в нас смех и заслуживают ли они теоретического интереса. Но именно еврейские остроты больше всего отвечают этим требованиям.

Два еврея встречаются вблизи бани. спрашивает один. - -

Здесь не найти следов двусмысленности. Повторение слов тоже не может заключать в себе техники этой остроты, так как оно не является одного и того же материала, а действительным

50

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

повторением требуемого по содержанию идентичного выражения. Мы остаемся некоторое время беспомощными перед этим анализом и захотим, быть может, увильнуть от него, оспаривая за этим анекдотом, заставившим нас смеяться, характер остроты.

Но что замечательного можно сказать об ответе обедневшего? Что ему собственно поразительным образом придан характер логичности. Но это - неправильно; ответ не логичен. Этот человек, наоборот, защищается тем, что он употребил данные ему займы деньги на лакомый кусочек, и с видом человека, имеющего право на это, спрашивает - когда же он собственно может кушать семгу. Но это вовсе не есть правильный ответ. Давший ему деньги займы совсем не упрекает его в том, что ему захотелось семги, как раз в тот день, когда он занял деньги, а напоминает ему о том, что он при настоящем своем положении вообще не имеет права думать о таких деликатесах. Этот единственно возможный смысл упрека обедневший бонвиан оставляет без внимания и отвечает на что-то другое, как будто он не понял упрека.

Не заложена ли в этом увиливании ответа от смысла упрека техника этой остроты? Подобное изменение точки зрения, передвижение психического акцента можно было бы доказать и в прежних примерах.

И вот оказывается, что это можно доказать очень легко и таким образом вскрыть подлинную технику этих примеров. Soulie обращает внимание Гейне на то, что общество в девятнадцатом столетии почитает так, как это делали некогда иудеи в пустыне. На это должен был бы последовать примерно следующий ответ Гейне: , или еще что-нибудь вроде этого, выражающее его согласие с Soulie. Но Гейне уклоняется в своем ответе от упомянутых мыслей. Он отвечает вообще не по существу, а пользуется двусмысленностью, предоставляемой фразой , чтобы избрать побочный путь; он выхватывает одну составную часть фразы и отвечает так, как будто на это слово падало ударение в речи Soulie: и т. д./

Ответ Гейне является комбинацией двух технических приемов остроумия: уклонения (от прямого ответа) и намека. Он ведь не говорит прямо: это - бык.

51

Еще яснее это уклонение в остроте о купании. Этот пример требует графического изображения:

Первый спрашивает: и передвигает, таким образом, на это слово психический акцент. Передвижение это облегчается до некоторой степени тем, что слово может быть употреблено в самых разнообразных значениях. Так, например, общеупотребительны выражения: терять почву под собой, терять надежду, терять состояние, потерянный человек, растеряться и т. д. (Я. К.)]

Вернемся к примеру с , как к самому чистому случаю передвижения. Исследуем новое в этом примере в различных направлениях. Прежде всего мы должны как-нибудь назвать открытую здесь технику. Я предлагаю обозначить ее как передвижение, поскольку

сущность ее состоит в отклонении хода мыслей, в передвижении психического акцента с первоначальной темы на другую. Затем мы исследуем, в каком отношении стоит техника передвижения к способу выражения остроты. Наш пример (семга с майонезом) указывает, что острота, возникающая путем передвижения, в достаточной степени независима от словесного выражения. Она зависит не от слова,

Слово весьма пригодно вследствие своей способности к многократному употреблению для создания такой игры слов. Вот чистый пример, который я хочу сообщить в противоположность вышеприведенной остроте, возникшей путем передвижения: .

52

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

а от хода мыслей. Чтобы уничтожить ее, недостаточно произвести замену слов, сохраняя смысл ответа. Редукция возможна только в том случае, если мы изменим ход мыслей и заставим лакомку прямо ответить на упрек, которого он избегает в этом изложении остроты. Тогда редуцированное изложение будет гласить: . Но это было бы не остротой, а цинизмом.

Поучительно будет сравнить эту остроту с другой, очень близкой ей по смыслу.

Один человек, подверженный пьянству, добывал себе средства к существованию тем, что давал уроки. Но его порок постепенно стал известен, и вследствие этого он потерял большинство своих уроков. Одному его другу было поручено взяться за его исправление. .

-

Эта острота также имеет внешний вид логичности, который бросился нам в глаза в случае . Но это уже не острота, возникающая путем передвижения. Это прямой ответ на вопрос. Цинизм, который там скрыт, здесь откровенно признается. . Техника этой остроты собственно очень убога и не может объяснить ее действия. Она заключается лишь в перестановке одного и того же материала, строго говоря, лишь в превращении отношения средств и цели между пьянством и получением уроков. Не отменяя в редукции этого момента, я уничтожаю эту остроту, излагая ее примерно так: , дальше>. Таким образом острота происходит в действительности за счет способа выражения.

В остроте о купании зависимость остроты от текста (взял ты ванну?) очевидна, и изменение его ведет к упразднению остроты. Здесь техника более сложна и является сочетанием двусмысленности (подвида 0 и передвижения. Текст вопроса

допускает двусмысленность, и острота осуществляется благодаря тому, что ответ имеет в виду не того, кто ставит вопрос, а связывается с побочными мыслями. Соответственно этому мы можем найти редукцию, которая делает возможным существование двусмысленности и все-таки упраздняет остроту благодаря тому, что мы уничтожаем передвижение:

- - Но это уже больше не острога, а неудачное или шутливое преувеличение.

[Соответственно этому аналогичная редукция остроты о гласила бы: . - . (Я. К.)]

Совсем такую же роль играет двусмысленность в остроте Гейне о . Она дает возможность ответу укло- ниться от упомянутого хода мыслей, причем такое же отклонение имеет место в остроте о , не примыкая в ней так близко к тексту. В редукции речь Soulic и ответ Гейне гласили бы примерно так: . - А Гейне отвечает: . Этим при сохранении двусмыс- ленности была бы упразднена острога, возникающая путем передвигания.

Теперь мы должны ответить на возражение: как разграничить друг от друга эти мудреные различия, если они все-таки стоят в тесной связи друг с другом. Не является ли каждая дву- смысленность поводом к передвиганию, к отклонению хода мыслей от одного смысла к другому? Или мы должны согла- ситься с тем, что и нужно считать представителями двух различных типов техники ост- роумия? Конечно, между двусмысленностью и передвиганием существует связь, но она не имеет ничего общего с распозна- ванием технических приемов остроумия. При двусмысленности острога не содержит в себе ничего, кроме многократного тол- кования пригодного к этому слова, которое дает слушателю возможность найти переход от одной мысли к другой, причем этот переход можно было бы приблизительно - с некоторой натяжкой - поставить наряду с передвиганием. При остроте

54

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

же, возникающей путем передвигания, сама острога содержит в себе ход мыслей, в котором произведено такое передвигание. Передвигание относится здесь к той работе, которая создала острогу, а не к той, которая необходима для понимания остроты. Если это различие для нас не очевидно, то мы имеем в редукции верное средство, которое может наглядно показать нам это различие. Но мы не хотим оспорить ценность этого возражения. Благодаря ему мы обратим внимание на то, что не должны сваливать в одну кучу психические процессы при образовании остроты (работа остроумия) с психическими про- цессами при восприятии остроты (работа понимания). Только первые процессы являются предметом нашего настоящего ис- следования^.

Существуют ли другие примеры техники передвигания? Их нелегко найти. Чистым примером, которому также не достает так сильно подчеркиваемой в нашем образце этой категории острот логичности, является следующая острога:

Торговец лошадьми рекомендует покупателю верховую ло- шадь: . -

Передвигание здесь произведено блестяще. Торговец упоми- нает о раннем прибытии в маленький городок, очевидно, только имея в виду доказать на примере быстроту бега лошади. Покупатель не принимает во внимание быстроты лошади, в чем он больше

не сомневается, и входит только в обсуждение чисел, упомянутых в примере. Редукцию этой остроты дать нетрудно.

Большие трудности представляет другой, очень неясный по своей технике пример, который все же можно разгадать как двусмысленность с передвиганием. Эта острота рассказывает об

О последних процессах см. дальнейшие главы. Пожалуй, здесь не излишни будут несколько слов для дальнейшего понимания. Передвигание всегда имеет место между обращением и ответом, который продолжает ход мыслей в ином направлении, чем то, в котором была начата речь. Оправдание отграничению передвигания от двусмысленности вытекает яснее всего из тех примеров, в которых имеется комбинация обоих фактов, где, следовательно, текст речи допускает двусмысленность, которая не имелась в виду говорящим, а ответ указывает путь к передвиганию.

55

уловке (посредника при заключении брака у евреев) и относится к группе, которой мы еще посвятим много внимания.

Шадхен заверил жениха, что отца девушки нет в живых. После обручения выясняется, что отец еще жив и отбывает тюремное наказание. Жених упрекает шадхена.

Двусмысленность заключается в слове , и передвигание состоит в том, что шадхен переходит от обычного смысла, противоположностью которого является , к тому смыслу, который имеет это слово в обороте речи: . При этом он дает запоздалое объяснение своему выражению, хотя это многократное толкование здесь не подходит. Эта техника очень сходна с техникой остроты о и о . Но здесь следует принять во внимание еще и другой момент, который благодаря показательности мешает пониманию техники. Можно было бы сказать, что эта острота характеризует: она стремится иллюстрировать примером характерную для посредников брака смесь лживой дерзости и находчивости остроумия. Мы услышим, что это только показная сторона, фасад остроты; его смысл, т. е. его цель другая. Но в данный момент мы не будем останавливаться на попытке создания редукции этой остроты^

После этих сложных и трудно поддающихся анализу примеров нам все-таки доставило бы удовлетворение, если бы мы могли распознать в одном случае чистый и ясный пример . Проситель приносит богатому барону прошение о выдаче вспомоществования для поездки в Остендэ. Врачи рекомендовали ему для восстановления его здоровья морской курорт. - . -

См. ниже главу III. 56

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

Это, конечно, правильная точка зрения, но только неправильная для просителя. Ответ был дан с точки зрения богатого человека. Проситель ведет себя так, как будто это будут его собственные деньги, которыми он должен пожертвовать для своего здоровья, как будто деньги и здоровье относятся в данном примере к одному и тому же лицу.

Обратимся вновь к сТоль поучительному примеру с . Мы видели в нем только его показную сторону, по которой можно было бы судить о поразительной силе логической мысли, но благодаря анализу мы узнали, что эта логичность имела целью скрыть недочет мышления, а именно передвигание хода мыслей. Исходя из этого мы можем, хотя бы путем ассоциации по контрасту, вспомнить о других ост- ротах, которые в противоположность только что упомянутой открыто выставляют напоказ нечто несуразное, бессмыслицу, нелепость. Мы любопытно узнаем, в чем состоит техника этих острот.

Я привожу самый яркий и вместе с тем самый чистый пример всей этой группы. Это опять-таки еврейская острота.

Исаак был назначен в артиллерию. Он, очевидно, смысленный малый, но непослушен и к службе относится без интереса. Один из его начальников, который был к нему расположен, отводит его в сторону и говорит ему: .

Совет, над которым можно от души посмеяться, является очевидной бессмыслицей. Пушек для продажи не существует, и один человек не может быть самостоятельным как вооруженная сила так, как это имеет место в торговле. Но для нас ни на одну минуту не подлежит сомнению, что этот совет не является пустой бессмыслицей, а остроумной бессмыслицей, отличной остротой. Но благодаря чему бессмыслица становится остротой?

Нам не придется долго размышлять над этим. Из приве- денных во введении рассуждений авторов можно догадаться, что в такой остроумной бессмыслице скрывается смысл и что именно этот смысл в бессмыслице превращает бессмыслицу в остроту. Смысл в нашем примере найти легко. Офицер, который

< 57

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

дал бессмысленный совет артиллеристу Исааку, только притво- ряется дурачком, чтобы показать Исааку, как глупо тог себя ведет. Он копирует Исаака. . Он соглашается с глупостью Исаака и ставит ее ему на вид, делая ее основой предложения, которое должно соответствовать желаниям Исаака, т. к., если бы Исаак владел собственной пушкой и промышлял бы орудием войны за свой собственный счет, как пригодились бы ему тогда его сообразительность и его честолюбие!

Я прерываю анализ этого примера, чтоб показать тот же смысл бессмыслицы на одном более кратком и более простом, но менее ясном случае остроты-бессмыслицы.

..

Современное добавление к древней мудрой поговорке является очевидной бессмыслицей, которая становится еще более нелепой благодаря кажущемуся предусмотрительным. Но оно связано с первым предложением как неоспоримо верное огра- ничение и может, таким образом, открыть нам глаза на то, что эта приемлемая с благоговением мудрость немногим лучше бессмыслицы. Кто вовсе не родился, тот вообще не является дитятей человечества; для него не существует ни хорошего, ни самого лучшего. Бессмыслица в остроте служит здесь, таким образом, для открытия и изображения другой бессмыслицы, как в примере артиллериста Исаака.

Я могу присоединить сюда третий пример, который по своему содержанию вряд ли заслуживал бы подробного изло- жения, но который особенно отчетливо выясняет опять- таки применение бессмыслицы в остроте для изображения другой бессмыслицы.

Один человек, уезжая, поручил свою дочь своему другу с просьбой, чтоб он охранял во время его отсутствия ее добро- детель. Он вернулся спустя несколько месяцев и нашел ее забеременевшей. Разумеется, он начал упрекать своего друга. Последний, по-видимому, не мог объяснить себе этого несча- стного случая. - спросил, наконец, отец. - . -

58

ТЕХНИКА ОСП-ОУМИЯ

ей спать в одной комнате с твоим сыном после того, как я просил тебя охранять ее?> - . - -

.

От этой не совсем удачной по своим остальным качествам остроты мы легче всего можем перейти к редукции. Она, очевидно, должна была бы гласить: ты не имеешь никакого права упрекать меня. Как же ты мог быть так глуп и оставить свою дочь в доме, в котором она должна была жить в посто- янном обществе молодого человека? Как будто возможно было бы постороннему человеку нести при таких обстоятельствах ответственность за добродетель девушки. Кажущаяся глупость друга здесь является, таким образом, только отображением глупости отца. Редукцией мы устранили нелепость в остроте, а с ней упразднили и самую остроту. От элемента мы не избавились. Она находит себе другое место в связи с предложением, редуцирующим ее смысл.

Теперь мы можем попытаться произвести редукцию остроты о пушке. Офицер должен был бы сказать: .

Таким образом, техника приведенных до сих пор острот- бессмыслиц заключается в том, что нам преподносится неле- пость, бессмыслица, смысл которой заключается в наглядном выяснении, изображении другой какой-нибудь бессмыслицы и нелепости.

Имеет ли употребление бессмыслицы в технике остроумия всякий раз такое значение? Я привожу здесь еще один пример, который отвечает на этот вопрос в положительном смысле.

Когда Фокиона однажды после речи наградили аплодисментами, он, обратясь к своим друзьям, спросил:

Этот вопрос звучит как бессмыслица. Но мы вскоре понимаем его смысл.

59

нравиться этому глупому народу? Я, собственно, должен был бы стыдиться этого одобрения; если это понравилось глупцам, то оно само было не очень-то разумно>.

Другие примеры могут указать на то, что бессмыслица часто употребляется в технике остроумия, не служа цели изображения другой бессмыслицы.

Одного известного университетского преподавателя, который обычно обильно уснащал остротами свой малонравишпийся слушателям специальный предмет, в день рождения его младшего сына поздравили с тем, что ему было дано и удел счастье иметь ребенка уже в таком преклонном возрасте. . Этот ответ кажется особенно бессмысленным и неуместным. Детей называют ведь благословением бога прямо в противоположность творению человеческих рук. Но сейчас же нам приходит в голову, что этот ответ имеет смысл, и именно скабресный смысл. Здесь нет и речи о том, что счастливый отец хочет притвориться глупым, чтобы назвать глупым что-то или кого-то. Кажущийся бессмысленным ответ действует на нас ошеломляюще, смущающе, как мы сказали бы вместе с авторами, писавшими об остроумии. Мы слышали, что авторы усматривали все действие таких острот в смене . Мы попытаемся позже создать свое суждение об этом. Пока мы удовольствуемся лишь тем, что техника этой остроты заключается в преподношении нам такого смущающего^ бессмысленного ответа.

Совсем особое место среди этих острот-бессмыслиц занимает острота Lichtenberg'a.

Он удивился, что у кошек вырезаны две дыры как раз в том месте их шкурки, где у них должны быть глаза. Удивляться чему-то само собой разумеющемуся, чему-то, что может быть объяснено только идентичными словами, - конечно, нелепость. Это напоминает об одном всерьез понимаемом восклицании у Michlet (Das Weib), которое, насколько я помню, гласит приблизительно так: Фраза Michelet - действительно нелепость, фраза же Lichtenberg'a - острота, которая пользуется

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ нелепостью для какой-то цели, за которой что-то скрывается. Что именно, этого мы, конечно, не можем указать в данный момент.

Из двух групп примеров мы узнали, что работа остроумия пользуется двумя отклонениями от нормального мышления, сугублением и бессмыслицей как техническими приемами для создания остроумного выражения. Мы вправе ожидать, что и другие ошибки мышления

могут найти такое же применение. Действительно, можно указать несколько примеров такого рода.

Один гражданин приходит в кондитерскую и приказывает дать себе торт, но вскоре отдает его обратно и требует вместо него стаканчик ликера. Он выпивает его и хочет уйти, не заплатив. Владелец лавки задерживает его. - . . . - .

И этот рассказ имеет видимость логичности, которая служит удобным фасадом для ошибки мышления. Ошибка заключается, очевидно, в том, что хитрый покупатель создает между воз- вращением торта и получением ликера соотношение; на самом деле не существовавшее. Суть вещей распадается на два процесса, которые для продавца друг от друга независимы и только по собственному предположению покупателя стоят в соотношении замены одного другим. Он сначала взял и возвратил торт, за который, следовательно, ничего не должен заплатить, затем он берет ликер и за него должен заплатить. Можно сказать, что покупатель двусмысленно употребляет выражение , правильное говоря, он создает с помощью двусмысленности связь, не имеющую фактических оснований^.

Теперь нам представляется удобный случай сделать немало- важное признание. Мы исследуем технику остроумия на при- мерах и, следовательно, должны быть уверены, что выбранные

Подобная техника бессмысленности получается в том случае, когда острота может сохранить связь, которая оказывается упраздненной благодаря особым условиям ее содержания. Сюда относится нож Lichtenberg'a без клинка, где отсутствует рукоятка. Такова же острота, рассказанная J. Faike. - .

61

примеры действительно являются истинными остротами. Но дело обстоит таким образом, что в ряде случаев, мы колеблемся, следует ли назвать соответствующий пример остротой или нет. В нашем распоряжении не будет такого критерия до тех пор, пока само исследование не даст нам его. Ходячее мнение ненадежно и само нуждается в проверке своей правильности. При решении выдвинутого вопроса мы можем опереться только на некоторое , которое мы понимаем в том смысле, что судим о чем-нибудь согласно уже существующим определенным критериям, еще недоступным нашему пониманию. Ссылку на это чутье мы не будем выдавать за достаточное обоснование. Мы сомневаемся, должны ли считать последний пример ост- ротой, софистической остротой или просто софизмом. Кроме того, мы не знаем еще, в чем заключается характер остроты.

Наоборот, нижеследующий пример, который выявляет более грубую ошибку мышления, является несомненной остротой. Это опять-таки история с посредником брака.

Шадхен защищает девушку, которую предлагает в качестве невесты, от недостатков, отмечаемых молодым человеком. -

Таким образом речь идет, действительно, о немолодой, не- красивой девушке с небольшим приданым, причем у нее от- талкивающая мать, и кроме того, она награждена безобразным уродством. Это отнюдь не заманчивые условия для заключения брака. Но посредник умеет при каждом отдельном из этих недостатков указать на ту точку зрения, благодаря которой можно с ним примириться. Непростительный горб он в итоге оценивает как единственный недостаток, который нужно про- стить каждому человеку. И здесь есть видимость логичности, характерной для софизма, которая должна скрыть ошибку мыш- ления. Девушк имеет очевидные, явные недостатки: несколько

62

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

таких, которые можно простить, и один такой, которого простить нельзя. Она не подходит для брака. Но посредник ведет себя таким образом, как будто каждый отдельный недостаток уст- раняется благодаря его возражению, в то время как в дейст- вительности каждый из них до некоторой степени обесценивает выгоды брака, и все эти недостатки вскоре суммируются в одно общее впечатление. Посредник настаивает на обсуждении каждого фактора в отдельности и сопротивляется их объедине- нию.

Та же ошибка мышления является ядром другого софизма, по поводу которого можно много смеяться, но можно и со- мневаться, вправе ли мы называть его остротой.

А взял у В медный котел. После того, как котел был возвращен, В предъявил к А иск, т. к. в котле была большая дыра, благодаря которой он стал негоден для употребления. А защищается: . Каждое возражение в отдельности само по себе хорошо, но, взятые вместе, они исключают друг друга. А обсуждает изолированно то, что должно быть рассматриваемо в связи друг с другом, точь-в-точь так, как поступает посредник с недостатками невесты. Можно также сказать: А ставит на том месте, на котором возможно только .

Другой софизм мы находим в следующей истории с по- средником брака.

Жених замечает, что у невесты одна нога короче другой и что она хромает. Шадхен вступает с ним в спор. .

Видимость логики здесь очень невелика, и никто не захочет отдать предпочтение уже перед несчастьем, только могущим произойти. Ошибку, содержащуюся в ходе мысли, можно будет легче выявить на втором примере, на истории, в изложении которой я не могу избежать жаргона.

63

В храме в Кракове сидит великий раввин N и молится со своими учениками. Внезапно он издает крик и, спрошенный своими озабоченными учениками, говорит: . Община накладывает траур по умершему. В течение ближайших нескольких дней опрашиваются

прибывающие из Лемберга, как умер раввин, чем он был болен, но они ничего не знают об этом, они оставили его в наилучшем самочувствии. Наконец, выясняется вполне определенно, что раввин L не умер в тот момент, когда раввин N телепатически почувствовал его смерть, так как он жив еще до сих пор. Иноверец воспользовался удобным случаем, чтобы подтрунить над учеником краковского раввина по поводу этого события. . - .

Здесь открыто признается общая двум последним примерам ошибка мышления. Ценность фантастического представления без всякого зазрения превозносится в сравнении с реальностью. Дальновидный взгляд через пространство, отделяющее Краков от Лемберга, был бы импозантным телепатическим актом, если бы он передал нечто действительно происшедшее, но это неважно для ученика. Ведь было все-таки возможно, чтобы раввин L умер в Лемберге в тот момент, когда краковский раввин провозгласил о его смерти; ученик же передвинул акцент с условия, при котором поступок учителя был бы достоин удивления, на безусловное удивление этим поступком. свидетельствует о подобной же точке зрения. Точно так же, как в этом примере, реальность не принимается во внимание, и ей предпочитается возможность, так и в предыдущем примере посредник брака требует от жениха, чтобы он принял во внимание возможность того, что женщина может благодаря несчастному случаю стать хромой, и оценил эту возможность как нечто более многозначительное, в сравнении с чем вопрос, действительно ли она хрома или нет, отступает на задний план.

К этой группе софистических ошибок мышления примыкает другая интересная группа, в которой ошибку мышления можно назвать автоматической. Быть может, это только каприз случая,

64

ТЕХНИКА ОСТГОУМИЯ

что все примеры этой новой группы, которые я приведу, относятся опять-таки к историям с шадхенами.

Шадхен привел с собой для переговоров о невесте помощника, который должен был подтверждать все его сведения. , - говорит шадхен. - , - повторяет эхо. - . - , - подтверждает эхо. - . - - . - , - подкрепляет опять эхо. Другие истории вполне аналогичны, но они более остроумны.

Жених при знакомстве с невестой неприятно поражен и отводит посредника в сторону, чтобы сообщить ему о недо- статках, которые он нашел в невесте. - .

Жених делает первый визит в дом невесты вместе с по- средником, и в то время, как они ожидают в гостиной появления семьи, посредник обращает его внимание на стеклянный шкаф, в котором выставлена напоказ серебряная утварь. . - -

Во всех трех случаях происходит одно и то же. Человек, который несколько раз подряд реагирует одинаковым образом, продолжает этот способ выражения также и по ближайшему поводу, который оказывается неподходящим и противоречит тем целям, к которым стремится этот человек. Он не видит необходимости приспособливаться к требованиям ситуации и поддается автоматизму привычки. Так, помощник посредника в первом рассказе забывает, что его взяли с собой для того, чтобы он подавал голос в пользу предлагаемой невесты, и до сих пор он оправдывал возложенную на него задачу, подчеркивая

3 Зак. № 64 65

своим повторением указываемые положительные черты невесты, но затем он подчеркивает и ее робко признаваемый горб, который он должен был бы преуменьшить. Во втором рассказе посредник был так увлечен перечислением недостатков и пороков невесты, что он дополняет их список теми недостатками, о которых знает только он один, хотя это, конечно, не входит в круг его обязанностей и намерений. В третьем рассказе, наконец, он настолько увлекается рвением уверить молодого человека в богатстве этой семьи, что он, желая оказаться правым в одном только пункте доказательства, приводит довод, уничижающий все его старания. Повсюду автоматизм берет верх над целесообразным изменением мышления и выражения.

Это легко понять, но это должно сбить нас с толку, если мы обратим внимание на то, что эти три истории могут быть названы комическими с таким же правом, с каким мы привели их в качестве остроумных. Открытие психического автоматизма принадлежит к технике комического, как и всякое разоблачение, когда человек сам себя выдает. Мы очутились внезапно перед проблемой отношения остроумия к комизму, которую мы думали обойти (см. введение). Являются ли эти истории только комическими и не остроумными в то же время? Работает ли здесь комизм теми же средствами, что и остроумие? И опять-таки, в чем заключается особый характер остроумного?

Мы должны придерживаться взгляда, что техника последней исследованной нами группы остроумия заключается в преподнесении, но мы вынуждены признать, что их исследование привело нас скорее к затемнению вопроса, чем к его выяснению. Но мы все-таки не перестаем надеяться, что благодаря полному изучению технических приемов остроумия мы придем к некоторым данным, которые послужат нам исходным пунктом для дальнейших рассуждений.

Ближайшие примеры остроумия, на которых мы будем базировать дальнейшее исследование, не представят больших трудностей. Их техника напомнит нам уже знакомую. Вот, например, острота Lichtenberg'a:

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

пожелания, а остальные месяцы - эпопею, в течение которых они не исполняются>.

Поскольку эти остроты следует назвать скорее тонкими, чем удачными, и поскольку они пользуются мало энергичными приемами, мы хотим усилить получаемое от них впечатление, умножая их число.

. (Оба примера у К. Fischera.)

Эти примеры напоминают рассмотренную нами раньше группу, особенностью которой является . Особенно последний пример дает нам повод поставить вопрос, почему мы не включили его в эту прежнюю группу вместо того, чтобы приводить его в связи с новой группой. Испытание описывается опять через само себя, как в другом месте ревность (с. 35). И это указание я не буду особенно оспаривать. Я полагаю, что в двух других примерах, имеющих аналогичный же характер, другой новый момент является более поразительным и многозначительным, чем многократное употребление одного и того же слова, которому здесь недостает даже намека на двусмысленность. Здесь созданы новые и неожиданные единства, новые отношения представлений друг к другу и определение одного понятия другим или отношением к общему третьему понятию. Я назвал бы этот процесс унификацией. Он, очевидно, аналогичен сгущению благодаря укомплектовыванию в одни и те же слова. Так, две половины человеческой жизни описываются при помощи открытого между ними взаимоотношения; в течение первой половины стремятся вперед ко второй, а в течение второй стремятся обратно к первой. Это, точнее говоря, два очень сходных отношения друг к другу, которые взяты для изображения. Сходству отношений соответствует сходство слов, которое напоминает о многократном употреблении одного и того же материала

стремиться вперед/ стремиться обратно

з* 67

В остроте Lichlenberg'a - январь и противопоставляемые ему месяцы характеризуются опять-таки модифицированным отношением к чему-то третьему. Это - пожелания счастья, которые люди приносят в течение одного месяца и которые не исполняются в течение других месяцев. Отличие от многократного применения одного и того же материала, которое приближается к двусмысленности, здесь ясно и очевидно.

ПРИМЕЧАНИЕ. Я хочу воспользоваться упомянутым С1мх;об[]д:111ым 11СГОТ11ВНЫМ отношением остроты к загадке (то, что скрыто в остроте, дано в загадке и наоборот), чтобы описать лучше, чем ЛТО позволят сделать вышеприведенные примеры. Многие из загадок, сочинением которых занимался философ G. Th. Fecliner после того, как потерял зрение, отличаются и высокой степени упфпкцнеп, прндающеп им особую прелесть. Такова, например, следующая загадка (Ratselbiichlein von D-r Mises. Vierte vci'nlehi'le Aliflage. Год издания не указан).

Die beiden ersten fintlen ihre Rlihestatte Im Paar dcr andern, uild das G.inxe iii.iclU ihi' Belle.

(. Разгадка: Totengraher (Могильщик) = Toten (мертвые) + (iraher (гробы).)

О двух нарах слогов, которые нужно отгадать, не сказано ничего, кроме их отношения друг к другу и кроме отношения всего в целом к первой паре слогов (Разгадка: Toteilgraher). Ули следующие два примера, в которых описание происходит путем указания отношения к одному и тому же или слегка модифицированному третьему:

Die erste Silb'hat Zailn' und llaare, Die r.weite ^ahiie in den llaaren. Wei- aiif den /.ahnen nicht lial Haar Vom Ganxen kaufe keinc Ware. (Rosskamin).

[

Пусть не покупает у целого никаких товаров> (нс.ч.). (Ross + Kanim = Rosskamni.)l

Die erste Silhe frisst. Die andere Silhe isst. Die dritte wird gelresscii, Das ganze wird gcgssen. (Sauerkraut).

(

68

ТЕХНИКА иСГГОУМПЯ

Третьим кормят скот (разгадка: ботпа - Kraut). А целое едят (разгадка: квашеная капуста - Sauerkraut)>, (не.и.)] Наибольшая унификация содержится в загадке Schleicmacher'a. которую нельзя не назначь остроумной:

Von tier let/.ten urnschilingen Schweht d;is vollendcle Ganr.c Zli den zwei ersten einpor. (Ci.'ilgeiisirick).

Обвитое последним Законченное целое Взмывает к двум первым (нем.)

Разгадка: Galgen.strick (висельник) = Galgeii (цпс^лнца) + strick (верейка). В большинстве загадок, в которых искомое слово расчленяется на с.'ioi li, унификация отсугстиует. т. с. признак, но которому нужно отгадать один из слогов, совершенно независим от признака, данного для второго, третьего слога, и от опорных точек, по которым можно отгадать все в целом.

Прекрасным примером унификационной остроты, не нужда- ющейся в пояснении, является следующая.

Французский писатель од J. B. Rousseau написал одну оду потомству (a la poslerite); Вольте? нашел, что стихотворение это по своей ценности не имеет достаточных оснований, чтобы дойти до потомства, и сказал остроумно: . (По К. Fischer'y.)

Последний пример может обратить наше внимание на то, что по существу унификация является тем моментом, который лежит в основе так называемых находчивых острот. Находчивость состоит в переходе от обороны к агрессивности, в , в , следовательно, в создании неожиданного единства между атакой и контратакой.

Так, например, пекарь говорит трактирщику, у которого нарывает палец: - . (По Uberhosl'y. Das Komische, II. 1900.)

Светлейший князь объезжает свои владения и замечает в толпе человека, похожего на его собственную высокую персону. Он подзывает его, чтобы спросить: - .

Герцог Карл Вюртембергский случайно наталкивается по время одной из своих верховых прогулок на красильщика, занятого своим делом. - подзывает его герцог и получает ответ:

В этих отличных - в которых на бессмысленный вопрос отвечают столь же невозможным условием - принимает участие еще и другой технический момент, который отсутствовал бы, если бы ответ красильщика гласил: .

В распоряжении унификации имеется еще и другой, особенно интересный технический прием, присоединение при помощи союза и. Такое присоединение означает связь; мы понимаем его не иначе. Когда Гейне рассказывает, например, в о городе Геттингене: , то мы понимаем это сопоставление именно в таком смысле, который еще резче подчеркивается добавлением Гейне: . Или когда Гейне говорит о школе, где он должен был перенести , то это присоединение, которое более чем ясно благодаря тому, что побои поставлены посередине между обоими учебными предметами, хочет сказать нам, что мы должны распространить отношение ученика к занятиям, несомненно определяемое отношением к побоям, и на латынь и географию.

У Lirps'a мы находим среди примеров () стих, очень близкий Гейневскому :

, как будто бы труд был инструментом, подобно вилке, добавляет Lirps, поясняя^
Создается впечатление, что этот стих совсем неостроумен, а только комичен в то время, как Гейневское присоединение несомненно остроумно. Быть может, впоследствии мы

. К. Макушинский. . Чтец-декламатор. Т. V, Юмористический. Киев: Кн-во Самоненок. (Я. К.)

70

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

вспомним об этих примерах, когда нам больше не нужно будет избегать проблемы соотношения комизма и остроумия.

На примере герцога и красильщика мы заметили, что этот пример остался бы остротой, возникшей путем унификации, и в том случае, если бы ответ красильщика гласил: . Но ответ гласил: . В замене собственно уместного словом и заключается новый технический прием остроумия, упот- ребление которого мы проследим на других примерах. Одна из приведенных у К. Fischer'a острот более проста. Фридрих Великий слышит об одном силезском проповеднике, о котором говорили, что он общается с духами. Фридрих приказывает этому человеку прийти и встречает его вопросом: Ответ был: . Здесь вполне очевидно, что прием ост- роумия заключается в замене единственно возможного его противоположностью. Чтобы произвести эту замену, к слову должно быть присоединено , так что и по смыслу равны .

Это изображение при помощи противоположности служит работе остроумия в различных продукциях. В следующих двух примерах оно выступает в чистом виде. Гейне: . Это - изображение отвратительной внешности при помощи аналогии с прекрасным. Эти аналогии могут состоять только в двусмыс- ленно выраженных качествах или во второстепенных чертах. Последнее относится ко второму примеру: Lichtenberg: Великий дух.

Он объединил в себе качества великих мужей. Он держал голову криво, как Александр, всегда поправлял волосы, как Цезарь, мог пить кофе, как Лейбниц, и когда он однажды прочно сидел в кресле, он забыл о еде и питье, как Ньютон, и его должны были будить, как этого последнего; свой парик он носил как д-р Джонсон, и пуговица от брюк была всегда у него расстегнута, как у Сервантеса>. Особенно хороший пример изображения при помощи про-

тивоположности, в котором абсолютно не имеет места упот- ребление двусмысленных слов, привезен J. v. Falkc'ОМ из его поездки в Ирландию: , - сказали мы madame Tussaud. И здесь имеется про- водник, сопровождающий общество, с которым и стар и млад, от фигуры к фигуре со своими объяснениями. . После этого одна молодая девушка задает вопрос: - . (Какая фигура - герцог В, а какая - его лошадь? - Как вам будет угодно, мое дитя, вы зашатали деньги, и выбор принадлежит вам.) (Lebenserinnerungen.)

Редукция этой ирландской остроты должна была бы гласить: Как не стыдно предлагать обозрению публики эти восковые фигуры людей! Ведь в них нельзя отличить лошадь от всадника! (Шутливое преувеличение.) И за это платят хорошие деньги! Это негодующее выражение драматизируется, подкрепляется не- большими подробностями, вместо публики вообще выступает одна дама, фигура всадника определяется индивидуально столь популярной в Ирландии личностью герцога Веллингтона. Бес- стыдство же владельца или проводника, который тянет у людей деньги из кармана и не дает ничего взамен этого, изображается путем противоположности, с помощью речи, в которой он восхваляется как добросовестный делец, у которого на уме нет ничего, кроме соблюдения прав, которые публика приобрела уплатой денег. Теперь можно также отметить, что техника этой остроты совсем не проста. Найдя путь к тому, чтобы торже- ственно уверить обманщика в его добросовестности, эта острота является примером изображения при помощи противополож- ности; но повод, по которому острота прибегает к этому изо- бражению, требует от нее совсем другого: она отвечает деловой солидностью там, где от

нее ожидают сходства фигур, и является, таким образом, примером передвигания. Техника этой остроты заключается в комбинации обоих приемов.

От этого примера легко перейти к небольшой группе, которую можно было бы назвать остротами, возникающими путем пре-

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

увеличения. В них, которое было бы уместно в редукции, заменяется отрицанием, но это равносильно в силу своего содержания даже усиленному, и обратно: заменяется таким же. Отрицание стоит на месте утверждения с преувеличением; такова, например, эпиграмма Lessing'a:

- .

Или мнимая ехидная защита книжной мудрости Lichtenberg'oM:

Твоей учености>, - сказал презрительно Гамлет. Lichlenberg знает, что это определение не метко, поскольку оно не реализует все то, что можно возразить против ученой мудрости. Поэтому он прибавляет еще недостающее суждение. Его изложение подчеркивает, чем вознаграждается книжная мудрость за порицаемый Гамлетом недостаток, но в этом вознаграждении заключается второй и еще больший упрек.

Еще яснее, хотя и грубы, две еврейские остроты, т. к. они свободны от всякой примеси передвигания.

Два еврея говорят о купании: .

Ясно, что таким хвастливым уверением в своей чистоплотности он уличает себя только в нечистоплотности.

Один еврей замечает остатки пищи на бороде у другого еврея. . - (. - . - .

Великолепной остротой, возникшей путем преувеличения, которая легко может быть отнесена за счет изображения при помощи противоположности, является следующая.

Король, снизойдя, посещает хирургическую клинику и застаёт профессора, готовящегося к ампутации ноги; отдельные стадии этой ампутации король сопровождает громкими выражениями своего благоволения: . По

По изложению

73

окончании операции профессор подходит к королю и спрашивает с глубоким поклоном:

То, о чем думал про себя профессор со время королевского одобрения, можно выразить, конечно, только в таком виде: . Но затем он подходит к королю и говорит: Высказывая противоположную мысль, ему удается дать понять то, о чем он думает и о чем он должен умолчать. Эта противоположность есть невероятное преувеличение.

Изображение при помощи противоположности является, как мы видим на этих примерах, часто употребляемым и очень энергичным приемом техники остроумия. Но мы не должны проглядеть и другого момента, заключающегося в том, что эта техника свойственна отнюдь не одному только остроумию. Когда Марк Антоний, произнеся длинную речь о труп Цезаря на форуме и завоевав у слушателей расположение, опять бросает, наконец, фразу:

, - то он знает, что народ крикнет ему в ответ только истинный смысл его слов: , которое напоминает о поговорке: . В них тождественны первое слово, третье слово и вся структура предложения. Это изречение возникло в голове остроумного мыслителя, вероятно, как подражание известной поговорке. Изречение Lichtenberg'a является, таким образом, намеком на поговорку. С помощью поговорки нам указывается на нечто, что не высказывается прямо, а именно: что в действительности, оказываемом курортами, принимает участие еще и другой временный момент, кроме теплых вод, занимающих одно и то же постоянное место в его целебных свойствах.

Подобным же образом технически вскрывается и другая шутка или острота Lichtenberg'a: девочка, которой четыре моды. Это созвучно с определением возраста и было первоначально, возможно, опiskeй в этом определении. Но употребление смены мод вместо смены годов для определения возраста лиц женского пола является удачным приемом.

Связь может состоять в тождестве вплоть до единичной небольшой модификации. Эта техника опять-таки параллельна словесной технике. Оба вида остроумия вызывают почти одно и то же впечатление, однако их можно отличить друг от друга по процессам, происходящим при работе остроумия.

Вот пример такой словесной остроты или каламбура: великая, но известная не только объемом своего голоса певица Мария Свит^ была обижена тем, что заглавие театральной пьесы, инсценированной по известному роману Ж. Верна, послужило намеком на ее безобразную наружность^ .

Или: , являющееся модификацией известного шекспировского: , служащее намеком на эту цитату и сказанное про одну знатную и пережившую свое величие даму. В действительности

Настоящая фамилия певицы Wilt. Эта фамилия является модификацией слова Welt, Соответственно этому модификацией русского Снег яинлась фамилия Свит. (Я. К.)

Она была очень толста. (Я. К.)

можно было бы немного возразить, если бы кто-нибудь захотел отнести эту остроту к сгущению с модификацией или к заместительному образованию. (Ср. tele-a-bete) (с. 26, 34).

Об одном. имеющем высокие стремления, но своеобразном в достижении своих целей своенравном человеке один из его друзей сказал: . - - это общеупотребительный оборот речи, на который намекает эта модификация и на смысл которого она сама претендует. И здесь можно описать технику как сгущение с модификацией.

Почти невозможно отличить намек с модификацией от сгущения с заместительным образованием тогда, когда модификация ограничивается изменением букв, как например, дихтерит (Dichter - поэт). Намек на страшную заразу дифтеритом рисует бездарное поэтическое творчество как нечто опасное в общественном отношении.

Отрицательные приставки дают широкую возможность со- здания удачных намеков с незначительными изменениями.

, - говорит Гейне. -так начинается у Lichtenberg'a неприведенный дальше манифест этих несчастных, которые имеют, во всяком случае, больше права на такое титулование, чем короли и князья на немодифицированное.

Формой намека является, наконец, и пропуск, который можно сравнить с сгущением без заместительного образования. Собственно, при каждом намеке пропускается нечто, а именно: при- водящие к намеку пути, по которым идет течение мыслей. Речь только о том, что больше бросается в глаза: пробел или заме- стительное образование, отчасти выполняющее пробел в тексте намека. Таким образом, мы вновь вернулись бы от целого ряда примеров с грубыми пропусками к собственно намеку.

Пропуск без замещения дан в следующем примере: в Вене живет остроумный и воинственный писатель, который неоднократно бывал бит своими противниками за резкость полеми- ческих статей. Когда однажды в обществе обсуждалось новое преступление одного из его обычных противников, кто-то ото- звался: . К технике этой остроты относится прежде всего смущение вследствие непонимания этой мнимой бессмыслицы, потому

78

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

что получение пощечины как непосредственное следствие того, что о чем-то слышали, никак не может быть понято. Но бессмыслица исчезает, когда вставляют пробел: тогда он написал бы такую едкую статью против лица, о котором идет речь, что и т. д. Намек, получающийся в результате пропуска, и бессмыслица являются, таким образом, техническими приемами этой остроты.

Гейне: . Этот пробел легко выполнить. Пропущенное заменено следствием, которое служит намеком на этот пропуск. . (Нем. поговорка). Еще одна острота о евреях, встретившихся у бани. - вздыхает один из них. Эти примеры не оставляют никакого сомнения в том, что пропуск относится к намеку.

Бросающийся в глаза пробел имеется в нижеследующем примере, являющемся истинной и настоящей остротой, возникшей путем намека. После одного празднества художников в Вене был издан юмористический сборник, в котором, между прочим, было помещено следующее замечательное изречение:

.

Зонтик мало защищает от дождя. может только означать: когда падает сильный дождь, и комфортабельностью является омнибус (общественный экипаж). Но, т. к. здесь мы имеем дело с формой сравнения, то отложим пока более подробное исследование этой остроты.

Истинный клубок колких намеков содержат Гейне. Они превращают эту форму остроумия в искусное орудие для полемических целей (против графа Платена). Прежде чем читатель может догадаться об этом орудии, создается прелюдия к определенной теме, непригодной для прямого изображения; прелюдия состоит из намеков, созданных из самого разнообразного материала, как, например, в исковерканных словах Гирш-Гиацинта: . - (Uriiii - моча) - толстая Гудель из Дрекваля (Dreck - кал) в Гамбурге

79

и т. п., затем эти события, о которых рассказывает поэт, принимают другое направление, которое якобы прежде всего свидетельствует только о невежливой вольности поэта, но вскоре открывает свое символическое отношение к полемическим целям и является, таким образом, тоже намеком. Наконец, нападки на Платена прорываются, и намеки на ставшую уже известной тему о гомосексуальности графа клопочуг и струятся из каждой фразы, которую Гейне направляет против таланта и характера своего противника, например:

.

.

Намек является самым употребительным и охотнее всего применяемым приемом остроумия. Он лежит в основе большинства недолговечных созданий остроумия, которые мы обычно вплетаем в нашу речь и которые теряют свой смысл при отделении от взрастившей их почвы и при самостоятельном существовании. Но именно намек напоминает о тех соотношениях, которые чуть было не ввели нас в заблуждение при оценке техники остроумия. Намек тоже сам по себе неостроумен; есть корректно созданные намеки, не претендующие на остроумие. Остроумен только намек, так что признак остроумия, который мы проследили вплоть до техники остроумия, опять ускользает от нас.

Я назвал намек и обращаю теперь внимание только на то, что можно с большим успехом объединить различные виды намека с изображением при помощи противоположности и с техническими приемами, о которых еще пойдет речь, в одну большую группу, которую можно было бы назвать всеобъемлющим названием. Ошибки мышления - унификация - не прямое изображение - таковы на-

80

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

нования рубрик, под которые можно подвести ставшие нам известными технические приемы остроумной мысли.

При продолжении исследования нашего материала мы, вероятно, найдем новый подвид непрямого изображения, доступный яркому охарактеризованию, иллюстрировать который можно лишь немногими примерами. Это - изображение при помощи мелочи или детали, разрешающее задачу: дать полное выражение целой характеристике с помощью крохотной детали. Присоединение этой группы к намеку становится возможным благодаря тому, что эта деталь находится в такой связи с материалом, который подлежит изображению, что ее можно вывести как следствие из этого материала, например:

, - говорит еврей и опять кладет ноги на скамейку, прежде чем ответить на вопрос.

Нельзя отрицать, что это изображение при помощи детали связано с тенденцией к экономии, которую мы отметили при исследовании техники словесных острот, как общую всем без исключения островам черту. Совершенно таков же и следующий пример. Врач, приглашенный помочь баронессе при разрешении от бремени, заявляет, что время еще не наступило, и предлагает барону тем временем сыграть в соседней комнате в карты. Спустя некоторое время до слуха обоих мужчин доносится стон баронессы: ((франц.)) Супруг вскакивает, но врач удерживает его: . Спустя некоторое время слышно, как роженица опять стонет: - спрашивает барон. - . Наконец, из соседней комнаты слышится не оставляющий сомнений крик: . Тогда врач бросает карты и говорит: . Эта удачная острота показывает на примере шаг за шагом

меняющихся жалобных возгласов знатной роженицы, как болевые ощущения дают возможность пробиться первичной природе через все наслоения воспитания, и как важное решение ставится в зависимость от как будто незначительного выражения.

Другой вид непрямого изображения, услугами которого пользуется остроумие, - сравнение, мы прибегали так долго, потому что обсуждение его наталкивается на новые трудности, или потому, что сравнение особенно отчетливо оттеняло трудности, уже имевшие место в других случаях.

Мы еще раньше признали, что относительно некоторых подлежащих исследованию примеров мы не могли отрешиться от сомнения, следует ли их вообще отнести к островам, и в этой неуверенности мы усматривали опасную угрозу для основ нашего исследования.

Но ни при каком другом материале я не ощущал эту неуверенность так сильно и так часто, как при остротах, возникающих путем сравнения. Ощущение, которое позволяет мне, - а также Многим другим при тех же самых условиях, что и мне, - сказать: , прежде чем открыт еще скрытый существенный характер остроты, это ощущение легче всего покидает меня при остроумных сравнениях. Если я сразу без размышления считаю сравнение остротой, то мгновение спустя я замечаю, что удовольствие, которое оно мне доставляет, отлично от того, которому я обязан остроте, и тот факт, что остроумные сравнения очень редко вызывают оглушительные раскаты смеха, свидетельствующего об удачной остроте, не дает мне возможности отделаться от сомнения, как и раньше, несмотря на то, что я ограничиваюсь самыми лучшими и самыми эффектными примерами этого вида.

Легко показать, что есть прекрасные и эффектные примеры сравнений, не производящие на нас впечатления острот. Таково сравнение нежности, проходящей через дневник Оттиленса, с красной нитью в английском флоте. Я не могу отказать себе в удовольствии привести и другое сравнение, которым я не перестал еще восхищаться и которое произвело на меня неизгладимое впечатление. Это - сравнение, которым Ферд. Лассаль закончил свою знаменитую защитительную речь ():

82

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

ления на углубленного в свои научные эксперименты химика. Слегка наморщив лоб по поводу сопротивления материала, он спокойно продолжает свои исследования и работы, как только препятствие устранено>.

Богатый выбор метких и остроумных сравнений имеется в сочинениях Lichtenberg'a (II т. геттингенского издания, 1853 г.). Я хочу позаимствовать оттуда материал для нашего исследования.

. Это кажется остроумным, но при ближайшем рассмотрении можно заметить, что остроумное действие исходит не из сравнения, а из одного его побочного качества. - сравнение не новое, а издавна употребляемое и закрепленное за фиксированной фразой, как это всегда бывает, когда речь идет о счастливом сравнении, подхваченном практикой языка. В то время как в обычной разговорной речи мы больше почти не намечаем сравнения, у Lichtenberg'a ему вновь придается первоначальный смысл, и из него развивается претензия на остроту, построенная на дальнейшем сравнении.. Но такое употребление в прямом смысле оборотов речи, потерявших прямой смысл, уже известно как технический прием остроумия; он находит себе место при многократном употреблении одного и того же материала (см. с. 33). Весьма возможно, что остроумное впечатление от Lichtenberg'овской фразы проистекает только от применения этого технического приема остроумия.

Это же рассуждение относится и к другому остроумному сравнению того же автора:

.

Называть ученого великим светилом, , - это уже давно не эффективное сравнение, независимо от того, было ли это первоначально остротой или нет. Но это сравнение освежают, ему вновь придают силу и первоначально принадлежавший ему смысл, получая модифицированное производное от него и второе новое сравнение такого рода. Условие этой остроты содержится в способе, благодаря которому возникло второе сравнение, а не в обоих сравнениях. Это - случай такой же техники остроумия, как в примере с факелом.

Следующее сравнение кажется остроумным на другом основании, подлежащем такой же оценке.

Сравнение рецензии с детской болезнью основано прежде всего на том, что как первая, так и вторая поражают свои объекты вскоре после того, как эти последние увидели свет божий. Я не решаюсь утверждать, действительно ли оно так уж остроумно. Но затем сравнение это продолжено; оказывается, что дальнейшая участь новых книг может быть изображена в рамках этого же самого сравнения или путем сравнения, примыкающего к нему. Такое продолжение сравнения, несомненно, остроумно, но мы уже знаем, благодаря какой технике оно кажется таким. Это - случай унификации, создание непредполагавшейся связи. И характер унификации не изменяется здесь оттого, что она заключается в присоединении к первому сравнению.

В ряде других сравнений мы поддаемся искушению передвинуть несомненно имеющееся впечатление остроумия на другой момент, который опять-таки не имеет ничего общего с природой сравнения. Это - те сравнения, которые содержат бросающееся в глаза сопоставление, а часто и абсурдно звучащую аналогию, или которые заменяются такой аналогией в результате сравнения. Большинство примеров Lichtenberg'a относится к этой группе.

. - это приводящее в смущение собственно абсурдное определение, понятное только благодаря сравнению. Как обстояло бы дело, если бы впечатление остроумия от этого сравнения происходило за счет смущающего характера этого сопоставления? Это соответствовало бы одному из хорошо известных нам приемов остроумия, изображению при помощи бессмыслицы.

Lichtenberg применил это же сравнение усвоения прочитанного и заученного материала с усвоением психической пищи также и в другой остроте.

. Столь же абсурдное или, по крайней мере, бросающееся в

глаза определение, которое, как мы начинаем замечать, является собственно носителем остроумия, содержится и в других сравнениях того же автора.

Нас не должно удивлять, что мы в целом получаем впечатление очень остроумного сравнения; мы начинаем замечать, что склоняемся к распространению в своей оценке того, что относится к части целого, на все целое. Впрочем", напоминают о подобном же приводящем в смущение стихе Гейне:

Несомненно, оба последних сравнения несут на себе отпечаток, который можно найти не во всех хороших, т. е. удачных сравнениях. Они, можно было бы сказать, в высокой мере принижают, они сопоставляют вещь высшей категории, абстрактное понятие (здесь: приличие, терпение) с вещью весьма конкретной природы и даже низкого сорта (со штанами). Имеет ли это своеобразие что-нибудь общее с остроумием, об этом мы еще должны будем поговорить в другом месте. Попытаемся проанализировать здесь другой пример, в котором принижающий характер выступает особенно отчетливо. В фарсе Nestroy'a: приказчик Вейнберл, рисуя в своем воображении картину, как он когда-нибудь, будучи старым солидным купцом, вспомнит о днях своей юности, говорит: Это, конечно, сравнение абстрактных понятий с обыкновенными конкретными вещами, но острота зависит - исключительно или только отчасти - от того обстоятельства, что приказчик пользуется сравнениями, взятыми из обихода его повседневной жизни. Приведение же абстрактного понятия в связь с этим обыкновенным, сплошь заполняющим его, является актом унификации.

85

Вернемся к сравнению Lichtenberg'a.

Как это часто бывает при остротах Lichtenberg'a, и здесь впечатление меткости, глубокомысленности и пронзительности преобладает настолько, что наше суждение о характере остроумия вводится этим в заблуждение. Когда в таком выражении присоединяется нечто слегка остроумное к превосходной мысли, то мы, вероятно, захотим признать все в целом за удачную остроту. Я скорее решился бы утверждать, что все, что здесь действительно остроумно, проистекает из удивления по поводу странной комбинации, следовательно, это - острота, пользующаяся изображением при помощи бессмыслицы.

Странное сопоставление или абсурдное определение может возникнуть само по себе как результат сравнения.

Lichtenberg: двуспальная женщина - односпальный церковный стул. За обоими скрывается сравнение с кроватью, но кроме смущения вследствие непонимания в обоих случаях действует еще и другой технический момент намека: один раз - на усыпительное действие проповедей, другой раз - на вечно неисчерпаемую тему половых отношений. Lichtenberg'ская характеристика некоторых од: .

Или Гейне: .

Или продолженное сравнение с весьма принижающей тен- денцией в ^

В русском переводе это сравнение было пропущено, по- видимому, из цензурных соображений. (Я. К.)

86

ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

груд многих тысяч бухгалтеров и упаковщиков и имеющему свои отделения во всех четырех частях света>.

При наличии этого примера, равно как и многих других, мы больше не можем не признать, что сравнение может быть ост- роумно само по себе, без того, чтобы это впечатление относилось за счет усложнения одним из технических приемов остроумия. Но в таком случае от нас совершенно ускользает понимание того, чем именно определяется остроумный характер сравнения, 'г. к. он происходит, конечно, не за счет сравнения как формы выра- жения мысли, или действия сравнения. Мы можем отнести сравнение только к виду , которым поль- зуется техника остроумия, и должны оставить неразрешенной проблему, выступающую при сравнении гораздо отчетливее, чем при ранее обсуждавшихся приемах остроумия. Конечно, тот факт, что решение вопроса, является ли данный пример остроумием или нет, представляет в случае сравнения больше трудностей, чем при других формах выражения, должен иметь особое основание.

Но и этот пробел в нашем понимании не является осно- ванием для того, чтобы говорить, что это первое исследование осталось безрезультатным. При той тесной связи, которую сле-

дует приписать различным особенностям остроумия, непредус- мотрительно было бы ожидать, что можно полностью выяснить одну сторону проблемы, прежде чем мы бросим взгляд на другие ее стороны. Мы, конечно, должны будем подойти к этой проблеме с другой стороны.

Уверены ли мы, что от нашего исследования не ускользнул ни один из возможных технических приемов остроумия? Ко- нечно, нет. Но при продолжительной проверке нового материала мы можем убедиться в том, что все же изучили самые частые и самые

важные технические приемы остроумия, по крайней мере, настолько, насколько это необходимо для создания суждения о природе этого психического процесса. Такого суждения в настоящее время еще нет, но зато мы приобрели важное указание, в каком направлении следует в дальнейшем выяснять проблему. Интересные процессы сгущения с заместительным образованием, которые мы распознали как ядро техники словесного остроумия, указывают на образование сновидения, в механизме которого были открыты те же самые процессы. На то же указывают и технические приемы остроумия по смыслу: передвижение, ошибки мышления, бессмыслица, не прямое изображение, изображение при помощи противоположности, - которые все без исключения вновь проявляются в технике работы сна. Передвижению сновидения обязано своим странным внешним видом, который не позволяет видеть в нем продолжение бодрствующих мыслей. За пользование бессмысленностью и абсурдностью (как техническими приемами) сновидение заплачено званием психического продукта и побудило авторов предположить распад душевной деятельности, приостановку критики, морали и логики как условий для образования сновидения. Изображение при помощи противоположности столь употребительно в сновидении, что с ним обычно считаются даже нарочитые, абсолютно неправильные сонники. Непрямое изображение, замена мысли сновидения намеком, деталью, символикой, аналогичной сравнению, является именно тем, что отличает способ выражения сновидения от нашего бодрствующего мышления[^]. Такая столь далеко идущая аналогия между приемами работы остроумия и приемами работы сна едва ли случайна. Подробное доказательство этой аналогии и проверка ее обоснованности явится одной из наших будущих задач.

Ср. мое . Глава IV. Работа сна.

III

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

Когда в конце предыдущей главы я привел Гейневское сравнение католического священнослужителя со служащим большого торгового дома, а протестанского - с самостоятельным мелким торговцем, я испытал задержку, направленную на то, чтобы не приводить этого сравнения. Я говорил себе, что среди моих читателей, вероятно, найдутся некоторые, считающие нужным почитать не только религию, но и ее управление и персонал. Эти читатели придут только в негодование по поводу сравнения, и аффективное состояние отобьет у них всякий интерес к решению вопроса о том, является ли это сравнение остроумным само по себе или только вследствие каких-нибудь присоединившихся моментов. При других сравнениях, как, например, при находящемся рядом с ним сравнении о лунном свете, который некая философия бросает на предметы, не нужно было бы беспокоиться о таком влиянии на часть читателей, которое мешало бы исследованию; самый набожный человек был бы расположен создать себе суждение о нашей проблеме.

Легко угадать характер остроты, с которым связана такая разница в реакции на остроту у слушателя. В одном случае острота является самоцелью и не преследует никакой особой цели, в другом случае - такая цель есть: она становится тенденциозной. Только острота,

имеющая тенденцию, подвержена опасности наткнуться на людей, не желающих ее выслушивать.

Не тенденциозная острота названа Th. Vischer'ом остротой; я предпочитаю называть ее (). Поскольку раньше мы подразделили остроты согласно ма-

териалу, на котором выяснялась их техника, на словесные остроты и остроты по смыслу, то нам надлежит исследовать отношение этого подразделения к только что произведенному. Словесная острота и острота по смыслу, с одной стороны, и абстрактная и тенденциозная острота, с другой стороны, не стоят ни в какой связи по влиянию, оказываемому ими друг на друга. Это - два совершенно независимых друг от друга подразделения острот. Быть может, у кого-нибудь создалось впечатление, что безобидные остроты преимущественно являются словесными остротами в то время, как остроты с ярко выраженными тенденциями в большинстве случаев прибегают к услугам более сложной техники острот по смыслу. Однако существуют безобидные остроты, пользующиеся игрой слогов и созвучием, наряду с безобидными остротами, пользующимися всеми приемами острот по смыслу. Не менее легко показать, что тенденциозная острота по технике может быть ничем иным, как словесной остротой. Так, например, остроты, собственными именами, часто имеют более обидную, оскорбительную тенденцию; они относятся к словесным остротам. Но самыми безобидными из всех острот являются все-таки словесные; таково, например, ставшее недавно излюбленным рифмоплетство, в котором техника заключается в многократном употреблении одного и того же материала с совершенно своеобразной модификацией:

Und weil er Geld in Menge hatte. lag stels er in der Längengasse.

(И так как он имел много денег, он всегда лежал в гамаке.) Надеюсь, что никто не станет отрицать, что удовольствие от такого рода невзыскательных рифм является именно тем фактором, благодаря которому мы распознаем остроту.

Хорошие примеры абстрактных или безобидных острот по смыслу имеются в большом числе среди сравнений Lichtenberg'a; некоторые из них мы уже изучили. Я присоединяю сюда еще некоторые:

.

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

(сравнение с унификацией).

. Острота заключается здесь исключительно в бессмысленном изображении, которое ставит имеющее обычно незначительную ценность понятие в сравнительной степени, понятие же, считающееся более важным, ставит в положительной степени. Если отказаться от этой остроумной оболочки, эта мысль будет гласить: гораздо легче победить разумом божья привидения, чем защищаться от них, вообразив их существующими. Но это вовсе не остроумно, это - правильное и еще слишком мало оцененное психологическое

суждение, то именно суждение, которое Lessing выразил следующими известными словами:

. (Не все те свободны, которые иронизируют по поводу своих цепей.)

Я хочу воспользоваться удобным случаем, представляющимся здесь, чтобы устранить недоразумение, которое может возникнуть. Или острота отнюдь не должна быть равнозначна остроте; она является только противоположностью обсуждаемым в дальнейшем островам. Как показывает вышеприведенный пример, безобидная, т. е. лишенная тенденций острота тоже может быть очень содержательной и выражать нечто ценное. Но содержание остроты вполне независимо от остроты и является содержанием той мысли, которая получила здесь остроумное выражение благодаря особой технике. Конечно, как часовой мастер обычно снабжает особенно хороший механизм ценным футляром, так может обстоять дело и с остротой: лучшие произведения остроумия используются именно как оболочка для самых содержательных мыслей.

Если мы обратим особое внимание на то, чтобы отличать содержание мыслей от остроумной оболочки, то придем к заключению, которое многое разъяснит в нашем суждении об остроумии, в чем мы были неуверены. А именно, оказывается, хотя это и поражает нас, наше благосклонное отношение к остроте является результатом суммированного действия содер-

жания и техники остроумия, и что мы по одному из факторов ложно судим о размерах другого. Лишь редукция остроты показывает нам обман суждения.

Впрочем, то же верно и для словесной остроты. Когда мы слышим, что , то мы смущены, думаем, что слышим новую истину, и проходит некоторое время, пока мы узнаем в этой оболочке тривиальную мысль: (K. Fischer). Отличная техника остроумия, определяющая употреблением слова , вводит нас в обман настолько, что мы переоцениваем содержание этой фразы. Так же обстоит для нас дело и при остроте Lichtenberg'a о , которая возникает путем унификации (с. 66) и которая не говорит ничего, кроме того, что мы уже давно знаем, а именно, что новогодние пожелания сбываются так же редко, как и другие пожелания. Так же обстоит дело и во многих подобных случаях.

Обратное мы встречаем при других островах, в которых нас, очевидно, пленяет меткость и правильность мысли, так что мы называем предложение блестящей остротой, в то время как блестяща только мысль, а техника остроумия слаба. Как раз в островах Lichtenberg'a ядро мысли часто гораздо ценнее, чем остроумная оболочка, на которую мы часто неправильно распространяем оценку первого. Так, например, замечание о истине (с. 83) является едва ли остроумным сравнением, но оно так метко, что мы можем отметить), это предложение как особенно остроумное.

Остроты Lichtenberg'a являются выдающимися прежде всего благодаря содержанию их мыслей и их меткости. Гете по праву сказал об этом авторе, что за его остроумными и шутивными идеями скрыты проблемы, правильнее говоря, что они затрагивают разрешение проблем. Когда он, например, отмечает, как остроумную, мысль:

(технически: глупость + созвучие), то этим он вскрывает тайну очитки\ Такова же острота (с. 60), техника которой показалась нам очень неудовлетворительной:

Ср. мою . М.: Сопрем, проблем],]. 1924. 92

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

. Глупосп>. выставленная здесь напоказ, только кажущаяся; в действительности же за этим глупым замечанием скрыта большая проблема телеологии в построении организма животного; совсем уж не так само собой понятно, что щель век открывается там, где лежит свободная часть роговой оболочки, пока эмбриология не объяснит нам этого совпадения.

Хочется подчеркнуть, что мы получаем от остроумного предложения совокупное представление, в котором не можем отделить участие содержания мыслей от участия работы остроумия; быть может, в дальнейшем будет найдена еще большая параллель.

Для теоретического объяснения сущности остроумия безобидные остроты должны быть важнее тенденциозных, бессодержательные - ценнее глубокомысленных. Безобидная и бессодержательная игра слов поставит проблему остроумия в чистейшей ее форме, т. к. при ней мы избегаем опасности быть введенным в заблуждение тенденцией и в обман суждения логичным смыслом. На таком именно материале наше познание может сделать новый успех.

Я выбираю по возможности безобидный пример словесной остроты:

Девушка, которой доложили о приходе гостей в то время, когда она совершала свой туалет, воскликнула:

одевается/^ привлекательнее всего

Поскольку у меня возникает сомнение, имею ли я право выдавать эту остроту за безобидную, я заменяю ее другой, наивно простодушной, которая была бы свободна от такого возражения.

^ R. Kleinpaul. Die Ratsel tier Spraclie.

93

В одном доме, куда я был приглашен в гости, к концу обеда подали мучное блюдо, называемое Roulard, приготовление которого требует большого кулинарного искусства. Поэтому один из гостей спрашивает: На что хозяин дома отвечает: (Home-Rule)^.

На этот раз мы хотим исследовать не технику остроумия, а думаем обратить внимание на другой важный момент. Выслушивание этой импровизированной остроты доставило присутствующим - ясно вспоминаемое мною - удовольствие и заставило нас смеяться. В

этом случае получение слушателем удовольствия может проистекать не от тенденций и не от содержания мыслей; остается только привести это получение удовольствия в связь с техникой остроумия. Описанные выше технические приемы остроумия: сгущение, передвижение, непрямое изображение и т. д. - обладают, таким образом, способностью вызывать у слушателей удовольствие, хотя мы еще совсем не можем понять, как они могут обладать такой способностью. Таким легким путем мы получили второе положение для объяснения остроумия; первое положение гласило (с. 1.9), что характер остроумия зависит от формы выражения. Подумаем еще о том, что второе положение не научило нас собственно ничему новому. Оно обособляет только то, что содержалось уже в прежде сделанном нами опыте. Мы вспоминаем, что когда удавалось редуцировать остроту, т. е. заменить одно выражение другим, тщательно сохранив его смысл, то этим упразднялся не только характер остроумия, но и смехотворный эффект, следовательно, удовольствие от остроты.

Мы не можем идти здесь дальше, не разделавшись с нашими философскими авторитетами.

Философы, причисляющие остроумие к комическому и само комическое трактующие в эстетике, характеризуют комическое представление одним неизменным условием, согласно которому мы при этом ничего не хотим от вещей, не нуждаемся в них для удовлетворения какой-нибудь из наших важных жизненных потребностей, а просто довольствуемся их созерцанием и наслаждаемся их представлением.

Гоморкуль - программа автономии Ирландии в рамках Британской империи.

94

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

представлений - чисто эстетический; он зависит только от себя, только с себе имеет свою цель и не выполняет никаких других жизненных целей> (К. Fischer, с. 68).

Мы едва ли находимся в противоречии с этими словами К. Fischer'a и переводим, быть может, только его мысли в наш способ выражения, когда подчеркиваем, что остроумная деятельность все-таки не может быть названа нецелесообразной или бесцельной, т. к. она поставила себе целью, несомненно, вызывать у слушателя удовольствие. Я сомневаюсь, можем ли мы вообще предпринять что-либо, при чем не была бы принята в соображение цель. Если наш душевный аппарат не нужен для выполнения одного из необходимых удовлетворений, то мы позволяем ему самому работать для удовольствия, стремимся извлечь удовольствие из его собственной работы. Я полагаю, что это вообще является условием, которому подчинены все эстетические представления, но я слишком мало понимаю в эстетике, чтобы доказать это положение; что же касается остроумия, то на основании двух доказанных раньше положений я могу утверждать, что оно является деятельностью, направленной на получение удовольствия от душевных процессов - интеллектуальных или других. Существуют, конечно, и другие виды деятельности, которые имеют своей целью то же самое. Быть может их отличие заключается в том, из

какой области душевной деятельности они черпают удовольствие, а может быть в методе, котором они при этом пользуются. В настоящую минуту мы этого не можем решить, но придерживаемся мнения, что техника остроумия и отчасти управляющая ею тенденция к экономии (с. 44) имеют отношение к получению удовольствия.

Но прежде чем мы попытаемся разрешить загадку, каким образом технические приемы работы остроумия могут вызывать удовольствие у слушателя, мы хотим напомнить о том, что в целях упрощения и большей ясности мы отложили в сторону тенденциозные остроты. Следует все-таки попытаться объяснить, каковы тенденции остроумия и каким образом оно обслуживает эти тенденции.

Одно наблюдение напоминает прежде всего о том, что не должно оставлять в стороне тенденциозную остроту при исследовании происхождения удовольствия, получаемого от остро-

95

умия. Удовольствие от безобидной остроты в большинстве случаев умеренно; отчетливое благоволение, легкая усмешка - вот все, что она может вызвать у слушателя, и к тому же некоторую часть этого эффекта нужно отнести на счет содержания мысли, как видно из соответствующих примеров (с. 95). Острота, лишённая тенденциозности, почти никогда не вызывает тех неожиданных взрывов смеха, которые делают столь неотразимой тенденциозную остроту. Поскольку техника в обоих случаях может быть одной и той же, то должно возникнуть предположение, что тенденциозная острота с силой своей тенденциозности должна обладать источниками удовольствия, недоступными безобидной остроте.

Тенденции остроумия легко обозреть. Там, где острота не является самоцелью, т. е. там, где она не безобидна, она обслуживает только две тенденции, которые могут быть объединены в одну точку зрения; она является либо враждебной остротой, обслуживающей агрессивность, сатиру, оборону, либо скабрёзной, служащей для обнажения. Прежде всего следует заметить, что технический вид остроумия - будет ли это словесная острота или острота по смыслу - не имеет никакого отношения к обеим тенденциям.

Подробнее нужно изложить, каким образом остроумие обслуживает эти тенденции. В этом исследовании я хотел бы сделать начинание не враждебной, а обнажающей остротой. Эта последняя гораздо реже удаётся исследованию, как будто отрицательное отношение к материалу исследования было перенесено здесь на самый предмет исследования. Однако мы не позволим ввести себя в заблуждение, т. к. вскоре наткнемся на пограничный случай остроумия, который обещает привести нас к выяснению не одного неясного пункта.

Известно, что понимается под : умышленное подчеркивание в разговоре сексуальных обстоятельств и отношений. Пока это определение не было основательно. Доклад об анатомии половых органов или о физиологии совокупления не имеет, несмотря на это определение, ни одной точки соприкосновения, ничего общего с сальностью. К этому

присоединяется еще и то, что сальность направлена на определенное лицо, которое вызывает половое возбуждение и которое благодаря выслушиванию сальности должно узнать о возбуждении гово-

96

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

рящего и благодаря этому должно само прийти в сексуальное возбуждение. Вместо этого возбуждения оно может быть также пристыжено или приведено в смущение, что означает только реакцию на возбуждение и таким окольным путем признание этого возбуждения. Таким образом, сальность первоначально направлена на женщину и должна быть приравнена к попытке соращения. Если мужчина затем забавляется в мужском обществе, рассказывая или выслушивая сальности, то этим изображается вместе с тем и первоначальная ситуация, которая не может быть осуществлена вследствие социальных задержек. Кто смеется над слышанной сальностью, тот смеется как очевидец сексуальной агрессивности.

Сексуальное, которое образует содержание сальности, охватывает больше, чем то, чем один пол отличается от другого. Кроме этого оно охватывает и то, что общее обоим полам, на что распространяется стыд, следовательно, на экскрементируемое во всем его объеме. А это есть тот объем, который имеет сексуальное в детском возрасте, когда в представлении существует как бы клоака, внутри которой сексуальное и экскрементальное плохо или вовсе не отделены друг от друга. Повсюду в области психологии невротиков сексуальное замыкается экскрементальным; оно понимается в старом; инфантильном смысле.

Сальность - это как бы обнажение лица противоположного пола, на которое она направлена. Произнесением скабрёзных слов она вынуждает лицо, к которому они относятся, представить себе соответствующую часть тела или физиологическое отправление и показывает ему, что и произнесший эти слова сам представляет себе то же самое. Нет сомнения, что первоначальным мотивом сальности является удовольствие, испытываемое от рассматривания сексуального в обнаженном виде.

Для нашего объяснения будет полезно вернуться к основам. Влечение видеть то, что отличает один пол от другого, является одним из первоначальных компонентов нашего либидо. Оно само является, быть может, уже заменой и сводится на пред-

См. мою Изд. . Вып. III.

4 Зак. № 64 97

полагаемое первичным удовольствием, испытываемое от прикосновения к сексуальному. Как это очень часто бывает, рассматривание заменило здесь ощупывание. Либидо рассматривания и ощупывания существует у каждого в двойном виде, активно и пассивно, в мужском и женском виде, и формируется смотря по преобладанию полового характера в

одном или другом направлении. У маленьких детей можно легко наблюдать влечение к самообнажению. Там, где зародыш этого влечения не претерпевает участи преодоления и подавления, он развивается в перверсию взрослых мужчин, известную в качестве эксгибиционистического стремления. У женщины пассивное эксгибиционистическое влечение почти всегда преодолевается велико-лепным реактивным образованием в виде сексуальной стыдливости, но не без того, чтобы оно не сохранило за собой лазейки в одежде. Мне остается только указать, как растяжимы и варьирующи по условности и по обстоятельствам оставшиеся разрешенными женщине размеры эксгибиционизма.

У мужчины продолжает существовать высокая степень этого стремления, как составная часть либидо, и оно обслуживает вступление в половой акт. Если это стремление дает о себе знать при первом приближении к женщине, то оно должно обслуживаться двумя мотивами разговора: во-первых, чтобы заявить о себе женщине, и во-вторых, потому что, вызывая при помощи разговора определенное представление, можно привести женщину в ответное возбуждение и разбудить в ней влечение к пассивному эксгибиционизму. Эта домогающаяся речь - еще не сальность, но она переходит в сальность. А именно там, где готовность женщины наступает скоро, там сальный разговор недолговечен, он тотчас уступает место сексуальному действию. Иначе обстоит дело, когда нельзя рассчитывать на быструю готовность женщины, и вместо этой готовности у женщины наступает оборонительная реакция. Тогда сексуально возбуждающий разговор, каким является сальность, будет самоцелью; поскольку сексуальная агрессивность тормозится в своем прогрессировании до акта, она не спешит вызвать возбуждение и извлекает удовольствие из признаков этого воз-

Влечение к контракции Мо11'я (Untersuchungen über (lie Libido sexualis, 1898).

98

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

буждения у женщины. Агрессия изменяет при этом и свой характер, в том же смысле как и каждое либидинозное побуждение, которому противопоставляется препятствие. Она становится враждебной, жестокой и призывает, таким образом, на помощь против препятствия садические компоненты полового влечения.

Неподатливость женщины является, следовательно, достаточным условием для образования сальности (конечно, такая неподатливость, которая обозначает просто отсрочку и не считает безнадежным дальнейшее домогательство). Идеальный случай такого сопротивления женщины получается в результате одно-временного присутствия другого мужчины, третьего участника, потому что в такой ситуации немедленная податливость женщины исключена. Этот третий сейчас же получает величайшее значение для развития сальности; но прежде всего нельзя не принять во внимание присутствия женщины. У простого народа или в трактире для мелкого люда можно наблюдать, что лишь приближение кельнерши или трактирщицы вызывает сальность. На более высокой социальной ступени наступает противоположное: именно приближение женщины кладет конец сальности; мужчины берегут этот вид беседы, изначально

предполагающий присутствие стыдливой женщины, до той поры, когда они останутся. Так постепенно место женщины занимает зритель, теперь слушатель, инстанция, для которой предназначена сальность, и эта последняя, благодаря такому превращению, уже приближается к характеру остроты.

Наше внимание, начиная с этого момента, должно быть обращено на два фактора: на роль третьего, слушателя, и на содержание условий самой сальности.

Для тенденциозной остроты нужны три лица: кроме того лица, которое острит, нужно второе лицо, которое берется как объект для враждебной или сексуальной агрессивности, и третье лицо, на котором достигается цель остроты, извлечение удовольствия. Более глубокое обоснование этих соотношений мы найдем в дальнейшем, пока же отметим лишь тот факт, что по поводу остроты смеется не тот, кто острит, следовательно, не он получает удовольствие, а бездеятельный слушатель. В таком же отношении находятся три лица при сальности. Этот процесс можно описать так: либидинозный импульс первого

4* 99

лица, поскольку удовлетворение женщиной наталкивается на задержку, развивает враждебный импульс против второго лица и призывает первоначально мешавшее третье лицо в союзники. Сальным разговором первого лица женщина обнажается перед третьим лицом, которое теперь подкупается в качестве слушателя удовлетворением его собственного либидо, полученным без всякого труда.

Замечательно, что такой сальный разговор чрезвычайно излюблен простым "народом, и дело никогда не обходится без него, если общество находится в веселом настроении духа. Но достойно внимания также то, что при этом сложном процессе, который несет в себе столько характерных черт тенденциозной остроты, самой сальности не предъявляется ни одно из характеризующих остроту формальных требований. Высказывание открытой непристойности доставляет первому лицу удовольствие и заставляет третье лицо смеяться.

Лишь когда мы поднимаемся до высокообразованного общества, присоединяется формальное условие остроумия. Сальность становится остроумной и терпимой только в том случае, если она остроумна. Техническим приемом, которым она в большинстве случаев пользуется, является намек, т. е. замена действительным, чем-либо находящимся в отдаленной связи, которую слушатель реконструирует в своем представлении в полную и прямую скабрёзность. Чем больше несоразмерность между прямым данным в сальности и между неизбежно возбужденным ею у слушателя, тем тоньше острота, тем скорее она может рискнуть войти в хорошее общество. Кроме грубого и тонкого намека в распоряжении остроумной сальности имеются все другие приемы словесной остроты и остроты по смыслу.

Теперь наконец становится понятно, что острота доставляет для обслуживания своей тенденции. Она делает возможным удовлетворение влечения, похотливого и враждебного, несмотря на стоящее на пути препятствие, она обходит препятствие и черпает, таким

образом, удовольствие из ставшего недоступным благодаря препятствию источника удовольствия. Стоящее на пути препятствие является собственно ничем иным, как повышенной (соответственно более высокой ступени образования и общества) неспособностью женщины переносить незамаскированную сексуальность. Мыслимая в исходной ситуации присут-

100

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

ствующей, женщина продолжает все еще учитываться присутствующей, или ее влияние продолжает действовать на мужчин запугивающе и в ее отсутствии. Можно наблюдать, как мужчины высшего общества тотчас предрасполагаются обществом ниже стоящих девушек к замене остроумной сальности простой.

Силу, которая затрудняет или делает невозможным для женщины и в незначительной степени для мужчины получение удовольствия от незамаскированной скабрёзности, мы называем и узнаем в ней тот же психический процесс, который в случае серьезных заболеваний держит вдали от сознания целые комплексы побуждений вместе с их производными и является главным обуславливающим фактором при так называемых психоневрозах. Мы признаем за культурой и высшим воспитанием большое влияние на образование вытеснения и предполагаем, что при этих условиях осуществляется изменение психической организации (которое может быть при-внесено и как унаследованное предрасположение), вследствие которого то, что воспринималось прежде как приятное, кажется теперь неприятным и отвергается всеми психическими силами. Благодаря вытесняющей работе культуры оказываются потерянными первичные, но отвергнутые нашей цензурой, возможности наслаждения. Но для психики человека каждое отречение очень тяжело, и мы находим, что тенденциозная острота возвращает средство упразднить отречение, вновь получить потерянное. Когда мы смеемся по поводу тонкой скабрёзной остроты, то мы смеемся над тем же, что заставляет крестьянина смеяться при грубой сальности. Удовольствие в обоих случаях проистекает из одного и того же источника, но смеяться по поводу грубой сальности мы не могли бы, нам было бы стыдно, или она показалась бы нам отвратительной. Мы можем смеяться лишь тогда, когда остроумие пришло нам на помощь.

Таким образом для нас подтверждается то, что мы предположили вначале: тенденциозная острота располагает иными источниками удовольствия, чем безобидная, при которой все удовольствие так или иначе связано с техникой. Мы можем также подчеркнуть, что при тенденциозной остроте мы не в состоянии отделить при помощи нашего восприятия, какая часть нашего удовольствия проистекает из источников техники, а какая - из источников тенденции. Мы, следовательно, строго

101

говоря, не знаем, над чем мы смеемся. При всех скабранных островах мы подвержены ярким обманам суждения о островах, поскольку эта острова зависит от формальных условий. Техника этих островах часто очень бедна, а их смехотворный эффект огромен.

Мы хотим теперь исследовать, играет ли острова та же роль при обслуживании враждебной тенденции.

С самого начала мы и здесь наталкиваемся на те же условия. Враждебные импульсы против ближних подвержены, начиная с нашего индивидуального детства, равно как и с детских времен человеческой культуры, тем же ограничениям, тому же прогрессирующему вытеснению, что и наши сексуальные стремления. Мы еще не дошли до того, чтобы любить своих врагов или подставить им левую щеку после удара в правую; все моральные предписания в области ограничения ненависти и поныне несут на себе явные признаки того, что они должны были первоначально считаться действительными для небольшой общины соплеменников. Поскольку все мы можем чувствовать себя принадлежащими к одному народу, то позволяем себе не принимать во внимание большинство этих ограничений в отношении к чужому народу. Но внутри своего собственного круга мы все же сделали успехи в сдерживании враждебных побуждений, как это резко выразил Lichtenberg: . Насильственная враждебность, запрещенная законом, сменилась руганью; лучшее признание обуздания человеческих побуждений все больше и больше лишает нас способности сердиться на ближнего, ставшего нам на пути, благодаря своему последовательному

В качестве примера я могу указать на упомянутую на с. 81 историю о том, как еврей в вагоне железной дороги тотчас перестает соблюдать все правила приличного поведения после того, как узнает в человеке, вошедшем в купе, своего единоверца. Мы изучили эту островах как доказательство наглядного пояснения при помощи детали, изображение при помощи мелочи; она должна изображать демократический образ мышления евреев, который делает небольшую разницу между господами и рабами, но, к сожалению, нарушает дисциплину и взаимный контакт между людьми. Другой, особенно интересный ряд островах изображает взаимоотношения между бедным и богатым евреем. Героями этих островах являются проситель и благотворитель - хозяин дома или барон. Проситель, которого принимали в гости каждое воскресенье в одном и том же доме, появляется однажды в сопровождении неизвестного молодого человека, который тоже намеревается сесть за стол к обеду. - спрашивает хозяин дома и получает ответ: . Тенденция этих историй одна и та же; она выступает отчетливее всего в следующей истории. Проситель обращается

112

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

к барону за деньгами для поездки на курорт Остендэ; врач, выслушав его жалобы, предписал ему курорт. Барон находит, что Остендэ очень дорогое местопребывание; более дешевый курорт принесет ту же пользу. Проситель отклоняет это предложение следующими словами: . Это - великолепная острова, возникающая путем передвижения,

которую мы могли бы взять за образец этого вида остроумия. Барон, очевидно, хочет сэкономить свои деньги, проситель же отвечает так, как будто деньги барона - это его деньги, которые, конечно, менее ценны для него, чем его здоровье. Дерзость этого требования вызывает в нас смех. Но все эти остроты за некоторым исключением не снабжены фасадом, который мешал бы правлильному их пониманию. Истина скрывается за тем, что проситель, который мысленно обращается с деньгами богача как со своими собственными, на самом деле почти имеет право по священным заповедям евреев на такую ошибочность суждения. Протест, создавший эту остроту, направлен, разумеется, против закона, тяжело обременяющего даже набожного человека.

Другая история гласит: проситель встречается на лестнице в доме одного богатого человека, своего товарища по ремеслу, который не советует ему продолжать свой путь. . -

Эта острота пользуется техникой бессмыслицы, заставляя просителя утверждать, что барон ему ничего не дарит в тот самый момент, когда он собирается выпросить у него подарок. Но эта бессмыслица только кажущаяся. Почти верно, что богатый не дарит ему ничего, т. к. закон обязует богатого дать ему милостыню, и, строго говоря, он должен быть благодарен, что проситель доставляет ему случай сделать благодеяние. Обыденное мещанское понимание милостыни находится в противоречии с религиозным - оно открыто возмущается против религиозного в истории с бароном, который, будучи глубоко тронут рассказом просителя о его страданиях, бранит своего лакея: . Это открытое изложение тенденции создает опять пограничный слу-

\ 13

чай остроты. От совсем неостроумной жалобы: - эти последние истории переходят для более наглядного пояснения почти исключительно к отдельным ситуациям.

Другие истории свидетельствуют о глубоком пессимистическом цинизме. Эти истории являются опять-таки в техническом отношении пограничными случаями остроумия, равно как и нижеследующая: глухой обращается за советом к врачу, который ставит правильный диагноз, что пациент пьет, вероятно, слишком много водки и поэтому глух. Врач советует больному не делать этого впредь, глухой обещает принять во внимание этот совет. Спустя некоторое время врач встречается его на улице и спрашивает его громко, как идут его дела. . Спустя некоторое время они опять встречаются. Доктор спрашивает обычным голосом о состоянии его здоровья, но он замечает, что его не понимают. - . - . В техническом отношении эта острота - не что иное как наглядное пояснение; жаргон, искусство рассказывать должно слушать для того, чтобы вызвать смех, но за этим нас подкарауливает печальный вопрос: не прав ли этот человек, сделав такой выбор?

То, на что намекают все эти пессимистические истории, это - разнообразное безнадежное состояние еврея; в силу этого я должен причислить их к тенденциозной остроте.

Другие в подобном же смысле циничные остроты, и не только еврейские истории, нападают на религиозные догмы и даже на веру в бога. История о , техника которой состояла в ошибочности сопоставления фантазии и действительности (трактовка этой

техники как передвигания тоже была бы правильна), является такой циничной или критической остротой, которая направлена против чудотворцев и, конечно, также против веры в чудесное. Гейне, лежа на смертном

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

одре, создал одну прямо-таки святотатственную остроту. Когда дружески настроенный пастор сослался на божью милость и указал ему, что он может надеяться на то, что он найдет у бога прощение всех своих грехов, Гейне ответил: ^ . Это- унижительное сравнение, имеющее в техническом отношении только ценность намека, т. к. *metier*, дело или призвание, имеет только ремесленник или врач, и имеет он только одно-единственное *metier*. Но сила этой остроты заключается в ее тенденции. Она не может сказать ничего иного кроме: конечно, он мне простит, для этого он ведь и существует, я его не создал себе ни для какой другой цели (как имеют своего врача, своего адвоката). И в нем, бессильно лежавшем на смертном одре, живо было еще сознание того, что он создал себе бога и наделил его могуществом, чтобы при случае воспользоваться его услугами. Нечто вроде творчества дало знать о себе еще незадолго до его гибели, как творца.

К обсуждавшимся до сих пор видам тенденциозного остроумия,

обнажающему или скабресному, агрессивному (враждебному),

циничному (критическому, святотатственному), я хотел бы присоединить еще четвертый, новый и самый редкий вид, характеристика которого должна быть наглядно выяснена хорошим примером.

Два еврея встречаются на галициНскоН станции в вагоне железной дороги. - спрашивает один. - , - гласит ответ. -

Эта ценная история, которая производит впечатление чрезвычайной софистики, оказывает свое действие, очевидно, при помощи техники бессмыслицы. Второго еврея упрекают в лжи- вости, т. к. он сообщил, что едет в Краков, что в действитель-

(франц.).

115

ности является целью его поездки! Этот сильный технический прием - бессмыслица - сопряжен здесь с другим техническим приемом, изображением при помощи противоположности, т. к. согласно беспрекословному утверждению первого другой лжет, когда он говорит правду, и говорит правду при помощи лжи. Но более серьезным содержанием этой остроты является вопрос об условиях правды: острота намекает опять-таки на проблему и пользуется для этого ненадежностью одного из самых употребительных у нас понятий. Будет ли правдой, если человек описывает вещи такими, какими они есть, и не заботится о том, как слушатели воспримут сказанное? Или это только иезуитская правда? И не состоит ли истинная правдивость скорее в том, чтобы

принять во внимание слушателя и способствовать тому, чтобы он получил верное отображение того, что знает сам рассказывающий? Я считаю остроты этого рода достаточно отличными от других, чтобы отвести им особое место. То, на что они нападают, не является личностью или институтом, а надежностью нашего познания, одного из наших спекулятивных достояний. Термин остроты будет, таким образом, подходящим для них.

В ходе наших рассуждений о тенденциях остроумия мы, быть может, получили некоторые разъяснения и, конечно, нашли множество побуждений к дальнейшим исследованиям. Но результаты этой главы соединяются с результатами предыдущей в одну сложную проблему. Если верно, что удовольствие, доставляемое остроумием, происходит, с одной стороны, за счет техники, а с другой стороны, - за счет тенденции, то с какой же общей точки зрения можно объединить два эти столь различных источника удовольствия от остроумия?

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

Из каких источников вытекает своеобразное удовольствие, доставляемое остроумием - это мы предполагаем уже известным. Мы знаем, что можем быть обмануты и можем заменить удовольствие, доставленное содержанием мыслей предложения, собственно удовольствие от остроумия, но что это последнее имеет по существу два источника: технику и тенденции остроумия. Теперь мы хотели бы узнать, каким образом из этих источников вытекает удовольствие, т. е. механизм этого действия удовольствия.

Нам кажется, что искомое объяснение можно гораздо легче получить при тенденциозной остроте, чем при безобидной. Итак, начнем с первой.

Удовольствие при тенденциозной остроте получается в результате того, что удовлетворяется тенденция, которая в противном случае не была бы удовлетворена. То, что такое удовлетворение является источником удовольствия, не нуждается ни в каком дальнейшем доказательстве. Но тот способ, с помощью которого остроумие реализует это удовлетворение, связан с особыми условиями, из которых можно извлечь дальнейшее разъяснение. Здесь следует различать два случая. Более простой - тот, когда на пути к удовлетворению тенденции стоит внешнее препятствие, которое человек обходит при помощи остроты. Мы нашли это, например, в ответе, полученном светлейшим князем на вопрос, жила ли когда-либо мать спрашиваемого в резиденции, или в выражении критика, которому два богатых мошенника показали свои портреты:

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

is the Saviour?> В первом случае тенденция клонилась к тому, чтобы возразить на ругательство ругательством, в другом случае - к тому, чтобы нанести оскорбление вместо того, чтобы дать требуемый отзыв. Здесь противодействие оказывают чисто внешние моменты: те лица, к которым относятся ругательства, обладают властью. Все-

таки нам может броситься в глаза, что эти и аналогичные им остроты - тенденциозной природы, хотя и удовлетворяют нас, однако не в состоянии вызвать сильный смехотворный эффект.

Иначе обстоит дело, когда на пути к прямому осуществлению тенденции стоят не внешние моменты, а внутренние препятствия, когда внутреннее побуждение противоречит тенденции. Это условие как бы осуществляется, согласно нашему предположению, в агрессивных остротах г. N, у которого сильная склонность к брани подавлялась высокоразвитой эстетической культурой. С помощью остроумия внутреннее сопротивление для этого частного случая было преодолено, задержки упразднены. Благодаря этому, как и в случае внешнего препятствия, стало возможным удовлетворение тенденции, было избегнуто подавление и связанная с ней ; механизм развития удовольствия, поскольку дело касается обоих случаев, - один и тот же.

Мы чувствуем здесь желание подробнее вникнуть в различие психологической ситуации для случая внешнего и внутреннего препятствия, т. к. нам представляется возможным, что в результате упразднения внутреннего препятствия может получиться гораздо более интенсивное удовольствие. Но я предлагаю удовольствоваться малым и удовлетвориться пока выяснением одного существенного момента. Случаи внешнего и внутреннего препятствия отличаются только тем, что в одном упраздняется существующая уже наготове задержка, а в другом избегается создание новой задержки. Мы думаем, что не заслуживаем упрека в спекулятивном мышлении, утверждая, что как для создания, так и для сохранения психической задержки требуется . Если оказывается, что в обоих случаях применения тенденциозной остроты целью является получение удовольствия, то уместно предположить, что такое получение удовольствия соответствует экономной психической затрате.

120

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

Таким образом, мы опять наткнулись на принцип экономии, который встретили при технике словесной остроты. Но в то время, как там мы прежде всего думали найти экономию в употреблении по возможности меньшего числа слов или по возможности одних и тех же слов, здесь нам видится гораздо более объемлющий смысл экономии психической затраты, и мы должны считать, что можно подойти ближе к сущности остроумия через более точное определение еще неясного понятия .

Некоторая неясность, которую мы не могли преодолеть при обсуждении механизма удовольствия, получаемого от тенденциозной остроты, является для нас небольшим наказанием за то, что мы пытались выяснить более сложное раньше, чем более простое, тенденциозную остроту раньше, чем безобидную. Мы замечаем, что экономия затраты энергии, расходуемой на задержки или подавление, оказывается тайным источником действия удовольствия, получаемого от тенденциозной остроты, и обращаемся к механизму удовольствия при безобидной остроте.

Из соответствующих примеров безобидных острот, относительно которых нет нужды бояться нарушения нашего мнения о них из-за содержания или тенденции, следует сделать заключение, что технические приемы остроумия являются источником удовольствия, и теперь нужно проверить, можно ли свести это удовольствие к экономии психической затраты. В одной группе этих острот (игре слов) техника состояла в том, что наша психическая установка направлялась на созвучие слов вместо смысла слов, что мы ставили (акустическое) изображение слова на место его значения, данного отношением к предметным представлениям. Можно предположить, что этим дано большое облегчение психической работе, и что при серьезном употреблении слов мы должны сильно напрягать свое внимание, чтобы удержаться от этого удобного приема. Мы можем наблюдать, что болезненные состояния мыслительной деятельности, при которых, вероятно, ограничена возможность концентрировать на одном месте психическую затрату, действительно выдвигают на первый план представление о созвучии слов такого рода в сравнении со значением слов, и что такие больные в своих речах следуют, как говорит формула, (вместо) ассоциациям представлений о словах. Также и у

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ребенка, который привык еще трактовать слова, как вещи, мы замечаем склонность искать за тождественным или сходным текстом тождественный смысл, склонность, становящаяся источником многих ошибок, над которыми смеются взрослые. Если нам доставляет в остроумии несомненное удовольствие переход из одного круга представлений в другой (как при Home-Roulard из области кухни в область политики) путем употребления одного и того же или сходного слова, то это удовольствие нужно по праву свести к экономии психической затраты. Удовольствие от остроумия, вытекающее из такого , оказывается тем большим, чем более чуждыми являются друг другу оба круга представлений, приведенные в связь тождественным словом, чем дальше они лежат друг от друга, чем больше, следовательно, удастся экономия мысленного пути благодаря техническому приему остроумия. Заметим, кроме того, что острота пользуется здесь приемом установления связи, которая отбрасывается и тщательно избегается серьезным мышлением^

Выясненная здесь разница совпадает с нижеприведенным отделением от . Но было бы неправильно, если бы мы исключили такие примеры, как Home-Roulard, из обсуждения вопроса о природе остроумия. Принимая по внимание своеобразное удовольствие от остроты, мы находим, что

Бели я позволю себе предупредить здесь изложение в тексте, то я смогу теперь же пролить свет на то условие, которое оказывается руководящим в практике языка, чтобы назвать остроту или . Если я с помощью двусмысленного или немного модифицированного слона попадаю кратчайшим путем из одного круга представлений в другой в то время, как между обоими кругами представлений не существует одновременно более глубокой связи, то я создал неудачную остроту. В этой неудачной остроте одно это слово является единственной существующей связью между обоими несходными представлениями. Таким случаем является вышешприведенный пример: Noi-ne-Rolilard. же острота получается в том случае, если правым оказывается детское ожидание и если подобием слов

действительно указывается одновременно на другое существенное подобие смысла, как в примере: Traduttore - Traditore. Оба несходные представления, связанные здесь внешней ассоциацией, стоят, кроме того, в остроумной связи, которая свидетельствует об их родственности по существу. Внешняя ассоциация заменяет только внутреннюю связь. Она служит только для того, чтобы указать на эту связь или выяснить ее. .

122

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

остроты отнюдь не неудачны, как остроумия, т. е. не неспособны доставить удовольствие.

Вторая группа технических приемов остроумия: унификация, созвучие, многократное употребление, модификация известных оборотов речи, намек на цитату, - позволяет отметить как общую характерную черту тот факт, что каждый раз находят вновь нечто известное там, где вместо него можно было бы ожидать что-то новое. Эта возможность вновь обрести нечто известное исполнена удовольствия, и нам опять-таки нетрудно видеть в этом удовольствии - удовольствии от экономии, от- нести его к экономии психической затраты.

Тот факт, что вновь нахождение известного, исполнено удовольствия, является, видимо, общепризнанным. Groos[^] говорит: .

Groos обсуждает затем игры, характерная черта которых состоит в повышении удовольствия от опознания благодаря тому, что на пути к этому последнему воздвигают препятствия, следовательно, создают , которая устра- няется актом познания. Но его попытка объяснения не при- нимает во внимание тот факт, что познание само по себе исполнено удовольствия, в то время как он, ссылаясь на эти игры, учитывает удовольствие от познания как радость силы (die Freude an der Macht), как преодоление трудности. Я считаю этот последний момент вторичным и не вижу никаких причин

'Die Spiele des Menschen, 1899.

123

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

уходить от более простого понимания, согласно которому по- знание само по себе, т. е. благодаря уменьшению психической затраты, исполнено удовольствия, и основанные на этом удо- вольствии игры пользуются лишь механизмом запруды, чтобы повысить свою ценность.

Общеизвестно, что рифма, аллитерация, припев и другие формы повторения подобных созвучных слов в поэзии поль- зуются тем же источником удовольствия, вновь нахождением известного. не играет в этих технических при- емах, являющих собою такую полную аналогию с , никакой значительной роли.

При том близком отношении, какое существует между опознанием и воспоминанием, мы без риска можем утверждать, что существует также удовольствие от воспоминания: т. е. что акт воспоминания сопровождается чувством удовольствия подобного же происхождения. Groos, видимо, не склоняется к такому предположению, но считает удовольствие от воспоминания производным опять-таки чувства силы, в котором он ищет - на мой взгляд, неправильно - главную основу наслаждения почти при всех играх.

На основано также применение другого технического вспомогательного приема остроумия, о котором до сих пор еще не было речи. Я имею в виду момент актуальности, являющийся при очень многих островах обильным источником удовольствия и объясняющий некоторые особенности генезиса и существования остроот. Есть острооты, которые совершенно свободны от этого условия, и в работе об остроумии мы вынуждены пользоваться почти без исключения такими примерами. Но мы не можем забыть о том, что, быть может, еще сильнее смеялись по поводу некоторых других остроот, чем по поводу подобных долговечных остроот. При этом употребление остроот первого рода (недолговечных) было для нас труднее, т. к. они требовали долгих комментариев, и даже с помощью них они не могли достигнуть определенного эффекта. Эти острооты содержат намеки на людей и события, которые в то время были, вызвали всеобщий интерес и держали всех в напряжении. После того, как этот интерес угасает и соответствующее происшествие исчерпано, эти острооты также лишаются части своего действия в смысле удовольствия (Lustwirkung), и нередко очень значительной части,

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

как, например, остроота, созданная моим дружественным, гостеприимным хозяином, когда он назвал розданное мучное блюдо. Она кажется мне теперь не столь удачной, как тогда, когда Home-Rule был постоянной рубрикой в политическом отделе наших газет. Если я попытаюсь теперь оценить достоинство этой острооты указанием на то, что одно это слово перевело нас с большой экономией окольного мысленного пути из круга представлений кухни в столь отдаленный от него круг политических представлений, то я должен был бы изменить это указание в том смысле, . Другая остроота: , несмотря на то, что ее технические приемы должны были бы остаться неизменными, в настоящее время как будто утратила свою яркость. Смущение, возникающее вследствие сравнения, и двойное толкование слова не могут искупить того, что этот намек, касавшийся тогда события, к которому относились с возбуждением, напоминает теперь о происшествии, интерес к которому иссяк. Следующая остроота тоже может служить примером актуальной острооты: Кронпринцесса Луиза обратилась с запросом в крематорий в Готе, сколько стоит сожжение. Управление ответило: . Эта остроота кажется для настоящего времени неудачной; одно время мы оценивали ее очень высоко, а некоторое время спустя, когда нельзя рассказать ее, не прокомментировав того, кто такая была принцесса Луиза и как следует понимать ее, она, несмотря на отличную игру слов, останется без эффекта.

Большое число находящихся в обращении остроот имеет определенную длительность существования, собственно определенное течение, слагающееся из периода расцвета и периода упадка и оканчивающееся полным забвением. Потребность людей извлекать удовольствие из мыслительных процессов создает все новые и новые острооты, опираясь

на злободневные интересы. Жизненная сила актуальных острот отнюдь не принадлежит этим остротам, она заимствуется при помощи намека у всяких других интересов; прекращение которых определяет и судьбу

125

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

самой остроты. Момент актуальности, присоединявшийся как особенно обильный, хотя и непостоянный источник удовольствия к собственным источникам остроумия, не может быть просто сопоставлен с нахождением известного. Речь может идти скорее об особой квалификации известного, которому должно принадлежать свойство свежего, недавнего, нетронутого забвением. При образовании сновидения тоже приходится встречаться с особым предпочтением, которое оказывается свежему материалу, и нельзя не предположить, что ассоциация со свежим материалом вознаграждается своеобразным удовольствием, и таким образом облегчается ее возникновение.

Унификация, которая является собственно лишь повторением в области связи, существующей между определенными мыслями, вместо повторения материала, нашла себе у G. Th. Fechner'a особую оценку в качестве источника удовольствия, доставляемого остроумием. Fechner говорит (Vorschule der Aesthetik I, XVII): ^.

Во всех этих случаях повторения одной и той же связи или одного и того же словесного материала, вновь нахождения известного и свежего нам не запрещается производить испытываемое при этом удовольствие из экономии психической затраты, если эта точка зрения оказывается пригодной для объяснения отдельных деталей и для новых обобщений. Мы знаем, что нам еще предстоит точное выяснение этого способа, с помощью которого осуществляется эта экономия, и смысла выражения .

Третья группа психических приемов остроумия - в большинстве случаев острот по смыслу - которая охватывает ошибки мышления, передвигание, бессмыслицу, изображение при помощи противоположного и др., на первый взгляд носит как будто особый отпечаток и не обнаруживает ничего общего с

Глава XVII озаглавлена: .

126

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

техническими приемами вновь нахождения известного или замены предметных ассоциаций словесными ассоциациями. Тем не менее именно в данном случае очень легко показать точку зрения экономии или уменьшения психической затраты.

Вообще не подлежит сомнению, что легче и удобнее уклоняться от избранного мысленного пути, чем придерживаться его, сваливать в одну кучу противоположные

понятия, чем противопоставлять их, что особенно удобно принимая, отбрасываемые логикой умозаключения и не принимать, наконец, во внимание при сочетании слов или мыслей условие, согласно которому должен получиться смысл; а именно это делают те технические приемы остроумия, о которых идет речь. Но такая постановка вопроса вызовет удивление по поводу того, что такой образ действия работы остроумия является источником удовольствия, т. к. при всех такого рода недочетах мыслительной деятельности вне остроумия мы испытываем только неприятное чувство отталкивания от них.

, как мы могли бы коротко сказать, в действительной жизни скрыто вплоть до полного его исчезновения. Чтобы доказать его, мы должны подробно рассмотреть два случая, в которых оно очевидно в настоящее время и всегда будет очевидно: поведение учащегося ребенка и поведение взрослого в настроении, измененном под влиянием интоксикации. В то время, когда ребенок учится владеть запасом слов родного языка, ему доставляет очевидное удовольствие, (Groos) этим материалом, и он соединяет слова, не связывая этого соединения со смыслом, чтобы достигнуть эффекта удовольствия, получаемого от их ритма и рифмы. Это удовольствие ему постепенно воспрещается, и, наконец, ему остается дозволенной лишь имеющая смысл связь слов. В более позднем возрасте эти стремления невольно ищут выхода из заученных ограничений в употреблении слов путем искажения слов определенными надстройками и изменения их формы некоторыми приемами (редупликации, дрожащая речь) или даже созданием своего собственного языка для употребления среди товарищей по игре; впоследствии эти стремления вновь всплывают у душевнобольных некоторых категорий.

Я полагаю, что это является постоянным мотивом, которому следует ребенок, начиная такого рода игры. В дальнейшем развитии он предается им уже с сознанием того, что они

127

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

бессмысленны, и находит удовольствие в этой прелести запрещенного разумом. Он пользуется игрой для того, чтобы избежать гнета критического разума. Но гораздо сильнее те ограничения, которые при воспитании касаются правильного мышления и обособления действительно существующего в реальности от ложного, и потому протест против принуждения к мышлению и к реальности глубок и длится долго; даже феномены фантастической деятельности подпадают под эту точку зрения. Сила критики в позднейшем периоде детства и в периоде обучения, простирающемся за пределы зрелости, в большинстве случаев оказывается настолько возросшей, что удовольствие от, только в редких случаях рискует проявиться в прямом виде. Человек не решается высказать бессмыслицу, но характерная для ребенка склонность к бессмысленному, нецелесообразному поведению оказывается прямым производным удовольствия от бессмыслицы. В патологических случаях можно легко заметить, что эта склонность настолько усилилась, что она опять управляет разговором и ответами гимназистов подобно тому, как это было в детстве. У некоторых заболевших неврозом гимназистов я мог убедиться, что бессознательно действующее удовольствие, испытываемое от

продуцированной ими бессмыслицы, принимало не меньшее участие в их ошибочных действиях, чем истинное незнание.

И студент впоследствии не отказывается продемонстрировать протест против принуждения к мышлению и к реальности. Власть этого принуждения, как он чувствует, становится все более нетерпимой и все более неограниченной. Сюда относится добрая часть студенческих кутежей. Человек является - я уже не помню, у какого автора я нашел это счастливое выражение, - и ему очень тяжело отказаться от однажды вкушенного удовольствия.

Веселой бессмыслицей пьяной болтовни студент пытается спасти для себя удовольствие, которое он получает от свободы мышления и которое становится для него все более и более недоступным благодаря влиянию университетских лекций. Даже еще позднее, когда он, будучи зрелым человеком, встречается с другими зрелыми людьми на научном конгрессе и опять чувствует себя учащимся, то после окончания заседания, которая карикатурно превращает новые открытия в

128

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

бессмыслицы, должна вознаградить его за вновь прибавившиеся задержки мышления.

Слова и дают доказательства того, что критика, вытеснившая удовольствие от бессмыслицы, стала уже настолько сильной, что не может быть даже временно устранена без токсического вспомогательного действия. Изменение настроения является самым ценным, что доставляет человеку алкоголь и в силу чего этот не для каждого является одинаково ненужным. Веселое настроение, эндогенно возникшее или токсически вызванное, уменьшает задерживающие силы и скрытую за ними критику и делает, таким образом, вновь доступными источники удовольствия, над которыми тяготел запрет. Чрезвычайно поучительно видеть, как с подъемом настроения уменьшаются претензии на остроумие. Расположение духа заменяет остроумие, равно как остроумие должно стремиться заменить собой расположение духа, в котором проявляются прежде запрещенные возможности наслаждения и скрытое за ними удовольствие от бессмыслицы. . (Мало остроумия и много веселья.) Под влиянием алкоголя взрослый человек опять превращается в ребенка, которому доставляет удовольствие свободное распоряжение течением своих мыслей без необходимости соблюдать логическую связь.

Мы надеемся, что доказали, что эти технические приемы острот-бессмыслиц соответствуют источнику удовольствия. Нам остается только повторить, что это удовольствие проистекает от экономии психической затраты, от уменьшения гнета критики.

Бросив еще раз взгляд назад на обособленные в три группы технические приемы остроумия, мы замечаем, что первая и третья группы: замена предметных ассоциаций словесными ассоциациями и употребление бессмыслицы для воссоздания старых свобод и

избавления от гнета интеллектуального воспитания, - могут быть объединены. Это - психические облегчения (Erleichterungen), которые до некоторой степени можно противопоставить экономии, составляющей технику второй группы. К облегчению уже существующей и экономии предстоящей еще психической затраты, к этим двум принципам сводится, таким образом, вся техника остроумия и вместе с тем все удовольствие, проистекающее от этих технических приемов.

'5 зак. № 64 129

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Впрочем, оба вида техники и получение удовольствия совпадают - по крайней мере с гласных чертах - с разделением остроумия на словесные остроты и остроты по смыслу.

Предшествующие рассуждения внезапно привели нас к истории развития или психогенезу остроумия; к этому психогенезу мы хотим теперь подойти ближе. Мы изучили предварительные ступени остроумия, развитие которых вплоть до тенденциозного остроумия может открыть, вероятно, новые взаимоотношения между различными характерными чертами остроумия. Перед каждой остротой существует нечто, что мы могли бы обозначить как игру или . Игра - мы будем придерживаться этого наименования - наступает у ребенка в то время, когда он учится употреблять слова и присоединять мысли одна к другой. Она следует, вероятно, одному из влечений, которые вынуждают ребенка упражнять свои способности (Groos); он наталкивается при этом на действие удовольствия, которое проистекает от повторения сходного, от вновь нахождения известного, от со-звучности и т. д., и которое объясняется как неожиданная экономия психической затраты. Нечего удивляться тому, что эти эффекты удовольствия поощряют ребенка к игре и побуждают его продолжить эти эффекты, не обращая внимания на значение слов и на связь предложений. Игра словами и мыслями, мотивируемая определенными эффектами удовольствия от экономии, является, таким образом, первой предварительной ступенью остроумия.

Усиление момента, который заслуживает названия критического отношения или разумности, кладет конец этой игре. Игра забрасывается как нечто бессмысленное или прямо противоречащее здравому смыслу; она становится невозможной вследствие критического отношения. При этом исключается всякая возможность (кроме случайной) извлекать удовольствие из этих источников вновь нахождения известного и т. д." разве только взрослый приходит в радостное настроение, которое упраздняет критическую задержку подобно веселью ребенка. Хотя в этом случае становится опять возможной старая игра, сопровождающаяся получением удовольствия, но человек не хочет ожидать этого случая и не хочет отказаться от удовольствия, которое он может испытать. Он, следовательно, ищет средств, которые сделали бы его независимым от радостного настроения; даль-

130

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

нейшее развитие этого процесса в остроту управляется двумя стремлениями: избежать критики и заменить собой расположе- ние духа.

Этим начинается вторая предварительная ступень остро- умия - шутка. Она стремится получить удовольствие, достав- ляемое игрой, заставив замолчать вместе с тем голос критики, который не позволяет возникнуть чувству удовольствия. К этой цели ведет только один-единственный путь: бессмысленное со- поставление слов или противоречащее здравому смыслу нани- зывание мыслей должно все-таки иметь какой-нибудь смысл. Все искусство работы остроумия направлено на то, чтобы найти такие слова и такие констелляции мыслей, при которых это условие было бы выполнено. Все технические приемы остроумия находят себе применение уже здесь, при шутке, и практика языка в свою очередь не отграничивает резко шутку от остроты. Шутка отличается от остроты тем, что в шутке смысл усколь- знувшей от критики фразы не должен быть ценным, новым или даже просто удачным; он должен быть выражен в опре- деленном виде, хотя бы это было неупотребительно, излишне и бесполезно. При шутке на первом плане стоит удовлетворение от осуществления того, что запрещено критикой.

Простой шуткой является, например, определение Schleiermacher'ом ревности как страсти, которая ревностно ищет, что причиняет страдания (Eifersucht ist Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leiden schafft). Шуткой является и следующее воск- лицание проф. Kastner'a, преподававшего физику в Геттингене в XVIII столетии и слывшего остроумцем: на вопрос о возрасте, заданный им студенту по фамилии Война, он, получив ответ, что студенту 30 лет, воскликнул: \ Шуткой ответил Rokitansky на вопрос о том, какие профессии избрали его четыре сына (два врача и два певца): ^. Этот ответ был верен и потому не мог быть оспорен, но он не прибавил ничего нового к тому, что содержалось в выражении, стоящем в скобках. Несомненно, этот ответ принял

Kleinpaul. Die Ratsel der Sprache, 1890. , (нем.)

5* 131

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

другую форму только ради удовольствия, вытекающего из уни- фицирования и созвучия обоих слов.

Я надеюсь, что только что высказанное нами положение стало, наконец, ясным. В оценке технических приемов остроумия нам всегда мешало то обстоятельство, что они свойственны не одному только остроумию и что тем не менее сущность ост- роумия зависит от них, т. к. устранение их путем редукции влекло за собой утрату характера остроты и удовольствия от остроты. Мы теперь замечаем, что то, что мы описали как технические приемы остроумия, является скорее источником, из которого остроумие извлекает удовольствие, и мы не удив- ляемся тому, что' другие приемы, ведущие к той же цели, пользуются этими же источниками. Свойственная же остроумию и только ему одному присущая техника заключается в способ- ности обеспечивать применение доставляющих удовольствие приемов от возражения критики, которая может упразднить

удовольствие. Об этой способности мы можем сказать кое-что в общих чертах. Работа остроумия проявляется, как уже было упомянуто, в выборе такого словесного материала и таких ситуаций мышления, которые позволяют старой игре словами и мыслями выдержать натиск критики. Для этой цели должны быть использованы все особенности запаса слов и все констелляции связи мыслей для искусного составления текста. Быть может, нам впоследствии придется охарактеризовать работу остроумия одним определенным качеством, пока же остается необъяснимым, как может быть сделан выгодный для остроумия выбор. Но тенденция и работа остроумия, заключающиеся в защите доставляющих удовольствие словесных и мыслительных связей от критики, выясняется уже как существенная особенность шутки. Уже с самого начала работа остроумия заключается в том, чтобы упразднить внутренние задержки и сделать в изобилии доступными те источники удовольствия, которые стали недоступными, и мы увидим, что остроумие на протяжении всего своего развития остается верным этой характеристике.

Нам нужно дать теперь правильную оценку и моменту (ср. введение с. 12), которому авторы придают такое важное значение для характеристики остроумия и для объяснения доставляемого им удовольствия. Два твердо установленных пункта в условности остроумия: его тенденция добиться исполненной удовольствия игры и его стремление оградить ее от

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

критики разума, - объясняют исчерпывающим образом, почему отдельная острота, кажущаяся с одной точки зрения бессмысленной, с другой точки зрения должна казаться глубокомысленной или, по крайней мере, приемлемой. Как острота выполняет эти условия - это уже дело работы остроумия; там, где это ей не удается, острота отбрасывается как . Но для нас обязательно считать удовольствие от остроумия производным антагонизма чувств, вытекающих из смысла и одновременной бессмысленности остроты, будь то непосредственно или путем . Для нас не существует необходимости ближе подойти к вопросу, каким образом удовольствие может вытекать из смены оценки бессмыслицы оценкой осмысленности. Психогенез остроумия научил нас тому, что удовольствие от остроты вытекает из игры словами или из раскрепощения бессмыслицы, и что смысл остроты предназначен только для того, чтобы защитить это удовольствие от упразднения его критикой.

Таким путем уже на исследовании шутки выясняется проблема сущности характера остроумия. Мы должны обратиться к дальнейшему развитию шутки до ее апогея - к тенденциозной остроте. Уже шутка выдвигает на первый план доставление нам удовольствия и удовлетворяется тем, что способ ее выражения не кажется нам бессмысленным или лишенным всякого содержания. Когда этот способ сам по себе содержателен и ценен, тогда шутка превращается в остроту. Мысль, которая заслужила бы наше внимание, выраженная в самой простой форме, облекается теперь в такую форму, которая сама по себе вызвала бы у нас удовольствие. Конечно, такое соединение формы и содержания осуществляется не без цели, мы должны так думать и постараемся найти

цель, лежащую в основе этого образования остроты. Одно наблюдение, сделанное прежде в качестве пред-варительного, наводит нас на след. Выше мы заметили, что

Примером, выясняющим разницу между шуткой и собственно острою П. является отличная острота, которой член п Австрии ответил на вопрос о солидарности кабинета: ,

136

МЕХАНИЗМ УД(НОЛ)СТ>11Я П ПСИХОГЕИК ОСТГОУМНЯ

который он излагает в следующем виде: ^ . Я думаю, что исследование остроумия дает нам немного моментов, под-тверждающих правильность этого принципа, который оказался верным в применении ко многим другим художественным произведениям. При исследовании остроумия мы нашли нечто иное, близко стоящее к этому принципу, а именно: при со-вместном действии нескольких доставляющих удовольствие фак-торов мы не можем указать, какая часть результата приходится фактически на долю каждого из них (см. с. 134). Но предпо-лагаемую этим ситуацию можно варьи-ровать и поставить этим новым условиям целый ряд вопросов, которые заслуживали бы ответа. 41-0 происходит вообще, если в одной констелляции совпадают условия удовольствия с условиями неудовольствия? Отчего зависит результат и его де-терминирование? Тенденциозная острота является частным слу-чаем этих возможностей. Существует побуждение или стремле-ние, которое хочет освободить удовольствие из определенного источника и которое действительно освобождает его, если ничто не препятствует этому. Кроме того, существует другое стрем-ление, противодействующее этому развитию удовольствия; оно, следовательно, тормозит или подавляет. Подавляющее течение, как показывает результат, должно быть несколько сильнее, чем подавленное, которое все-таки не упраздняется.

Теперь присоединяется еще одно стремление, которое осво-бождает удовольствие из того же процесса, хотя и и:! других

2-е изд. Лейпциг, 1897. - Курсив Pechncr'a.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

источников. Это стремление действует, следовательно, в том же направлении, что и подавленное стремление. Каков может быть результат в данном случае? Пример поможет нам лучше ра-зобраться, чем эта схематизация. Существует стремление вы-ругать кого-нибудь. Но этому настолько мешает чувство при-личия, эстетическая культура, что ругательство не осуществля-ется. Если бы оно прорвалось благодаря, например, измененному аффективному состоянию или настроению, то этот прорыв тенденции к ругани явился бы потом источником неудоволь-ствия. Итак, ругань не осуществляется. Но представляется воз-можность извлечь из материала слов и мыслей, служащих для ругательства, удачную остроту, освободить удовольствие из дру-гих источников, которым не мешает уже прежнее подавление. Однако это второе развитие удовольствия не могло б1.1 осуществиться, если бы ругательство не было позволено. Но поскольку это

последнее позволяет, с ним связывается еще новое ощущение удовольствия. Опыт тенденциозной остроты пока- зывает, что при таких обстоятельствах, подавленная тенденция может получить силу благодаря помощи, оказываемой ей удо- вольствием от остроумия, для преодоления более сильной за- держки. Человек ругается, т. к. благодаря этому осуществляется возможность остроты. Но достигнутое чувство приятного вы- зывается не только за счет остроты. Оно несравненно больше, настолько больше удовольствия от остроумия, что мы должны предположить, что подавленной прежде тенденции удалось про- биться почти совсем без ущерба. При таких соотношениях смеются больше всего по поводу тенденциозной остроты.

Быть может, путем исследования условий смеха мы придем к созданию более наглядного представления о процессе помощи, которую оказывает острота против подавления. Но и теперь мы видим, что тенденциозная острота является частным случаем принципа помощи. Возможность получения удовольствия при- соединяется к ситуации, в которой существует препятствие для другой возможности удовольствия, так что эта последняя сама по себе не может вызвать удовольствие. Результатом является получение удовольствия, принесенное присоединившейся воз- можностью. Это последнее действует как заманчивая премия¹, с помощью преподнесенного небольшого количества удовольствия было выиграно очень большое количество его, которого в противном случае было бы трудно достигнуть. Я имею основание

138

МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

предположить, что этот принцип соответствует приспособлению, которое оказалось полезным для многих друг от друга далеко расположенных областей душевной жизни, и считаю целесооб- разным назвать удовольствие, которое служит для освобождения большого количества удовольствия, предварительным удовольст- вием¹, а самый принцип - принципом предварительного удо- вольствия.

Мы можем теперь дать формулировку механизма действия тенденциозной остроты: она обслуживает тенденции, чтобы, пользуясь удовольствием от остроумия как предварительным удовольствием, доставить новое удовольствие благодаря упразд- нению подавлений и вытеснений. Если мы проследим развитие тенденциозной остроты, то сможем сказать, что она с самого начала до конца остается верной своей сущности. Она начинается как игра, чтобы извлекать удовольствие из свободного приме- нения слов и мыслей. Когда усиление разума запрещает ей эту игру словами, как лишенную смысла, и игру мыслями, как бессмысленную, она обращается к шутке, чтобы удержать эти источники удовольствия и выиграть новое удовольствие из освобождения бессмыслицы. Будучи собственно остротой, еще лишенной тенденции, она оказывает свою помощь мыслям и усиливает их против нападения критического суждения, причем принцип смешивания источников удовольствия выгоден для нее. Она, наконец, присоединяется к сильным, борющимся с подавлением тенденциями, чтобы упразднить внутренние задерж- ки согласно принципу предварительного удовольствия. Разум- критическое суждение- подавление, вот те силы, с которыми борется по очереди острота. Она прочно удерживает

первоначальные словесные источники удовольствия и, начиная со ступени шуток, открывает новые источники удовольствия благодаря упразднению задержек. Удовольствие, которое она доставляет, будь то удовольствие от игры или от упразднения, мы всякий раз можем считать производным экономии психической затраты в том случае, если такое толкование не противоречит сущности удовольствия и оказывается плодотворным еще и для других моментов.

ПРИМЕЧАНИЯ. Краткого дополнительного изложения заслуживают те остроты-бесмыслицы, которые не нашли себе полного изложения и в тексте,

139

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

При том значении, которое нашло изложение признает за моментом, может появиться искушение рассмотреть каждую острогу как острогу-бесмыслицу. По этому не обязательно, т. к. только игра мыслями неизбежно ведет к бесмыслице. Другой источник удовольствия от остроумия, игра словами, производит только иногда такое впечатление и не вызывает закономерно связанной с ним критики. Двойкий корень удоволетвия- от остроумия - игра словами и игра мыслями, соответствующий важнейшему подразделению на остроты по смыслу и частые словесные остроты, в значительной мере затрудняет краткую формулировку общих положений об остроумии.

Игра словами доставляет очевидное удовольствие в виде «свободного» численных моментов опознания и т. д. и в силу этого только в небольшой степени подвержена подавлению. Игра мыслями не может быть мотивирована таким удовольствием; она подвержена чрезвычайно энергичному подавлению. и удовольствие, которое она может доставить, является только удовольствием от упразднения задержки. Поэтому можно сказать, что удовольствие имеет ядро первоначального удовольствия от игры и оболочку удовольствия от упразднения. Мы, разумеется, не усматриваем удовольствия от остроты-бесмыслицы в том, что нам удасть вопреки подавлению освободить бесмыслицу, замечая сразу, что нам доставила удовольствие игра словами. Искусство-лица, продолжающая относиться к разряду острот по смыслу, приобретает вторично функцию напряжения нашего внимания путем смущения: она служит средством усиления действия остроты, но только в том случае, если бросается в глаза, так что смущение предшествует на некоторое время пониманию. Что бесмыслица в остроте может быть употреблена для изображения содержащегося в мысли суждения, было уже показано на примерах на с. 60, но это также не является первичным значением бесмыслицы в остроте.

К остротам-бесмыслицам примыкает целый ряд продукции, построенных по типу острот и не имеющих подходящего названия, но могущих претендовать на наименование. Их существует бесчисленное множество. Я хочу привести только два примера. Некто, сидя за столом, куда была подана рыба, хватается дважды обеими руками майонез и затем проводит ими по волосам. На удивленный взгляд соседа он, как бы замечая свою ошибку, извиняется.

Или: , - говорит один, - - спрашивает другой. - - отвечает нервнЛ.

Эти крайние примеры оказывают свое действие, потому что они будят ожидание остроты, так что каждый невольно старается найти скрытый за бессмыслицей смысл. Но смысла никакого нет. Это действительно бессмыс- лица. Этот мираж создает на одно мгновение возможность освободить удовольствие от бессмыслицы. Эти остроты не совсем лишены тенденции; это - , они доставляют рассказчику удовольствие, вводя в за- блуждение и огорчая слушателя. Последний утешается возможностью самому стать рассказчиком.

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Говорить о мотивах остроумия, казалось бы, излишне, т. к.' стремление получить удовольствие должно быть признано уже достаточным мотивом работы остроумия. Но, с одной стороны, не исключена возможность того, что и другие моти- пы при- нимают участие в продукции остроумия, а с другой стороны, при постановке вопроса о субъективной условности остроумия следует принять во внимание некоторые переживания человека. Прежде всего этого требуют два факта. Хотя работа остроумия является удачным приемом для получения удовольствия от психических процессов, тем не менее мы видим, что не все люди в одинаковой мере способны пользоваться этим средст- вом. Работа остроумия доступна не всем, а высоко продуктивная работа вообще доступна только немногим людям, которых считают остроумными (sie haben Witz). оказывается в данном случае особой способностью, примерно соотпетстиу- ющей старому термину (). и в своем выявлении она совершенно независима от других способностей: интеллекта, фантазии, памяти и т. п. У остро- умных людей нужно предполагать, следовательно, особое даро- вание или особые психические условия, которые дают место или способствуют работе остроумия.

Я боюсь, что мы в обосновании этой темы не достигнем удовлетворительных результатов. Нам удастся только то здесь, то там, исходя из понимания единичной остроты, проникнуть в знание субъективных условий в душе того, кто эту остроту создал. Совершенно случайно произошло так, что именно тот

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

пример остроумия, которым мы начали наше исследование техники остроумия, позволяет нам также бросить взгляд и на субъективную условность остроты. Я имею в виду остроту Гейне, на которую обратили внимание и Neumanns, и Lipps.

(Лук- кские воды).

Эту фразу Гейне вложил в уста комическому лицу, Гирш-Ги- ацинту, коллекционеру, оператору и таксатору из Гамбурга, ка- мердинеру знатного барона Христофора Гумпелино (некогда Гум- пеля). Поэт испытывает, очевидно, большое удовольствие от этого своего образа, поскольку заставляет Гирш-Гиацинта произнести большую речь и высказывать забавнейшие и откровеннейшие мнения; он награждает его прямо-таки практической мудростью Санчо Панса. Следует пожалеть, что Гейне, которому, как

известно, не присуща драматическая форма, вскоре оставляет этот ценный образ. В немногих местах нам кажется, что в лице Гирш-Гиацинта говорит как будто сам поэт, скрытый за прозрачной маской, и вскоре нами овладевает уверенность, что эта личность являющаяся лишь пародией поэта на самого себя. Гирш рассказывает о причинах, в силу которых он отказался от своего прежнего имени и зовется теперь Гиацинтом. Но ту же самую экономию сделал сам Гейне, когда при крещении переименовал свое имя на . Теперь каждый, кому известна биография поэта, должен вспомнить, что Гейне имел в Гамбурге, откуда происходит и Гирш-Гиацинт, дядю по фамилии Гейне, который, будучи богатым человеком в семье, сыграл величайшую роль в жизни поэта. Дядя назывался тоже Соломон, как и старый Ротшильд, который принял так фамильно бедного Гирша. То, что в устах Гирш-Гиацинта кажется простой шуткой, оказывается имеющим фундамент серьезной горечи в приложении к племяннику Гарри-Генриху. Он принадлежал к этой семье; мы знаем даже, что его страстным желанием было жениться на дочери этого дяди, но кузина отказала ему, а дядя обращался с ним всегда несколько , как с бедным родственником. Богатые кузины в Гамбурге никогда не принимали его радушно. Я вспоминаю рассказ моей собственной старой

142

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

тетки, которая благодаря замужеству попала в семью Гейне: однажды она, молодая красивая женщина, очутилась за семейным столом в соседстве с человеком, который показался ей неприятным и с которым другие обходились свысока; она не чувствовала необходимости быть к нему более снисходительной. Лишь много лет спустя она узнала, что этот кузен, которым пренебрегали и которого презирали, был поэт Генрих Гейне. Как жестоко страдал Гейне в молодости и впоследствии от такого отношения к себе своих богатых родственников, можно узнать из некоторых отзывов. На почве такой субъективной ущемленности и выросла затем острота .

И в некоторых других остротах великого насмешника можно предположить подобные субъективные условия, но я не знаю другого примера, на котором это можно было бы выяснить так убедительно; поэтому опасно высказываться более определенно о природе этих личных условий, и уже с самого начала мы не склонны требовать для каждой остроты таких сложных условий возникновения. В остроумных произведениях других знаменитых людей искомое проникновение в эти условия будет для нас чрезвычайно трудно. Создается впечатление, что субъективные условия работы остроумия часто недалеко уходят от условий невротического заболевания, когда узнают, например, что Lichlenberg был тяжелым ипохондриком, одержимым всякого рода странностями. Наибольшее число циркулирующих остроумных высказываний, особенно продуцированных на злобу дня, анонимно; можно с любопытством спросить, что за люди занимаются такой продукцией. Если имен. удобный случай в качестве врача изучить одного из таких людей, которые хотя и не являются выдающимися, но известны в своем кругу как остряки и авторы многих ходячих остроумных высказываний, можно поразиться, сделав открытие, что этот остряк является раздвоенной и предрасположенной к невротическим заболеваниям личностью. Но недостаточность документальных данных удержит нас от того, чтобы установить такую

психоневротическую конституцию как закономерное или необходимое условие для создания остроты.

Более ясным случаем являются опять-таки еврейские остроты, которые, как уже упомянуто, сплошь и рядом созданы самими евреями в то время, как истории о евреях другого происхождения почти никогда не возвышаются над уровнем комической шутки или грубого издевательства (с. 112), Условие

143

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

самопричастности можно выяснить здесь так же, как и при остроте Гейне, и значение его заключается в том, что непосредственная критика или агрессивность затруднена для человека и возможна только окольным путем.

Другие субъективные условия или благоприятные обстоятельства для работы остроумия не в такой степени покрыты мраком. Двигательной пружиной продукции безобидных острот нередко является честолюбивое стремление проявить себя, показать Свой ум, которое может быть сопоставлено с эксгибиционизмом в сексуальной области. Наличие бесчисленного множества заторможенных влечений, подавление которых сохранило некоторую степень лабильности, создает благоприятное предрасположение для продукции тенденциозной остроты. Таким образом, особенно отдельные компоненты сексуальной конституции человека МОУг являются мотивами создания острот. Целый ряд скабрёзных острог позволяет сделать заключение о скрытом эксгибиционистическом влечении их авторов; тенденциозные остроты, связанные с агрессивностью, удаются лучше всего тем людям, в сексуальности которых можно доказать мощный садистический компонент, но в жизни которых он более или менее заторможен.

Вторым обстоятельством, требующим исследования субъективной условности остроумия, является тот общеизвестный факт, что никто не может удовлетвориться созданием остроты для самого себя. С работой остроумия неразрывно связано стремление рассказать остроту. Это стремление настолько сильно, что оно довольно часто осуществляется во время самого серьезного дела. При комическом произведении рассказывание другому лицу тоже доставляет наслаждение, но оно не так властно. Человек, наткнувшись на комическое, может наслаждаться им сам. Остроту он, наоборот, должен рассказать. Психический процесс создания остроты не исчерпывается выдумыванием остроты; остается нечто, что приводит неизвестный процесс создания остроты к концу путем рассказывания выдуманного.

Мы прежде всего не знаем, на чем основано влечение к рассказыванию остроты. Но замечаем другую своеобразную особенность остроты, которая отличает ее от шутки. Когда мне встречается комическое произведение, я могу сам от всего сердца смеяться; меня, конечно, радует и возможность рассмеять другого человека рассказом этого комического произведе-

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ^-,- '-!~~~~^~
 "~~~~ деня. По поводу же пришедшей мне в голову остроты, которую я сам создал, я не могу сам смеяться, несмотря на ясное удовольствие, испытываемое мною от остроты. Возможно, моя потребность рассказать остроту другому человеку каким-либо образом связана с этим смехотворным эффектом, в котором отказано мне, но который очевиден у другого.

Почему же я не смеюсь по поводу своей собственной остроты? И какова при этом роль другого человека?

Обратимся сначала ко второму вопросу. При комизме участвуют в общем два лица: кроме меня, то лицо, в котором я нахожу комическое. Если мне кажутся комическими вещи, то это происходит благодаря нередкому в мире наших представлений процессу персонификации. Этими двумя лицами, мною и объектом, довольствуется комический процесс, третье лицо может присутствовать, но оно не обязательно. Острота, как игра собственными словами и мыслями, лишена еще вначале лица, служащего для нее объектом, но уже на предварительной ступени шутки, когда ей удалось оградить игру и бессмыслицу от возражений разума, она ищет другое лицо, которому может сообщить свои результаты. Но это второе лицо в остроте не соответствует объекту; оно соответствует третьему, постороннему лицу в комическом процессе. Создается впечатление, что при шутке второму лицу поручается решить, выполнила ли работа остроумия свою задачу, как будто не уверено в своем суждении по этому поводу. Безобидная, оттеняющая мысли острота тоже нуждается в другом человеке, чтобы проверить, достигла ли она своей цели. Если острота обслуживает обнадеживающие или враждебные тенденции, она может быть описана, как психический процесс между тремя лицами, теми же, что и при комизме, но роль третьего лица при этом иная. Психический процесс остроумия совершается между первым лицом, и третьим, посторонним лицом, а не как при комизме между и лицом, служащим объектом.

У третьего лица при остроумии острота тоже наталкивается на субъективные условия, которые могут сделать цель доставления удовольствия недоступной. Как пишет Шекспир (*Love's Labour's lost*, V. 2):

A jest's prosperity lies in the ear, Of him that hears it, never in the tongue. Of him that makes it...

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Кем владеет настроение, связанное с серьезными мыслями, тому не свойственно указать шутке на то, что ей посчастливилось спасти удовольствие от словесного выражения. Это лицо должно само пребывать в веселом или, по крайней мере, в безразличном настроении духа, чтобы третье лицо могло служить объектом для шутки. То же препятствие остается в силе для безобидной и для тенденциозной остроты; в последнем случае возникает новое препятствие в виде контраста к той тенденции, которую обслуживает острота. Готовность посмеяться по поводу удачной скабрёзной остроты не может

появиться в том случае, если обнажение касается высокоуважаемого родственника третьего лица; в собрании ксендзов и пасторов никто не решится привести сравнение Гейне католических и протестантских священнослужителей с мелкими торговцами и служащими большой фирмы, а в обществе преданных друзей моего противника самая остротная брань, которую я могу привести против него, является не остроумием, а бранью и вызывает у слушателей гнев, а не удовольствие. Некоторая степень благосклонности или определенная индифферентность, отсутствие всех моментов, могущих вызвать сильные, противоположные тенденции чувства, является необходимым условием, если третье лицо должно содействовать осуществлению процесса остроумия.

Там, где отпадают такие препятствия для действия остроты, выступает феномен, которого касается наше исследование: удовольствие, которое доставила нам острота, проявляется отчетливее на третьем лице, чем на авторе остроты. Мы должны довольствоваться тем, что говорим там, где мы были бы склонны спросить, не интенсивнее ли удовольствие слушателя, чем удовольствие создателя остроты, т. к. у нас, разумеется, нет средств для измерения и сравнения. Но мы видим, что слушатель подтверждает свое удовольствие взрывом смеха, тогда как первое лицо рассказывает остроту, по большей части, с серьезной миной. Если я далее рассказываю остроту, которую слышал сам, то, чтобы не испортить ее действия, я должен при рассказе вести себя точь-в-точь, как тот, который ее создал. Возникает вопрос, можем ли мы из этой условности смеха по поводу остроты сделать заключение о психическом процессе при образовании остроты.

В наши цели не входит учет всего того, что было сказано и опубликовано о природе смеха. От такого намерения нас отпугивает фраза, которую Dugas, ученик Ribot'a, начинает свою книгу (1902). ^ ().

По Spencer'у смех - это феномен разрешения душевного возбуждения и доказательство того, что психическое применение этого возбуждения внезапно наталкивается на препятствия. Психическую ситуацию, которая разрешается смехом, он изображает следующим образом: ^.

^ Нет явления более обычного и более изученного, чем смех; ничто не привлекает к себе в такой степени, как смех, внимания как среднего человека, так и мыслителя; не существует ни одного факта, по поводу которого было бы собрано столько наблюдений и воздвигнуто столько теорий, как это было сделано в отношении смеха - и вместе с тем нет другого такого явления, которое оставалось бы таким необъяснимым, как тот же самый смех; невольно является искушение повторить вместе со скептиками, что надо просто смеяться и не спрашивать, почему смеешься; тем более, что всякое размышление убивает смех, и знание причин смеха сейчас же послужило бы поводом к исчезновению самого смеха. ^ Н. Spencer. *The physiology of laughter* (First published in *Macmillan's Magazine* for March, 1860), *Essays* fi. Bd., 1901.

Различные пункты этого определения требуют при исследовании комического удовольствия тщательной проверки, предпринятой уже другими авторами и не имеющей во всяком случае прямого отношения к нам. Мне кажется, что Spencer'у не посчастливилось с объяснением того, почему отреагирование находит именно те пути,

возбуждение которых дает в результате соматическую картину смеха. Я хотел бы одним-единственным указанием способствовать выяснению подробно обсуждавшейся до Дарвина и самим Дарвином, но все еще не исчерпанной окончательно темы о физиологическом объяснении смеха, следовательно, об источниках и толковании характерных для смеха мышечных движений. Поскольку я знаю, что характерная для улыбки гримаса растяжения углов рта впервые наступает у удовлетворенного и пресыщенного грудного ребенка, когда он, усып- ленный, выпускает грудь. Там эта мимика является действительным вырази- тель- ным движением, т. к. она соответствует решению пищи больше не принимать; как будто выражая понятие или скорее даже . Этот первоначальный смысл чрезмерного, полного удовольствия насыщения может впоследствии указать нам на отношение улыбки, остающейся основным фено- меном смеха, к исполненным удовольствия процессам отреагирования.

147

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В точно таком же смысле французские авторы (Dugas) называют смех - , проявлением разряжения, и даже формула А. Bain'a: кажется мне не так уж далеко отстоящей от толкования Spenceг'a, как хотят нас уверит), некоторые авторы.

Мы, однако, чувствуем необходимость видоизменить мысль Spenceг'a и отчасти определить более точно, отчасти изменить содержащиеся в ней представления. Мы сказали бы, что смех возникает тогда, когда некоторая часть психическоН энергии, употреблявшаяся раньше для занятия некоторых психических путей, стала неприменимой для этой цели так, что она может быть беспрепятственно отреагирована. Мы ясно представляем себе, какую навлекаем на себя такой постановкой вопроса, но решаемся процитировать в свое оправдание вели- колепную фразу из сочинения Lipps'a о комизме и юморе. Из этого сочинения можно почерпнуть объяснение не только ко- мизма и юмора, но и многих других проблем: . Понятия: , и количественный учет психической энергии, - вошли в мой повседневный обиход с тех пор, как я начал философски трактовать факты психопа- тологии, и уже в своем (1900 г.) я, согласно с Lipps'ОМ, сделал попытку считать те психологические процессы, которые сами по себе бессознательны, а не процессы, состав- ляющие содержание сознания'. Только когда я говорю о занятии психических путей, я как будто отдаляюсь от употребляемых у Lipps'a сравнений. Познание способности психической энергии передвигаться вдоль определенных ассоциативных путей, а также познание почти неизгладимого сохранения следов психических процессов побудили меня фактически сделать попытку картин-

См. отрывок и цитпроп. книге Lipns'a. гл. VIII. и т. д. . (Lipp.s, 1. С. 123.)

148

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬШИ ПГОЦЕСС

ного изображения неизвестного. Чтобы избежать недоразумений, я должен присовокупить, что не сделал ни одной попытки провозгласить клетки или полонна или приобретающую теперь все большее значение систему нейронов субстратом для этих психических путей, хотя такие пути должны были бы быть представлены Каким-то неизвестным еще образом органически-ми элементами нервной системы.

Итак, при смехе, согласно нашему предположению, даны условия для того, чтобы количество психической энергии, употребившееся до сих пор для занятия психических путей, получило возможность свободного отреагирования, и т. к., хотя и не каждый смех, но смех по поводу остроты, безусловно, является признаком удовольствия, то мы будем склонны связать это удовольствие с прекращением существовавшей до сих пор затраты энергии. Когда мы видим, что слушатель остроты смеется, а автор нет, то это может свидетельствовать только о том, что у слушателя прекратилась затрата психической энергии, в то время как при создании остроты возникают задержки либо для прекращения затраты энергии, либо для возможности отреагирования. Едва ли можно более верно охарактеризовать психический процесс у слушателя, являющегося третьим участвующим лицом в остроте, чем подчеркивая тот факт, что он покупает удовольствие от остроты с незначительной затратой собственно энергии. Это удовольствие является для него подарком. Слова остроты, которую он слышит, обязательно вызывают в нем те представления или ту связь мыслей, возникновению которых у него противодействовали сильные внутренние задержки. Он должен был бы сам приложить усилия, чтобы произвольно осуществить эту связь в качестве первого участвующего лица в остроте, или, по крайней мере, затратить на это такое количество психической энергии, которое соответствует силе задержки, подавления или вытеснения этих представлений. Эту психическую затрату он сэкономил; согласно нашим предыдущим рассуждениям (ср. с. 121) мы должны сказать, что его удовольствие соответствует этой экономии. Согласно нашему взгляду на механизм смеха мы могли бы скорее сказать, что энергия, употреблявшаяся для обслуживания задержки, внезапно стала излишней благодаря воссозданию запретных представлений путем слухового восприятия; отток этой энергии прекратился, и потому она получила в смехе возможность отреагирования.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ропация. В сущности оба эти процесса приводят к одному и тому же, т. к. сэкономленная затрата энергии точно соответствует задержке, ставшей ненужной. Но последний процесс более нагляден, поскольку позволяет сказать, что слушатель остроты смеется, затрачивая при этом такое количество психической энергии, какое было освобождено благодаря упразднению задержки; смехом он как будто осуществляет отреагирование этого количества энергии.

Если лицо, у которого возникает острота, не может смеяться, то это указывает на то, что процесс, происходящий у этого лица, отличен от процесса, имеющего место у третьего лица, у которого происходит либо упразднение задержки, либо дана возможность отреагирования этой задержки. Но первый из этих двух случаев не осуществим, как мы сейчас должны будем признать. Задержка должна быть упразднена и у первого лица, в противном случае не была бы создана острота; возникновение остроты должно было бы

преодолеть это сопротивление. Точно так же было бы невозможно, чтобы первое лицо не испытывало удовольствия от остроты, являющейся следствием упразднения задержки. Таким образом, остается только второй случай, когда первое лицо, хотя оно и ощущает удовольствие, не может смеяться, т.к. отреагирование невозможно. Такая невозможность отреагирования, являющегося условием смеха, может получиться в результате того, что освободившаяся энергия тотчас находит себе другое эндopsихическое применение. Хорошо, что мы обратили внимание на эту возможность; вскоре мы еще больше заинтересуемся ею. Но у первого участвующего в остроте лица может быть осуществлено другое условие. Быть может, вообще не освободилось такое количество энергии, которое способно проявить себя, несмотря на последовавшее упразднение задержки. Ведь у первого лица совершается работа остроумия, которая должна соответствовать определенному количеству новой психической затраты. Следовательно, первое лицо само добывает силу, которая упраздняет задержку. Из "этого оно, безусловно, извлекает удовольствие,- в. .ййучае,..^ея.денциЪзн

150

мотивы остроумия. ОСТГОУМШ; клк С111>1Н n!OUIX'c

вести еще и тот факт, что острота лишается своего смехотворного эффекта и у третьего лица, как только от него требуется затрата мыслительной энергии. Намеки, которые делает острота, должны бросаться в глаза, пробелы должны быть легко дополняемы; с пробуждением сознательного мыслительного интереса действие остроты, как правило, становится невозможным. В этом заключается важное отличие остроты от загадки. Вероятно, психическая констелляция во время работы остроумия вообще не благоприятствует свободному отреагированию выигранной энергии. Мы не можем здесь глубже вдаваться в понимание этого процесса. Мы подробнее выяснили одну часть нашей проблемы, где речь шла о том, почему смеется третье лицо, чем другую часть, где говорится, почему не смеется первое лицо.

Тем не менее, если мы придерживаемся наших взглядов на условия смеха и на психический процесс, происходящий у третьего лица, то мы вынуждены дать удовлетворительное объяснение целого ряда известных нам, но непонятных особенностей остроты. Если у третьего лица должно быть освобождено некоторое, способное к отреагированию количество энергии, то желательны благоприятствующие моменты или соблюдение некоторых условий: 1) нужно быть уверенным, что третье лицо действительно делает эту экономию затраты; 2) после освобождения этой энергии должно быть предотвращено другое психическое применение ее вместо моторного отреагирования; 3) если количество энергии, затрачиваемой на задержку, которая должна быть упразднена у третьего лица, было до этого еще усилено, увеличено, то это может принести только пользу. Всем этим целям служат определенные приемы работы остроумия, которые мы можем объединить под названием вторичных или вспомогательных технических приемов.

Первое из этих условий устанавливает одну из особенностей, свойственных третьему лицу - слушателю остроты. Оно должно быть настолько психически согласовано с первым

лицом, чтобы обладать теми же внутренними задержками, какие были пре- одолены работой остроумия у первого лица. Кто не склонен к сальностям, тому удачные обнажающие остроты не доставят никакого удовольствия. Агрессивные остроты г. N не будут поняты необразованным человеком, который привык давать волю своему удовольствию, получаемому им от ругани. Каждая

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

острота требует, таким образом, своей собственной аудитории, и если одна и та же острота вызывает смех у нескольких человек, то это является доказательством большой психической согласованности. Впрочем, мы дошли тут до такого пункта, который дает нам возможность более подробно разобрать процесс, происходящий у третьего лица. Оно должно уметь при- вычным образом воссоздавать в себе ту задержку, которую преодолела острота у первого лица, так что у третьего лица, как только оно слышит остроту, навязчиво или автоматически пробуждается готовность к этой задержке. Эта готовность, ко- торую я должен учитывать как действительную затрату, анало- гичную мобилизации в армии, признается одновременно (у первого и третьего лица. - Я. /С.) излишней или запоздалой иотреагируется, таким образом, in stain nascendi путем смеха!

Второе условие для создания свободногоотреагирования, заключающееся в предотвращении иного применения освобож- денной энергии, гораздо более важно. Оно дает теоретическое объяснение ненадежности действия остроты в том случае, если выраженная в остроте мысль вызывает у слушателя сильно возбуждающие представления, причем от согласованности или противоречивости между тенденциями остроты и рядом мыслей, овладевающих слушателем, зависит, будет сосредоточено вни- мание на процессе остроумия или нет. Но еще большего теоретического интереса заслуживает целый ряд вспомогательных технических приемов, которые явно служат цели отвлечь вни- мание слушателя от процесса остроумия и создать для него возможность протекать автоматически. Я говорю умышленно, а не, потому что последний термин ввел бы нас в заблуждение. Здесь речь идет только о том, чтобы не допустить большей активности (Besel/ung) вни- мания к психическому процессу, возникающему при выслуши- вании остроты. Употребление этого вспомогательного техниче- ского приема дает нам право предположить, что именно ак- тивность внимания принимает большое участие в надзоре за освобожденной энергией и в новом ее применении. По-видимому, вообще не легко избежать эндопсихического

Точка зрения: доказана в несколько пион форме Neumans'OM. (Zeit.schriCi lui- Psychiol. XI.).

152

МОТИВЫ ОСТГОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИЛЛЬИИ ПГОЦКСС

применения энергии, которая стала ненужной, т. к. мы во время своих мыслительных процессов постоянно передвигаем такую энергию с одного пути на другой, не теряя ни малейшего количества энергии наотреагирование. Острота пользуется для этого

следующими приемами: во-первых, она стремится к возможно краткой формулировке, чтобы дать меньше опорных точек вниманию, во-вторых, она сохраняет условие легкости понимания (см. выше), и, поскольку она учитывает работу мышления и делает выбор среди различных мыслительных путей, то она должна была бы подвергать опасности свое действие не только благодаря неизбежной мыслительной затрате, но и благодаря возбуждению внимания. Но, кроме того, чтобы отвлечь внимание, острота прибегает к новой уловке: она предлагает вниманию нечто выраженное в остроте, что приковывает его, так что тем временем благодаря остроте может беспрепятственно произойти освобождение энергии, затрачивавшейся на задержку, и отреагирование ее. Уже пропуски в тексте остроты выполняют эту задачу. Они побуждают к заполнению этих пробелов и таким образом отвлекают внимание от процесса остроумия. Здесь работа остроумия как будто прибегает к услугам технических приемов загадки, привлекающей внимание. Еще большее значение имеют фасадные образования, которые мы встречаем, особенно в некоторых группах тенденциозных острот (ср. с. 105.). Фасадные образования отлично достигают своей цели: сосредоточить на себе внимание, которому они ставят какую-нибудь задачу. В то время, как мы начинаем раздумывать, в чем заключается ошибка того или иного ответа, мы уже смеемся; наше внимание застигнуто врасплох; отреагирование освободившейся энергии, затрачивавшейся на задержку, выполнено.

То же относится к остротам с комическим фасадом, при которых комизм приходит на помощь технике остроумия. Комический фасад способствует действию остроты больше, чем обычный прием; он не только создает возможность автоматического течения процесса остроумия благодаря тому, что приковывает внимание; он облегчает отреагирование от остроты, предпосылая ему отреагирование от комического. Комизм действует здесь точно так, как подкупающее предварительное удовольствие, и таким образом мы можем понять, что некоторые

153

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

остроты могут совершенно отказаться от предварительного удовольствия, создаваемого другими приемами остроумия¹.

Мы уже догадываемся и впоследствии еще яснее увидим, что в условии отвлечения внимания открыли немаловажную черту психического процесса, происходящего у слушателя остроты. В связи с этим мы можем понять еще и другое. Во-первых, каким образом случается так, что мы никогда не знаем, над чем смеемся, хотя можем установить это благодаря аналитическому исследованию. Этот смех является результатом автоматического процесса, который возможен благодаря устранению нашего сознательного внимания. Во-вторых, мы поняли своеобразность остроты, заключающуюся в том, что она оказывает свое действие на слушателя в полной мере только в том случае, если она нова для него, если она действует на него ошеломляюще. Это свойство остроты, обуславливающее ее недолговечность и побуждающее к продукции все новых и новых острот, проистекает, очевидно, из того, что ошеломить или застигнуть врасплох можно только один раз. При повторении остроты внимание направляется на выплывающее вос-

поминание о нервом разе. Исходя из этого, мы можем понять затем стремление рассказать слышанную остроту другому человеку, который еще не знает ее. Вероятно, человек вновь

На примере остроты, возникающей в момент соревнования, я хотел бы обсудить довольно характерную черту техники остроумия. Главная аргументация Oallnicusg на заданный вопрос: «Это - образец соревнования». Спрошенная о Но.iras'i'e, она отвечает указанием на место рождения, предупреждая таким образом ближайший вопрос и дает этим понять: «И, однако, мы чувствуем, что характерная часть остроты получила здесь не безупречное выражение. Уклонение от вопроса слишком ясно, соревнование слишком бросается в глаза. Наше впечатление понижается подчас, что речь идет об умышленном соревновании. При других остротах, возникающих в момент соревнования, последнее замаскировано, наше внимание приковано стремлением доказать соревнование. И одной остроте, заключающейся в соревновании (с. 56), ответ на расхваливание лошади - Ответ: «...». Шутливые вопросы не являются остроумными, потому что требуемые остроумные ответы не могут быть рассматриваемы как намеки остроумия, проноска и т. д.

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

получает некоторую возможность наслаждения, отпущенную вследствие недостатка новизны, из того впечатления, которое производит острота на новичка. Аналогичный же мотив побуждает автора остроты вообще рассказывать ее другому человеку.

Как на благоприятствующие моменты, которые уже являются скорее условиями процесса остроумия, я указываю, в-третьих, на те технические вспомогательные средства, которые служат для увеличения количества энергии, предназначенной для отреагирования, и усиливают таким образом действие остроты. Хотя эти же приемы усиливают, по большей части, и внимание, направленное на остроту, они же вновь обезвреживают влияние внимания, привлекая его и ограничивая его подвижность. Все, что вызывает интерес и смущение, действует в обоих этих направлениях, следовательно, прежде всего бессмыслица, прежде всего противоположность, , который некоторые авторы считали существенной характерной чертой остроумия, но в котором я не усматриваю ничего, кроме средства усиления действия остроты. Все, что смущает, вызывает в слушателе то состояние распределения энергии, которое Lipps назвал (Slauung), и он, конечно, имеет право предположить, что происходит тем сильнее, чем больше была предшествующая загрузка. Правда, изложение Lipps'a относится не именно к остроте, а к комическому вообще; но, вполне вероятно, может случиться так, что отреагирование при остроте, разгружающее энергию, которая затрачивалась на задержку, усилено таким же образом благодаря загрузке.

Теперь нам ясно, что техника остроумия вообще определяется двоякого рода тенденциями: одними, которые создают возможность образования остроты у первого лица, и другими, которые должны обеспечить остроте возможно большее действие удовольствия у первого лица. Подобная Янусу двуликость остроты, обеспечивающая последней первоначальный выигрыш удовольствия от возражений критического

рассудка, и механизм пред-варительного удовольствия относятся к первым тенденциям. Дальнейшее усложнение техники приведенными в этой главе условиями является результатом наличия третьего лица, интe-ресы которого приняты во внимание. Итак, острота сама по себе является лукавой плутовкой, которая служит одновременно двум господам. Все, что имеет в виду получение удовольствия, рассчитано при остроте на третье лицо, как будто какие-то внутренние, непреодолимые задержки мешают получению удо-вольствия первым лицом. Итак, создается полное впечатление

155

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

необходимости этого третьего лица 'для довершения процесса остроумия. Но если мы сумели получить довольно ясное впе-чатление о природе этого процесса у третьего лица, то мы чувствуем, что соответствующий процесс у первого лица еще окутан для нас мраком. Из двух вопросов: почему мы не можем смеяться по поводу острот, созданных нами самими? и почему мы вынуждены рассказывать нашу собственную ос-троту другому человеку? - на первый из них мы до сих пор еще не дали ответа. Мы можем только предположить, что между двумя подлежащими выяснению фактами существует тесная связь, что мы потому вынуждены рассказывать нашу остроту другому человеку, что мы сами не можем смеяться над ней. Из наших взглядов на условия получения удовольствия и отреагирования у третьего лица можно сделать обратный вывод относительно первого лица, что у него отсутствуют условия для отреагирования, а условия для получения удоволь-ствия выполнены лишь отчасти. Затем нельзя отрицать, что мы дополняем наше удовольствие, достигая невозможного для нас смеха окольным путем благодаря впечатлению от третьего лица, которое мы заставили смеяться; мы смеемся, таким образом, как будто , как говорит Dugas; смех относится к весьма заразительным проявлениям психических состояний. Если я за-ставляю другого человека смеяться, рассказывая ему остроту, то я собственно пользуюсь им, чтобы возбудить свой собственный смех; и действительно можно наблюдать, что человек, рассказав-ший сперва острогу с серьезной миной, подхватывает затем смех другого человека умеренным смешком. Следовательно, сообщение своей остроты другим людям может служить нескольким целям: во-первых, дать мне объективное доказательство успеха работы остроумия, во-вторых, дополнить мое собственное удовольствие благодаря обратному действию этого другого человека на меня, в-третьих, - при повторении не самостоятельно продуцированной остроты - пополнить недостаток удовольствия, вызванный отсутствием новизны.

В заключение этих рассуждений о психических процессах остроумия, поскольку они разыгрываются между двумя лицами, мы можем бросить ретроспективный взгляд на момент эконо-мии, который кажется нам важным для психологического по-нимания остроумия с тех пор, как мы дали первое объяснение технике остроумия. Мы уже давно ушли от ближайшего, но вместе с тем наивного понимания этой экономии, как желая вообще избежать психической затраты, причем экономия полу-

156

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

чается при наибольшем ограничении в употреблении слов и создании мыслительных связей. Мы тогда уже сказали себе: краткое, лаконичное не есть еще остроумное. Краткость остроумия - это особая, именно краткость. Первоначальный выигрыш удовольствия, которое доставляет игра словами и мыслями, проистекает действительно от одной только экономии затрат. Но с развитием игры в остроумие тенденция к экономии тоже должна была переменить свои цели, т. к. по сравнению с колоссальной затратой нашей мыслительной деятельности безусловно не было бы принято во внимание то, что сэкономлено благодаря употреблению одних и тех же слов или избеганию новых сочетаний мыслей. Мы можем, конечно, позволить себе сравнить психическую экономию с предприятием. Пока оборот в нем очень невелик, то, разумеется, на предприятие в целом расходуется мало, расходы на содержание управления крайне ограничены. Бережливость распространяется еще на абсолютную величину затрат. Впоследствии, когда предприятие расширилось, значение расходов на содержание управления отступило на задний план. Теперь не придают больше значения тому, как велико количество издержек, если только оборот и доходы увеличились в значительной мере. Экономия на расходах была бы мелочной для предприятия и даже прямо убыточной. Однако, было бы неправильно предполагать, что при абсолютно больших расходах больше нет места тенденции к экономии. Ищущая экономии мысль шефа направится теперь на бережливость в мелочах и почувствует удовлетворение, если с меньшей затратой будет исполнено то же самое распоряжение, которое требовало раньше больших расходов, какой бы ничтожной ни казалась экономия в сравнении с общими расходами. Совершенно аналогичным образом и в нашем сложном психическом предприятии детализированная экономия остается источником удовольствия, как могут показать нам повседневные события. Кто прежде зажигал в своей комнате керосиновую лампу и устроил теперь электрическое освещение, тот в течение некоторого времени будет испытывать определенное чувство удовольствия, поворачивая электрический выключатель; это будет длиться до тех пор, пока в тот момент в нем живо будет воспоминание о сложных манипуляциях, которые нужны были для того, чтобы зажечь керосиновую лампу. Точно так же незначительная в сравнении с общей психической затратой, осуществляемая остроумием, экономия расходования психической энергии, предназначавшейся для задержек, остается для нас

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

источником удовольствия, т. к. благодаря ей мы делаем экономии одного-единственного расхода, который мы привыкли делать и который мы уже готовы были сделать и на этот раз. На первый план, несомненно, выступает момент, заключающийся в том, что мы ожидали, готовились к этому расходу.

Локализованная экономия, какой является только что рассмотренная, не замедлит доставить нам мгновенное удовольствие, но длительного облегчения она не даст, поскольку сэкономленное здесь может быть израсходовано в другом месте. Лишь в том случае, если можно избежать этого другого приложения энергии, частная экономия вновь превращается в общее уменьшение психической затраты. Таким образом, при более

глубоком взгляде на процессы остроумия момент уменьшения затраты занимает место момента экономии. Первый момент доставляет, очевидно, большее удовольствие. Процесс у первого лица в остроте доставляет удовольствие благодаря упразднению задержки, уменьшению местной затраты. Он, видимо, не заканчивается до тех пор, пока благодаря посредничеству третьего постороннего лица не достигнет общего облегчения путем отреагирования.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

В конце главы, которая была посвящена открытию техники остроумия, мы высказали мысль (с. 88), что процессы сгущения с заместительным образованием и без него, передвижения, изображения путем противоположности, путем бессмыслицы, непрямого изображения и другие процессы, принимающие участие в создании остроты, являют далеко идущую аналогию с процессами, и мы оставили за собой право, с одной стороны, подробнее изучить эти аналогии, с другой стороны - исследовать общее между сновидением и остроумием. Нам было бы гораздо легче провести это сравнение, если бы мы могли предположить, что один из элементов сравнения - известен. Но мы, вероятно, поступим лучше, если не сделаем этого предположения. У меня создалось впечатление, что опубликованное в 1900 году вышло у моих коллег по специальности больше, чем, и я знаю, что широкие круги читателей удовлетворились тем, что свели все содержание книги к ходячему выражению, которое можно легко запомнить и которым легко злоупотреблять.

Занимаясь продолжительное время проблемами, о которых там шла речь, и имея обильный материал, доставленный мне, как психотерапевту, во время моей врачебной деятельности, я не нашел в нем ничего, что требовало бы изменения или корректуры моих рассуждений, и могу поэтому спокойно выждать, пока читатели поймут или

б зек. №64 161

пока пронизательная критика укажет мне основные ошибки моей интерпретации. В целях сравнения с остротой я повторю здесь в сжатом виде самое необходимое о сновидении и о работе сна.

Мы узнаем сновидение из воспоминания, кажущегося нам по большей части отрывочным и возникающего после пробуждения от сна. Сновидение состоит из призрачных в большинстве случаев (но в то же время отличающихся от них) эмоциональных впечатлений, которые дали нам суррогат переживания и которые могут быть смешаны с некоторыми мыслительными процессами (в сновидении) и аффективными проявлениями. То, что мы вспоминаем как сновидение, я называю. Оно часто совершенно абсурдно или только запутано. Но даже тогда, когда оно совсем связно, как в некоторых сопровождающихся страхом сновидениях, оно противопоставляется нашей жизни, как нечто чуждое, о происхождении которого нельзя отдать себе никакого отчета. Объяснения этого характера сновидения искали до сих пор в нем самом, усматривая в нем

признаки беспорядочной, диссоциированной и, так сказать, деятельности нервных элементов.

В противовес этому я показал, что это столь странное содержание сновидения всегда может быть понято как искаженное и измененное описание определенных, логически правильных психических переживаний, которые заслуживают названия: . Познание этих мыслей можно получить, если разложить явное содержание сновидения на его составные части, не обращая при этом внимания на кажущийся смысл, который оно может иметь, и если проследить затем ассоциативные нити, исходящие от каждого, изолированного теперь элемента. Эти нити сплетаются друг с другом и приводят, наконец, к такому слою мыслей, которые не только вполне логичны, но и легко могут быть поставлены в известную нам связь с нашими душевными процессами. Путем этого содержание сновидения освобождается от всех своих поражающих нас странностей. Но чтобы такой анализ был удачен, мы должны постоянно опровергать критические возражения, которые делаются непрерывно против репродукции отдельных, способствующих анализу ассоциаций. Из сравнения вспоминаемого явного содержания сновидения

162

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

с найденными, таким образом, латентными мыслями сновидения вытекает понятие о . Работой сна можно назвать всю сумму превращающихся процессов, которые переводят латентные мысли сновидения в явное сновидение. За счет работы сна происходит то удивление, которое раньше вызывало в нас сновидение.

Механизм работы сна может быть описан в следующем виде: очень сложный, в большинстве случаев, ряд мыслей, который был построен в течение дня и не был исчерпан, - так называемый дневной остаток - сохраняет и в течение ночи предназначенное ему количество энергии - интерес, - и угрожает нарушить сон. Этот дневной остаток благодаря работе сна превращается в сновидение и делается безвредным для сна. Чтобы дать исходный пункт работе сна, дневной остаток должен обладать способностью создавать желание, - легко выполнимое условие. Желание, вытекающее из мыслей сновидения, образует предварительную ступень, а впоследствии - ядро сновидения. Полученный из анализов опыт - но не теория сновидений - говорит нам, что у ребенка любое из желаний, оставшихся неисполненными в бодрственной жизни, достаточно, чтобы вызвать сновидение, которое получается связным, имеющим смысл, но в большинстве случаев кратким; оно легко может быть распознано как . У взрослого существует общее благоприятное условие для желания, вызывающего сновидение; оно заключается в том, что может содержать в себе неизвестные подкрепляющие тенденции для сознания. Не предполагая участия бессознательного в вышеизложенном смысле, я не мог бы развить дальше теорию сновидения и дать толкование испытываемому материалу, состоящему из анализов сновидений. Влияние этого бессознательного желания на сознательно-логичный материал мыслей сновидения дает в результате сновидение. Последнее втянуто при этом как будто в бессознательное, точнее - говоря, оно подтверждено обработке в том виде, в каком она происходит на ступени бессознательных мыслительных

процессов и характерна для этой ступени. До настоящего времени мы знаем характер бессознательного мышления и его отличие от способного стать сознательным мышления только из результатов. Совершенно новое, не простое и противоречащее общепри-

6* 163

нятому мышлению учение едва ли может выиграть с ясности при сжатом изложении. Этим замечанием я, следосательно, имею в виду ничто иное, как ссылку на подробное изложение бессознательного в моем и на кажущиеся мне п высшей степени важными работы Липпса. Я знаю, что тот, кто не имеет достаточного философского образования, или мало склонен к так называемой философской системе, оспаривает возможность в смысле Липпса и в моем и берется доказать его невозможность на любом из психических определений. Но определения условны и могут быть изменены. Я часто имел возможность на опыте убедиться, что лица, оспаривающие бессознательное как нечто абсурдное и невозможное, вынесли свои впечатления не из тех источников, из которых, по крайней мере, для меня, вытекает необходимость признания бессознательного. Противники бессознательного никогда не принимали во внимание эффекты пост- гипнотического внушения, и то, что я сообщал им в качестве образцов из моих анализов у негипнотизированных невротиков, приводило их в величайшее удивление. Они никогда не допускали мысли, что бессознательное есть нечто такое, чего в действительности не знают в то время, как необходимые выводы вынуждают дополнить понятие бессознательного - хотя бы под этим подразумевались мысли, способные стать сознательными - тем, о чем мы как раз в данный момент не думали, что не находилось в. Они также не пытались убедиться в существовании таких бессознательных мыслей в их собственной душевной жизни путем анализа своего собственного сновидения, и когда я пытался производить с ними такой анализ, то они встречали свои собственные приходящие им в голову мысли, только с удивлением и смущением. Я получил также такое впечатление, что принятию существенно препятствует аффективное сопротивление, основанное на том, что никто не хочет изучать своего бессознательного, тогда как легче всего вообще отрицать возможность его существования.

Итак, работа сна, к которой я возвращаюсь после этого отступления, подвергает совершенно своеобразной обработке мыслительный материал, облеченный в форму желания. Она прежде всего заменяет сослагательное наклонение настоящим

164

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

временем, заменяет выражением. Это предназначено для галлюцинаторного изображения, что я назвал работы сна. При этом совершается путь от мыслей к картинам восприятия, или, учитывая еще неизвестную - понимаемую не в анатомическом смысле - топике душевного процесса, можно было бы сказать, что совершается обратный путь от области мысленных картин к области эмоциональных восприятий. Этим путем, противоположным направлению развития усложняющейся душевной деятельности, мысли сновидения приобретают наглядность, наконец, ядром явной, оказывается пласти-

ческая ситуация. Чтобы добиться такой эмоциональной изобразительности, мысли сновидения должны были претерпеть существенные преобразования. Но во время обратного превращения мыслей в эмоциональные картины в них наступают еще и другие изменения, которые отчасти понятны, как необходимые, а отчасти являются неожиданными. Необходимым побочным результатом регрессии следует считать то, что почти все связи внутри мыслей, которые расчлняют их, оказываются потерянными для явного сновидения. Работа сна принимает для изложения, так сказать, только сырой материал представлений, не принимая тех мыслительных соотношений, которые удерживают их друг относительно Друга, или она оставляет за собой, по крайней мере, право не обращать внимания на эти последние соотношения. Другую часть работы сна мы, наоборот, не можем считать производным регрессии сна, обратного превращения в эмоциональные картины - ту часть, которая нам важна для аналогии с образованием остроты. Материал мыслей сновидения испытывает во время работы сна совершенно необычное укомплектовывание или сгущение. Его исходными точками являются те общие черты, которые случайно или соответственно содержанию имеются налицо в мыслях сновидения. Поскольку эти общие черты обычно недостаточны для полного сгущения, то в работе сна создаются новые, искусственные общие черты, и для этой цели охотно употребляются даже слова, в тексте которых совпадают различные значения. Вновь созданные сгущенные общие черты входят в явное содержание сновидения как представители мыслей сновидения, так что один элемент сновидения соответствует узловому и перекрестному

165

пути мыслей сновидения; принимая во внимание эти последние, он должен быть назван вообще. Факт сгущения является той частью работы сна, которую можно легче всего распознать; достаточно сравнить написанный текст сновидения с записью мыслей сновидения, полученных путем анализа, чтобы получить ясное представление о частоте сгущения в сновидении.

Не так легко убедиться во втором большом изменении, которое производит работа сна в мыслях сновидения; речь идет о процессе, который я назвал передвиганием в сновидении. Это изменение проявляется в том, что в явном сновидении стоит в центре и сопровождается большой чувственной интенсивностью то, что в мыслях сновидения находилось на периферии и было второстепенным, и наоборот. Сновидение оказывается благодаря этому в сравнении с мыслями сновидения, и именно благодаря этому передвиганию сновидение оказывается чуждым и непонятным для бодрственной душевной жизни. Чтобы осуществилось подобное передвигание энергии, должна быть дана возможность беспрепятственно переходить от важных представлений к маловажным, что может на нормальное, спонтанное стать сознательным мышление, произвести впечатление только.

Превращение в целях возможности изображения, сгущение и передвигание являются тремя большими механизмами, которые можно приписать работе сна. Четвертый механизм, которому уделено, быть может, слишком мало места в толковании сновидений, не принят здесь во внимание. Выводя последовательно идеи из и - а только

такая последовательность придаст полноценность рабочим гипотезам - следовало бы сделать попытку определить, на каких ступенях регрессии происходят различные превращения мыслей сновидения. Эта попытка не получила еще серьезного обоснования, но относительно передвижения, по крайней мере, можно с уверенностью сказать, что оно должно происходить на мыслительном материале, в то время когда он находится на ступени бессознательных процессов. Сгущение представляют себе, по всей вероятности, как процесс, распространяющийся через все течение мыслей вплоть до области восприятия, в общем же удовлетворяются тем, что предполагают одновременно

166

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

наступающее действие всех сил, принимающих участие в образовании сновидения. При той осторожности, которую следует соблюдать в трактовке таких проблем, и принимая по внимание не подлежащую здесь обсуждению принципиальную рискованность такой постановки вопроса, я все же решаюсь выставить положение, что предшествующий сновидению процесс работы сна должен быть перенесен в область бессознательного. Итак, в целом при образовании сновидения следовало бы, грубо говоря, различать три стадии: во-первых, перевод предсознательных дневных остатков в бессознательное, чему должны способствовать условия сонного состояния, затем собственно работа сна в бессознании, и, в-третьих, регрессия обработанного таким образом материала сновидения вплоть до восприятия, в качестве которого сновидение проникает в сознание.

В качестве сил, принимающих участие в образовании сновидения, можно распознать: желание спать; энергию, оставшуюся еще у дневных остатков после уменьшения ее количества благодаря сонному состоянию; психическую энергию снообразующего бессознательного желания; противодействующую силу, которая господствует в бодрственной жизни и не вполне исчезает во время сна. Задачей снообразования является прежде всего преодоление задержки цензуры, и именно эта задача разрешается благодаря передвижению психической энергии внутри материала, доставляемого мыслями сновидениями.

Теперь вспомним, по какому поводу мы при исследовании остроумия подумали о сновидении. Мы нашли, что характер и действие остроты связаны с определенными формами выражения, техническими приемами, среди которых самыми поразительными являются различные виды сгущения, передвижения и непрямого изображения. Но процессы, приводящие к тем же результатам, т. е. к сгущению, передвижению и непрямому изображению, стали нам известны в качестве особенностей работы сна. Не напрашивается ли благодаря этой аналогии вывод, что работа-остроумия и работа сна должны быть идентичны в одном, по крайней мере, существенном пункте? Работа сна оказывается, по моему мнению, расшифрованной для нас в ее важнейших характерных чертах; из психических процессов при остроумии для нас расшифровывается именно та часть, которую мы можем сравнить с работой сна, процесс образования

167

остроты у первого лица. Не должны ли мы поддаться искушению конструировать этот процесс по аналогии с образованием сновидения? Некоторые из особенностей сновидения настолько чужды остроте, что мы не можем перенести соответствующую им часть работы сна на образование остроты. Регрессия хода мыслей вплоть до восприятия для остроты отпадает; зато две другие стадии образования сновидения: погружение предсознательной мысли в бессознательную сферу и бессознательная обработка ее, если мы предположим их существование при образовании остроты, - дадут нам именно тот результат, который мы можем наблюдать при остроте. Итак, мы решаемся сделать предположение, что это является процессом образования остроты. Предсознательная мысль на момент подвергается бессознательной обработке, и результат этой обработки вскоре постигается сознательным восприятием.

Но прежде чем мы проверим это положение в деталях, мы хотим подумать об одном возражении. Мы исходим из того факта, что технические приемы остроумия указывают на те же процессы, которые известны нам как особенности работы сна. Нам могут легко возразить, что мы описали бы технические приемы остроумия не как сгущение, передвижение и т. д. и не пришли бы к столь далеко идущим аналогиям в приемах изображения, которыми пользуются острота и сновидение, если бы предшествующее знание работы сна не подкупило нас в нашей трактовке техники остроумия, так что мы в сущности при остроте нашли только подтверждение тем ожиданиям, с которыми подошли от сновидения к остроте. Такой генезис аналогии не дал бы никаких прочных гарантий ее постоянства, кроме разве нашей предубежденности. Механизмы сгущения, передвижения и непрямого изображения не были также фактически выделены ни одним другим автором в качестве форм выражения остроты. Это возражение было бы возможно, но из этого еще отнюдь не следует, что оно было бы справедливо. Точно так же возможно, что категоричность нашей трактовки благодаря знанию работы сна была необходима, чтобы распознать действительную аналогию. Однако, окончательное решение будет зависеть только от того, сможет ли испытующая критика доказать на единичных примерах, что такая трактовка техники остроумия является навязанной и что ради нее были отброшены

168

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

другие трактовки, которые ближе к истине и глубже проникают в нее, или же критика должна будет согласиться с тем, что ожидания, с которыми мы подошли от сновидения к остроте, действительно подтвердились. Я придерживаюсь мнения, что нам нечего бояться такой критики и что наш прием редукции (см. с. 25), точно показал, в каких формах выражения следовало искать технические приемы остроумия. То, что мы дали этим техническим приемам те же наименования, которые уже заранее предreshают результат аналогии между техникой остроумия и работой сна, было-нашим законным правом, собственно говоря, ничем иным, как легко оправдываемым упрощением.

Другое возражение не так существенно для нас, но зато и не нуждается в столь основательном опровержении. Можно было бы думать, что хорошо согласующиеся с нашими целями технические приемы остроумия хоть и заслуживают признания, но не

исчерпывают всех возможных или употребляемых на практике технических приемов остроумия. Под влиянием про- тотипа, каким явилась для нас работа сна, мы отыскивали якобы только соответствующие ей технические приемы остроумия в то время, как другие приемы, которые мы проглядели, показали бы, что такая аналогия, как нечто постоянное, не существует. Я действительно не решаюсь утверждать, что мне удалось выявить технику всех находящихся в обращении острот, и ввиду этого оставляю открытым вопрос о том, что мое пере- числение технических приемов остроумия страдает некоторой неполнотой, но я преднамеренно не исключил из обсуждения ни одного вида техники, который мог быть мною расшифрован, и утверждаю, что от моего внимания не ускользнули самые частые, самые важные, в большинстве случаев, характерные технические приемы остроумия.

Остроумие обладает еще одной характерной чертой, которая вполне согласуется с нашей, вытекающей из сновидения, трак- товкой работы остроумия. Хотя и говорят, что остроуту , но чувствуется, что этот процесс отличается от того, который совершает человек, высказывающий мнение или делающий воз- ражение. Острота имеет чрезвычайно резко выраженный характер внезапно . Еще за один момент до этого человек не знает, какую он создаст остроуту, которую потом останется лишь облечь в словесную форму. Человек

169

испытывает нечто не поддающееся определению, что я мог бы скорее всего сравнить с отсутствием, внезапным разрядом ин- теллектуального напряжения, после которого сразу оказывается созданной острота, в большинстве случаев одновременно со своей оболочкой. Некоторые из приемов остроумия находят применение в выражении мыслей и вне остроумия, например, сравнение и намек. При этом я сначала думаю над прямым выражением этой мысли (внутреннее слышание), у меня су- ществуют задержки в высказывании этой мысли по мотивам, соответствующим данной ситуации, но вскоре я пытаюсь за- менить прямое выражение косвенной формой и делаю намек. Возникший таким образом, созданный под моим непрерывным контролем намек никогда не остроумен, как бы удачен он ни был; остроумный намек возникает, наоборот, без того, чтобы я мог проследить эти подготовительные стадии в моем мыш- лении. Я не хочу придать слишком большой цены этому соотношению; оно едва ли решает вопрос, но оно все же хорошо согласуется с нашим предположением, что при создании остроты ход мыслей погружается на один момент в бессознательную сферу и затем внезапно выплывает из бессознательного в виде остроты.

Остроты занимают особое положение и в ассоциативном отношении. Наша память часто не располагает ими тогда, когда мы хотим их вызвать, но зато иной раз они возникают невольно, и в таких именно местах хода наших мыслей, где мы не понимаем, почему они вплетаются. Это опять-таки мелкие черты, но все же они указывают на происхождение острот из бессознательного.

Соберем теперь все характерные черты остроумия, которые могут указать на то, что оно образуется в бессознательном. Прежде всего следует отметить своеобразную лаконичность ост- роты - необходимый, но чрезвычайно характерный признак. Впервые

столкнувшись с ней, мы склонны были видеть в ней выражение экономящей тенденции, но сами обесценили это понимание благодаря тем возражениям, которые оно у нас вызвало. Лаконичность остроумия кажется нам теперь скорее признаком бессознательной обработки, которой подверглись мысли остроумия. Соответствующее ей в сновидении сгущение мы не можем поставить в связь ни с каким другим моментом, кроме локализации в бессознательном, и должны предположить,

170

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

что в бессознательном ходе мыслей даны условия для таких сгущений, отсутствующие в предсознательном[^]. Следует ожидать, что при процессе сгущения теряются некоторые из подвергающихся ему элементов, в то время как другие, получающие от них энергию активности (Besetzungsenrgie), конструируются в усиленном или чрезмерно усиленном виде. Лаконичность остроумия, как и лаконичность сновидения, является, таким образом, необходимым побочным явлением, происходящим в обоих случаях сгущений; в обоих случаях она является результатом процесса сгущения. Этому происхождению лаконичность остроумия обязана и своим особым, не поддающимся дальнейшему объяснению, но поразительным для восприятия характером.

Раньше мы уже истолковали один из результатов сгущения, многократное употребление одного и того же материала, игру слов, созвучность, как локализованную экономию, и считали удовольствие, доставляемое безобидной остротой, производным этой экономии. Впоследствии мы усмотрели первоначальную цель остроты в том, чтобы извлечь удовольствие такого рода из слов, что не было ей запрещено на ступени игры, но что было запрещено рассудительной критикой в постепенном ходе интеллектуального развития. Теперь мы предположим, что такого рода сгущения в том виде, в каком они служат технике остроумия, возникают автоматически, без особой преднамеренности, во время мыслительного процесса в бессознательном. Не имеем ли мы здесь перед собой двух различных объяснений одного и того же факта, которые кажутся несовместимыми друг с другом? Я не думаю; это, конечно, два различных объяснения, и они должны быть согласованы друг с другом, но они не противоречат одно другому. Одно из них просто чуждо другому, и если мы установим между ними какую-нибудь связь, то, вероятно, сделаем шаг вперед в нашем познании. Что такие сгущения являются источником удовольствия, вполне согласу-

Сгущение как закономерный и исполненный значения процесс я доказал помимо работы сна и техники остроумия еще в одной области душевной деятельности, в механизме нормального не тенденциозного забывания. Забыть отдельное впечатление трудно. Те впечатления, между которыми существует какая-либо аналогия, забываются, подвергаясь сгущению, которое имеет в своей основе общие точки соприкосновения. Смешивание аналогичных впечатлений является одной из предварительных ступеней забывания.

171

ется с предположением, что они легко находят в бессознательном условия для своего возникновения. Даже больше того, мы усматриваем мотивировку для погружения в бессознательное в том обстоятельстве, что там легко производится сгущение, которое доставляет удовольствие и которое нужно остроте. И два другие момента, которые на первый взгляд кажутся совершенно чуждыми друг другу и как бы совпадающими благодаря нежелательной случайности, также оказываются при более глубоком исследовании тесно связанными и даже по существу тождественными. Я имею в виду оба положения, согласно которым остроты может, с одной стороны, производить такие доставляющие удовольствие сгущения во время своего развития на ступени игры, следовательно, в детстве разума, а с другой стороны, оно совершает тот же самый процесс на высшей ступени, погружая мысль в бессознательное. Инфантильное является источником бессознательного, бессознательными же процессами мышления являются единственно и только те, которые происходили в раннем детстве. Мысль, погружающаяся в бессознательное с целью образования остроты, отыскивает там только старый уголок бывшей некогда игры словами. Мышление на один момент снова становится на детскую ступень, чтобы таким образом вновь завладеть детским источником удовольствия. Если этого не знают еще из исследования психологии неврозов, то при остроте следует понять, что странная бессознательная обработка является ничем иным, как инфантильным типом мыслительной работы. Дело только в том, что у ребенка не очень легко уловить это инфантильное мышление с его удержавшимися в бессознательной сфере взрослого особенностями, т. к. оно в большинстве случаев корректируется, так сказать, *in statu nascendi* (в момент зарождения; лат.). Но все же в целом ряде случаев это удается сделать, и тогда мы всякий раз смеемся. Каждое открытие такого бессознательного действует на нас вообще как!

Многие из моих пациентов-невротиков, пользующихся психоаналитическим лечением, имеют обыкновение каждый раз смехом свидетельствовать о том, что удалось верно указать их сознательному восприятию на нечто скрытое, бессознательное, и они смеются даже тогда, когда содержание расшифрованного отнюдь не оправдывает смеха. Разумеется, условием для этого является достаточно близкий подход невротиков к этому бессознательному, чтобы они поняли его, когда врач расшифрует его и преподнесет им.

172

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

Легче понять характерные черты этих бессознательных мыслительных процессов в проявлениях больных при некоторых психических расстройствах. Вероятно, что, согласно предположению старика Griesinger'a, мы могли бы понимать делирии душевнобольных и оценивать их как связные сообщения, если бы не предъявляли к ним таких требований, какие предъявляем к сознательному мышлению, а толковали бы их примерно так, как мы толкуем сновидения[^]. Мы в свое время оценили и для сновидения[^].

Мы так подробно обсудили на процессах сгущения значение аналогии между остротой и сновидением, что в последующем сможем излагать свои мысли короче. Мы знаем, что передвижение при работе сна указывает на воздействие цензуры сознательного

мышления, и, соответственно этому, встретив среди технических приемов остроумия передвижения, мы будем склонны предположить, что и при образовании остроты играет роль задерживающая сила. Мы также уже знаем, что это общий случай; стремление остроты получить прежнее удовольствие от бессмыслицы или от игры словами встречается в нормальном состоянии задержку в виде протеста критического разума, причем эта задержка должна быть преодолена в каждом отдельном случае. Но в том способе, каким работа остроумия разрешает эту задачу, проявляется резкая разница между остротой и сновидением. В работе сна разрешение этой задачи происходит регулярно путем передвижений, путем выбора представлений, в достаточной мере удаленных от тех представлений, которым цензура оказывает препятствие. Делается это с целью найти проход через цензуру; и все же заместителями этих последних представлений являются те, которые переняли на себя благодаря полному перенесению всю энергию активности (Besetzung). Поэтому передвижения не отсутствуют ни в одном сновидении и являются весьма многообъемлющими. Не только отклонения от хода мыслей, но и все виды непрямого изображения следует отнести к передвижениям, особенно замену важного или пред-

Мы не должны при этом забывать, что нужно учитывать искажение, происходящее благодаря цензуре, которая оказывает еще свое действие и в психозе. .

173

осудительного элемента индифферентным или кажущимся цензуре безобидным, являющимся как бы отдаленнейшим намеком на первый элемент, замену символикой, сравнением, деталью. Нельзя отрицать, что частицы этого непрямого изображения осуществляются уже в предсознательных мыслях сновидения. Таковы, например, изображения, осуществляемые путем символики и сравнения, т. к. в противном случае мысль вообще не проходила бы через стадию предсознательного выражения. Непрямые изображения такого рода и намеки, отношение которых к тому, на что они, собственно, намекают, легко может быть открыто, являются позволительными и широко употребляемыми приемами выражения и в нашем сознательном мышлении. Но работа сна до бесконечности преувеличивает применение этих приемов непрямого изображения. Под давлением цензуры всякая связь оказывается достаточной для замены намеком, передвижение допускается с одного элемента на любой другой. Особенно поразительна и характерна для работы сна замена внутренних ассоциаций (сходство, причинная связь и т. д.) так называемыми внешними (одновременность, смежность в пространстве, созвучность).

Все эти приемы передвижения вместе с тем являются и техническими приемами остроумия, но в большинстве случаев они соблюдают границы, отведенные их применению в сознательном мышлении. Передвижение может вообще отсутствовать, хотя бы остроте и предстояло выполнение необходимой задачи преодоления задержки. Это второстепенное значение передвижения при работе остроумия понятно, если вспомнить, что в распоряжении остроумия обычно имеется другой технический прием, с помощью которого он отделяется от задержки, тем более что мы не нашли ничего, что было бы для него более характерно. Острота не создает компромиссов, как это делает

сновидение, она не избегает задержки, но она заключается в том, что в неизменном виде сохраняет игру словами или бессмыслицей, ограничиваясь, однако, выбором таких случаев, в которых эта игра или бессмыслица может все-таки в то же время оказаться позволительной (шутка) или глубокомысленной (острота) благодаря множественности толкования снов и раз- нообразию мыслительных соотношений. Острота отличается больше всего от всех других психических образований своей

174

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

двойственностью и лицемерием, и, по крайней мере, с этой стороны, авторы ближе всего подошли к познанию остроумия, подчеркнув .

При полном преобладании этого отличающего остроуту тех- нического приема, направленного на преодоление задержки, могло бы показаться излишним то, что она вообще еще поль- зуется в отдельных случаях техникой передвижения. Однако, с одной стороны, некоторые виды этой техники остаются ценными для остроты, как цели и источники удовольствия, как, например, собственно передвижение (отклонение мыслей), которое разделяет природу бессмыслицы. С другой стороны, не следует забывать, что высшая ступень остроумия, тенденциозная острота, часто должна преодолевать двоякого рода задержки, противодействи- ющие ей самой и ее тенденции, и что намеки и передвижения могут сделать для нее возможным разрешение этой задачи.

Частое и неограниченное применение непрямого изображе- ния, передвижения и особенно намеков в работе сна имеет одно следствие, которое я упоминаю потому, что оно было для меня субъективным поводом заняться проблемой остроумия. Когда сообщают несведущему или непривычному человеку анализ сновидения, в котором, следовательно, проложены странные, недопустимые для бодрственного мышления пути намеков и передвижений, которыми пользовалась работа сна, то у читателя создается неприятное впечатление. Он считает эти толкования , но усматривает в них явно неудачные остроты, натянутые, грешащие чем-то против правил остроумия. Это впечатление легко объяснить: оно вытекает из того, что работа сна прибегает к тем же приемам, что и остроумие, но в их применении она переходит границы, которые соблюдает острота. Мы вскоре услышим также, что острота, вследствие роли треть- его лица, связана определенным условием, которого не должно соблюдать сновидение.

Среди технических приемов, общих остроумию и сновидению, определенного интереса заслуживают изображение при помощи противоположности и употребление бессмыслицы. Первое отно- сится к сильно действующим приемам остроумия, как мы могли видеть, между прочим, на примерах (с. 73). Изображение при помощи про- тивоположности не может, впрочем, ускользнуть от сознатель-

175

ного внимания подобно большинству других технических приемов остроумия. Тот, кто попытается привести у себя самого в деятельность по возможности преднамеренно механизм работы остроумия, как это делает привычный остряк, тот вскоре найдет, что остротой чаще всего возражают на какое-нибудь утверждение тогда, когда поддерживают противоположное положение и предоставляют внезапно пришедшей в голову мысли устранить путем превратного толкования возражение, грозящее опасностью этому противоположному положению. Быть может, изображение при помощи противоположности обязано таким преимуществом именно тому обстоятельству, что оно образует ядро другого доставляющего удовольствие способа выражения мысли, для понимания которого не нужно беспокоить бессознательного. Я имею в виду иронию, которая очень близко подходит к остроте и относится к подвидам комического. Ее сущность состоит в том, что человек высказывает положение, противоположное тому, что он имеет в виду сообщить другому, но он устраняет возникающее при этом противоречие тем, что дает понять тоном, сопровождающими жестами, мелкими стилистическими черточками - если речь идет о письменном изложении, - что он имеет в виду, собственно, противоположное высказанному. Ирония применима только там, где человек готовится услышать противоположное, так что она обязательно возбуждает в нем желание противоречить. В силу этого условия ирония особенно легко подвержена опасности не быть понятой. Для лица, пользующегося иронией, она представляет ту выгоду, что дает возможность легко обходить трудности прямых возражений, как, например, ругательств. У слушателя она вызывает комическое удовольствие, поскольку побуждает его, вероятно, к затрате психической энергии на разрешение противоречия, причем эта затрата вскоре оказывается излишней. Такое сравнение остроты с приближающимся к ней видом комизма должно укрепить нас в предположении, что отношение к бессознательному является особым признаком остроты, отличающим ее, быть может, и от комизма. В работе сна изображению при помощи противоположного

На отличии высказываемого от сопровождающих жестов (в широчайшем смысле) основана и характерная черта комизма, описываемая как его ().

176

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

принадлежит гораздо большая роль, чем при остроумии. Сновидение не только любит изображать две противоположности при помощи одного и того же смешанного образа; оно даже так часто превращает один предмет из мыслей сновидения в его противоположность, что из этого вырастают большие трудности для работы толкования.
^

Я должен подчеркнуть, что этот факт еще не нашел понимания. Но он указывает на очень важную характерную черту бессознательного мышления, лишенного, вероятно, того процесса, который можно было бы сравнить с. Взамен суждения, которого не признает бессознательное, в нем находят. Вытеснение можно правильно описать как промежуточную ступень между защитным рефлексом и осуждением.
^

Бессмыслица, абсурдность, которая так часто имеет место в сновидении и навлекает на него столько незаслуженного презрения, все же никогда не возникает случайно путем беспорядочного нагромождения элементов представлений, но в каждом отдельном случае можно доказать, что она умышленно создана работой сна и предназначена для изображения ожесточенной критики и презрительного противоречия внутри мыслей сновидения. Абсурдность содержания сновидения заменяет, следовательно, в мыслях следующее суждение: . Я в своем придал большое значение этому указанию, поскольку думал таким путем убедительнее всего рассеять заблуждение, что сновидение вообще не является психическим феноменом, преграждающим путь к познанию бессознательного. Мы узнали теперь (при разгадке некоторых тенденциозных острот), что бессмыслица в остроте должна

, 3-е изд. М.: Современник, проблемы, 1913. С. 263. В высшей степени замечательное и до сих пор еще недостаточно известное соотношение противоположных связей в бессознательном имеет, конечно, значение для понимания у невротиков и у душевнобольных. (Ср. две последние работы об этом: Bleuler, , Psych.-neurol. Wochenschrift, 1904, и Otto Cross, , там же, далее мой реферат под заглавием , Jahrb. f. Psychoanalyse II, 1910.)

177

служить тем же целям изображения. -Мы знаем также, что бессмысленный фасад остроты особенно пригоден для повышения психической затраты у слушателя и увеличивает, таким образом, то количество энергии, которое освобождается благодаря смеху и предназначено к отреагированию. Но, кроме того, мы не забываем, что бессмыслица в остроте является самоцелью, т. е. стремление сызнова извлекать прежнее удовольствие от бессмыслицы относится к мотивам работы остроумия. Существуют другие пути для того, чтобы вновь создать бессмыслицу и извлечь из нее удовольствие. Карикатура, преувеличение, пародия и шарж пользуются ею и создают, таким образом, . Если мы подвергнем все эти формы выражения такому же анализу, какой проделали над остротой, то найдем, что все они не дают никакого повода привлечь для их объяснения бессознательные процессы. Мы теперь понимаем также, почему характерная черта может привходить составной частью в карикатуру, преувеличение, пародию. Это становится возможным благодаря отличию одной от другой^.

Я полагаю, что перемещение остроты в систему бессознательного стало для нас гораздо более ценным с тех пор, как открыло нам понимание того, что технические приемы, присутствующие, с одной стороны, остроумию, не являются, с другой стороны, его исключительным достоянием. Некоторые сомнения, разрешение которых мы во время нашего начального исследования этих технических приемов должны были отложить на некоторое время, теперь легко разрешаются. Тем большего внимания с нашей стороны заслуживает суждение, которое сказало бы нам, что неоспоримо существующее отношение остроты к бессознательному правильно только для некоторых категорий тенденциозного остроумия, в то время как мы готовы распространить это отношение на все виды и ступени развития остроумия. Мы не можем уклониться от проверки этого положения.

Можно с уверенностью предположить, что образование остро-роты происходит в бессознательном в том случае, если речь

Выражение G. Th. Fechner'a, которое стало весьма важным для моего трактовки.

178

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

идет об островах, обслуживающих бессознательные или усиленные бессознательной сферой тенденции, следовательно, о большинстве остро-рот. Тогда именно бессознательная тенденция притягивает предсознательную мысль к себе в область бессознательного для того, чтобы преобразовать ее там. Это - процесс, многочисленные аналогии которому известны из учения о психологии неврозов. При тенденциозных же островах другого рода, при безобидной остро-роте и шутке эта, влекущая в область бессознательного, сила отпадает. Следовательно, вопрос об отношении остро-роты к бессознательному остается открытым.

Но рассмотрим теперь случай остроумного выражения мысли, которая сама по себе не лишена ценности и всплывает в связи с мыслительными процессами. Для превращения этой мысли в остро-роту, очевидно, нужно, чтобы произошел выбор между всеми возможными формами выражения с тем, чтобы была найдена именно та, которая доставляет выигрыш удовольствия от слов. Мы знаем из нашего самонаблюдения, что не сознательное внимание производит этот выбор, но для этого выбора будет только полезно, если активность (*Besetzung*) предсознательной мысли будет низведена на степень бессознательной мысли, т. к. в бессознательном связующие пути, исходящие от слова, трактуются одинаково с вещественными связями, как мы узнали из работы сна. Бессознательная активность предоставляет гораздо более благоприятные условия для выбора такого выражения. Мы можем, впрочем, предположить без дальнейших рассуждений, что эта возможность найти выражение, которое заключало бы в себе выигрыш удовольствия от слов, влечет колеблющуюся еще решимость предсознательной мысли в область бессознательного точно таким же образом, как и бессознательная тенденция в первом случае. В более простом случае шутки мы должны себе представить, что находящееся всегда на страже стремление добиться выигрыша удовольствия от слов овладевает поводом, который дан именно в предсознательном, чтобы вовлечь опять-таки по известной схеме процесс активности (*Besetzungsvorgang*) в область бессознательного.

Я очень хотел бы, чтобы мне удалось, с одной стороны, по возможности яснее изложить этот решительный пункт в моем понимании остроумия, а с другой стороны, подкрепить его вескими аргументами. Но на самом деле речь идет здесь не

179

ТЕОГЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

о двоякой, а об одной и той же неудаче. Я не могу дать, более ясного изложения, т. к. не имею дальнейших доказательств моего понимания остроумия. Это понимание родилось у

меня из изучения техники и из сравнения с работой сна, и только из этой именно одной стороны. Я могу найти, что оно в целом отлично согласуется со всеми особенностями остроумия. Это понимание явилось результатом умозаключения; если такое заключение приводит нас к чуждой, новой для мышления области, то такой вывод называют, и отношение гипотезы к материалу, из которого она выведена, справедливо не считают. Ее считают только тогда, когда к ней приходят другим путем, когда ее можно доказать как узловой пункт и для других связей. А такого доказательства при нашем едва только начинающемся познании бессознательных процессов получить нельзя. Признавая, что мы вообще еще стоим на нетронутой почве, мы довольствуемся, таким образом, тем, что перебрасываем один-единственный узкий и шаткий мостик к непостижимому.

Мы не будем делать широких выводов. Если мы приведем в связь различные ступени остроумия с благоприятными для них душевными установками, то сможем сказать приблизительно следующее: шутка вытекает из веселого настроения, которому свойственна склонность к понижению психических инстанций (Besetzungen). Она пользуется уже всеми характерными техническими приемами остроумия, совершая выбор такого словесного материала или такой мыслительной связи, которая может удовлетворить необходимым для получения удовольствия требованиям, равно как и требованиям рассудительной критики. Мы сделаем вывод, что понижение мыслительной инстанции вплоть до бессознательной ступени, которое облегчается благодаря веселому настроению, происходит уже при шутке. Для безобидной, но связанной с выражением ценной мысли остроты отпадает это содействие, оказываемое настроением. Мы должны предположить здесь особое личное качество, получающее выражение в той легкости, с какой покидается предсознательная инстанция и на момент заменяется бессознательной. Находящаяся всегда на страже тенденция к возобновлению первоначального выигрыша удовольствия от остроты влечет в область бессознательного колеблющееся еще предсознательное выражение

180

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

мысли. В веселом настроении большинство людей способно создавать шутки; умение острить независимо от настроения свойственно только немногим людям. Наконец, сильнейшим стимулом к работе остроумия служит наличие сильных, простирающихся вплоть до области бессознательного тенденций, проявляющих особую склонность к остроумному творчеству и указывающих на то, что субъективные условия остроумия очень часто бывают у невротиков. Под влиянием сильных тенденций может стать остроумным и такой человек, которому раньше это было несвойственно.

Этим последним вкладом в, хотя еще и оставшееся гипотетическим, объяснение работы остроумия у первого лица исчерпывается, строго говоря, наш интерес к остроте. Нам остается еще краткое сравнение остроты со сновидением, которое изучено лучше. Этому сравнению мы предположим ожидание того, что два столь отличных друг от друга душевных механизма наряду с нашедшей уже свою оценку аналогией должны выявлять еще и некоторые отличия. Важнейшее отличие заключается в их социальном

соотношении. Сновидение является совершенно асоциальным душевным продуктом; оно не может ничего сказать другому человеку; возникая внутри личности, как компромисс борющихся в ней душевных сил, оно остается непонятым даже для этой самой личности, и потому совершенно неинтересно для другого человека. Дело не только в том, что оно не придает никакой цены своей удобопонятности. Оно должно даже опасаться того, чтобы быть понятым, т. к. в противном случае было бы разрушено; оно может существовать только в замаскированном виде. Поэтому оно должно беспрепятственно пользоваться механизмом, управляющим бессознательными душевными процессами вплоть до искажения, которое больше не может быть восстановлено. Острота, наоборот, является самым социальным из всех душевных механизмов, направленных на получение удовольствия. Она часто нуждается в трех лицах и требует для своего выполнения участия другого человека в стимулируемом ею душевном процессе. Она должна была связана, следовательно, условием удобопонимания, должна претендовать на возможное в бессознательной сфере искажения путем сгущения и передвижения только в таких размерах, в каких это искажение может быть восстановлено пониманием

181

третьего лица. В остальном острота и сновидение выросли в совершенно различных областях душевной жизни, и их нужно отнести к отдаленным друг от друга пунктам психологической системы. Сновидение все еще является желанием, хотя это желание и стало неузнаваемым, острота является высшей стадией игры. Сновидение, несмотря на свое практическое ничтожество, имеет отношение к крупным жизненным интересам. Оно стремится удовлетворить потребности человека регрессивным окольным путем галлюцинации и обязано своим существованием единственно живой во время ночного состояния потребности спать. Острота, наоборот, старается извлечь удовольствие из одной только деятельности нашего душевного аппарата, свободной от потребностей. Впоследствии она старается получить такое удовольствие, как побочный результат, сопровождающийся деятельностью этого аппарата, и, таким образом, вторично приходит к не лишенным важности, обращенным к внешнему миру функциям. Сновидение служит преимущественно стремлению избежать неудовольствия, острота - получению удовольствия, но в обеих этих целях совпадают все виды нашей душевной деятельности.

VII

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Мы очень близко подошли к проблемам комического. Нам показалось, что остроумие, которое рассматривалось как подвид комизма, представляло довольно много особенностей, чтобы непосредственно с него начать исследование, и, таким образом, мы избегали его отношения к более объемлющей категории комического до тех пор, пока это было возможно, но не без того, чтобы попутно не делать важных для комизма указаний. Мы без труда установили, что комическое занимает в социальном отношении несколько иное положение, чем острота. Оно может удовлетвориться только двумя лицами: одним, которое находит комическое, и вторым, в котором находят комическое. Третье лицо, которому сообщают комическое, усиливает комический процесс, но не прибавляет к

нему ничего нового. При остроумии третье лицо необходимо для того, чтобы совершился доставляющий удовольствие процесс. Напротив, второе лицо может отсутствовать там, где речь не идет о тенденциозной, агрессивной остроте. Остроту создают, комическое находят, и прежде всего его находят в людях и лишь в дальнейшем переносят на объекты, ситуации и т.п. Об остроте мы знаем, что не посторонние лица, а собственные мыслительные процессы, способствующие созданию остроты, скрывают в себе источники удовольствия. Мы слышали далее, что острота может иногда вновь открывать ставшие недоступными источники комизма, что комическое служит часто остроте фасадом и заменяет ей создающееся в ином случае, благодаря известным техническим приемам, предварительное удовольствие (с. 152). Все это указывает на не совсем простые отношения между остроумием

183

ТЕОГЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

и комизмом. С другой стороны, проблемы комического оказались столь сложными, а все попытки философов разрешить эти проблемы оказались столь безуспешными, что мы не могли ожидать их разрешения как будто по мановению руки, если мы подойдем к ним со стороны остроумия. Для исследования остроумия мы привнесли орудие, которое не служило еще другим исследователям, а именно: знание работы сна. При исследовании комического в нашем распоряжении нет такого преимущества, и мы должны поэтому ожидать, что не узнаем о сущности комизма ничего иного, помимо того, что мы уже знаем об остроте, поскольку острота относится к разряду комического и несет в своей собственной сущности неизменными или модифицированными определенными чертами комизма.

Наивное является тем видом комического, которое ближе всего стоит к остроте. В общем наивное так же, как и комическое, находят, а не создают как остроту, и наивное вообще не может быть создано в то время, как при чисто комическом учитывается и создание комического, искусственное вызывание комизма. Наивное должно вытекать без нашего доказательства из речей и поступков других лиц, которые стоят на месте второго лица в комизме или остроумии. Наивное возникает тогда, когда кто-нибудь совершенно пренебрегает задержкой, потому что у него такой задержки не существует, когда он, следовательно, преодолевает ее без труда. Условием действия наивного является знание нами того, что у человека нет этой задержки, в противном случае мы называем его не наивным, а дерзким, и не смеемся, а возмущаемся им. Действие наивного неотразимо и просто для понимания. Психическая затрата, производимая обычно нами для сохранения задержки, внезапно становится ненужной благодаря выслушиванию наивной речи, и отреагируется в схеме. Отвлечение внимания является при этом ненужным, вероятно, потому, что упразднение задержки происходит непосредственно, а не путем вынужденной операции. Мы ведем себя при этом аналогично третьему лицу в остроте, которое без всяких усилий со своей стороны получает как бы подарок в виде экономии психической энергии, затрачиваемой на сохранение задержки.

Поняв генезис задержек, прослеженный нами при развитии игры в остроту, мы не будем удивлены тем обстоятельством,

184

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

что наивное чаще всего находят у ребенка, затем у необразованного взрослого человека, которого мы считаем ребенком по его интеллектуальному развитию. Для сравнения с остротой более пригодны, разумеется, наивные речи, чем наивные пошлости, т. е. обычными формами выражения остроумия являются речи, а не поступки. Характерно, что наивные речи детей, например, можно без натяжки назвать . Аналогия между остротой и наивностью, а также выяснение разницы между ними, будет очевиднее для нас на нескольких примерах.

3,5-летняя девочка предостерегает своего брата: . \ Ребенок полагает, что прописанное врачом лекарство называется Madizin, если оно предназначено для девочки (Madi), и делает вывод, что оно будет называться Bubizin, если его должен будет принимать мальчик (Bubi). Это конструировано как словесная острота, работающая с помощью техники созвучия. Она могла бы также иметь место и как настоящая острота; в этом случае мы полунеохотно подарили бы ее улыбкой. Как пример наивности, она кажется нам отличной и заставляет нас громко смеяться. Но что отличает в этом случае остроту от наивного суждения? Очевидно, не текст и не техника, которые одинаковы и для той и для другого, а какой-то момент, лежащий, на первый взгляд, довольно далеко от обеих возможностей. Речь идет только о том, предполагаем ли мы, что говорящее лицо имело в виду остроту или что оно - ребенок - искренно хотело сделать серьезный вывод, основываясь на своем некоррегированном неведении. Только последний случай является наивностью. Здесь мы впервые обращаем внимание на такую идентификацию другого человека путем вчувствования в психический процесс у человека, создающего остроту или наивное суждение.

Исследование второго примера подтвердит это понимание. Брат и сестра, 10-летний мальчик и 12-летняя девочка, разыгрывают ими самими сочиненную пьеску перед аудиторией,

Madi - девочка. Bubi - мальчик.

185

ТЕОГЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

состоящей из дядей и теток. Сцена изображает хижину на морском берегу. В первом акте оба поэта-артисты, бедный рыбак и его бойкая жена, балуются на тяжелое время и плохие барыши. Муж решает уехать на своей лодке в далекое море, чтобы поискать богатства в другом месте; после нежного прощанья супругов занавес падает. Второй акт изображает действие несколько лет спустя. Рыбак, став богатым человеком, вернулся с большой

мошной и рассказывает жене, которую он застаёт ожидающей его перед хижинкой, о том, как повезло ему на чужбине. Жена гордо перебивает его: , и открывает его глазам хижину, в которой видны лежащие на полу двенадцать больших кукол, изображающих детей... В этом месте пьесы бурный смех зрителей прервал артистов, которые не могли объяснить себе этого смеха. Они смущенно уставились на своих любимых родственников, которые до сих пор вели себя хорошо и слушали внимательно. Этот смех объясняется предположением зрителей, что юные писатели ничего еще не знают об условиях происхождения детей и могут поэтому думать, что женщина должна гордиться потомством, рожденным ею во время продолжительного отсутствия мужа, и что муж может радоваться этому потомству. Но то, что создано писателями на основании такого неведения, может быть названо бессмыслицей, абсурдностью.

Третий пример покажет нам, что еще один технический прием, изученный нами при остроумии, обслуживает наивное. К маленькой девочке принята в качестве гувернантки , которая, однако, не понравилась девочке. Едва только вновь приглашенная француженка 'удалилась из комнаты, девочка начала вслух критиковать ее: Это могло бы быть сноской остротой - двусмысленностью с двояким толкованием или двояким толкуемым намеком - если бы ребенок мог иметь представление о двусмысленности. В действительности она перенесла только часто слышанное ею определение поддельности на несимпатичную ей иностранку (). В силу этого неведения ребенка, которое так резко изменяет психический процесс у слушателей, его речь становится наивной. Но вследствие этого

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

условия существует и ложно наивное. У ребенка можно предположить неведение, которого больше не существует, и дети часто имеют обыкновение притворяться наивными, чтобы воспользоваться свободой, которая в противном случае не была бы им позволена.

На этих примерах можно выяснить, что наивное занимает среднее место между остроумием и комическим. Наивное аналогично остроте по тексту и содержанию. Оно злоупотребляет словами, создает бессмыслицу или сальность. Но психический процесс у первого создающего лица, который представил при остроумии столько интересного и загадочного, здесь отпадает. Наивный человек думает, что он нормально и просто пользуется своими средствами выражения и мыслительными путями; он ничего не знает о побочной цели; он не извлекает также из творчества наивного никакого удовольствия. Все характерные черты наивного существуют только в понимании слушателя, который соответствует третьему лицу в остроте. Далее, творящее лицо создает наивное без труда; сложная техника, предназначенная при остроте для того, чтобы парализовать задержку разумной критикой, отпадает при наивном, т. к. у наивного человека нет еще этой задержки, и он может, следовательно, непосредственно и без компромисса преподнести бессмыслицу и сальность. В этом отношении наивное граничит с остротой, получающейся в том случае, если в формуле ее снизить величину цензуры до нуля.

Если для действия остроты необходимым условием являлось наличие у обоих лиц приблизительно одинаковых задержек или внутренних сопротивлений, то условием для

наивного можно, следовательно, считать наличие у одного лица таких задержек, которых нет у другого. Лицо, имеющее задержку, слушает и понимает наивное; оно получает удовольствие, доставляемое наивным, и мы легко догадываемся, что это удовольствие возникает благодаря упразднению задержек. Т. к. удовольствие от остроты имеет то же происхождение - ядро удовольствия от слов и бессмыслицы и оболочку удовольствия от упразднения задержек и облегчения психической затраты - то на этом тождественном отношении к задержке основано внутреннее род-

187

ство наивного с остротой. В обоих случаях удовольствие возникает благодаря упразднению внутренней задержки. Но психический процесс у воспринимающего лица (с которым при наивном всегда совпадает наше в то время, как при остроте мы можем поставить себя и на место создающего лица) в случае наивного суждения тем сложнее, чем проще в сравнении с остротой психический процесс у творящего лица. На воспринимающее лицо выслушанное наивное суждение действует, с одной стороны, как острота, о чем могут свидетельствовать наши примеры, т. к. для него, как и при остроте, создана возможность упразднения цензуры благодаря одному только выслушиванию. Только одна часть удовольствия, доставляемого наивным, допускает такое объяснение, но даже эта часть в иных случаях наивного суждения, как, например, при выслушивании наивной сальности, подвержена опасности. На наивную сальность можно было бы без всяких рассуждений реагировать таким же негодованием, которое подымается и против настоящей сальности, если бы другой момент не избавлял нас от этого негодования и не доставлял нам одновременно более значительную часть удовольствия от наивного.

Этот другой момент дан нам вышеуказанным условием, согласно которому для распознавания наивного нам должно быть известно, что у создающего лица отсутствует задержка. Только когда мы уверены в этом, мы смеемся, вместо того чтобы возмущаться. Следовательно, мы принимаем во внимание психическое состояние создающего лица, мысленно переносимся в такое же состояние, стараемся понять его, сравнивая с нашим состоянием. В результате такой идентификации и сравнения получается экономия затраты, которую мыотреагируем в смехе.

Можно было бы предпочесть более простое объяснение: если человеку не нужно преодолевать никакой задержки, то наше негодование излишне, и смех, следовательно, происходит якобы за счет негодования, от которого мы избавлены. Чтобы устранить это неправильное понимание, я хочу резче отделить друг от друга два случая, которые объединил в предшествующем изложении. Наивное, выступающее перед нами, может иметь либо природу остроты, как в наших примерах, либо природу сальности или вообще непристойности, что особенно верно для того случая, когда наивное проявляется не в речах, а в поступках.

188

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Этот последний случай действительно может ввести нас в заблуждение, поскольку можно предположить, что удовольствие возникает из сэкономленного и подвергнувшегося превращению негодования. Но первый случай объясняет нам, что наивная речь, например о Bubizin'e, сама по себе может действовать как легкая острота и не давать никакого повода к негодованию; это, конечно, более редкий, но более чистый и поучительный случай. Когда мы думаем о том, что ребенок серьезно и без побочной цели считал слоги в слове идентичными со своим собственным названием (девочка), то наше удовольствие от слышанного увеличивается, причем это увеличение не имеет больше ничего общего с удовольствием от остроты. Мы рассматриваем теперь сказанное с двух точек зрения: один раз так, как оно получилось у ребенка, а затем так, как оно получается у нас. При этом мы находим, что ребенок нашел нечто идентичное, преодолел рамки, существующие для нас, а затем мы говорим себе: если ты хочешь понять слышанное, то ты можешь сэкономить затрату, уходящую на удержание этих рамок. Затрата, освобожденная при таком сравнении, является источником удовольствия от наивного и отреагируется в смехе. Это, разумеется, та же самая затрата, которую мы превратили бы в негодование, если бы наше понимание создающего лица, а также характер сказанного в данном случае не исключали такого негодования. Но если мы берем случай наивной остроты, как образец для другого случая наивной непристойности, то видим, что и здесь экономия от задержки может непосредственно вытекать из сравнения, что у нас нет необходимости предполагать начавшееся и подавленное затем негодование и что это негодование соответствует только иному применению освобожденной затраты, против которого при остроте необходимы были сложные предохранительные приспособления.

Это сравнение, эта экономия затраты при мысленном перенесении в душевный процесс, происходящий у создающего лица, только тогда могут иметь значение для наивного, когда они свойственны не ему только одному. В действительности у нас возникает предположение, что этот механизм, совершенно чуждый остроте, является частью, быть может, существенной частью психического процесса при комизме. С этой стороны - это, вероятно, важнейшая оценка наивного - оно представляет

собой, следовательно, вид комизма. То, что в наших примерах присоединяется от наивных речей к удовольствию от остроты, является удовольствием. Об этом удовольствии мы были бы склонны вообще предположить, что оно возникает благодаря сэкономленной затрате при сравнении проявлений другого человека с нашими проявлениями. Но т. к. мы стоим здесь перед очень широкими перспективами, то хотим сначала закончить оценку наивного. Итак, наивное является видом комизма в том отношении, что его удовольствие вытекает из разницы в затрате, которая получается при желании понять другого человека. Оно приближается к остроте благодаря условию, согласно которому сэкономленная при затрате энергия должна быть затратой, расходованной на сохранение задержек'.

Выясним еще некоторые аналогии и некоторые отличия между теми понятиями, которыми мы, наконец, пришли, и теми, которые издавна известны в психологии комизма. Вчувствование в психический процесс другого человека, желание понять его является, очевидно, , играющим со времени Jean Piaget роль в анализе комического. душевного процесса у другого человека со своим собственным душевным процессом соответствует , для которого мы нашли, наконец, здесь место после того, как не знали, как подойти к нему

при остроте. Но в объяснении комического удовольствия мы расходимся со многими авторами, по мнению которых удовольствие должно возникать благодаря колебанию внимания между контрастирующими представлениями. Мы такого механизма удовольствия понять не можем; мы указываем на то, что при сравнении контрастов в результате получается разница в затрате. Если эта разница не получит никакого иного применения, то она способна к отреагированию и благодаря этому становится источником удовольствия[^].

Я везде отождествлял здесь наивное с наивно-комическим, что, конечно, не всегда допустимо. Но для наших целей достаточно изучить характерные черты наивного на и на . Дальнейшее исследование имело бы целью обосновать сущность комического.

Bergson (Le rire, 1904) тоже отрицает такое происхождение комического удовольствия, которое, несомненно, обусловлено стремлением создать аналогию со смехом от щекотки. На совершенно ином уровне объясняется комическое удовольствие у Lipps'a, которое в связи с его пониманием комизма можно было бы назвать .

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

К самой проблеме комического мы подходим с некоторой робостью. Слишком смело было бы ожидать, что наши исследования могут дать руководящую нить к ее разрешению, после того как работы огромного ряда отличных мыслителей не дали в результате удовлетворительного объяснения. Мы фактически задались лишь целью глубже проследить ту точку зрения в области комического, которая оказалась ценной для нашего понимания остроумия.

Комическое оказывается прежде всего случайной находкой среди социальных отношений людей. Его находят всюду: в их движениях, формах, поступках и характерных чертах, вероятно, первоначально только в телесных, а впоследствии и в душевных качествах людей, предпочтительно в их поведении. Благодаря очень употребительному приему персонификации комичными стали затем также животные и неодушевленные предметы. Однако комическое обладает способностью отделяться от людей, когда распознано условие, при котором личность становится комичной. Так возникает комизм ситуации, и благодаря пониманию этого условия существует возможность по желанию сделать человека комичным, перенося его в такие ситуации, в которых к его действиям присоединяются эти условия комического. Знание того, что человек может по своей воле сделать другого комичным, открывает доступ к неожиданному выигрышу комического удовольствия и дает начало высоко развитой технике. И себя самого можно сделать столь же комичным, как и другого человека. Приемы, служащие для создания комизма, суть: перенесение в комические ситуации, подражание, переодевание, разоблачение, карикатура, пародия, костюмировка и др. Разумеется, эти приемы могут обслуживать враждебные и агрессивные тенденции. Можно сделать комичным человека, чтобы унижить его, чтобы лишить его права на уважение и на авторитетность. Но если бы такая цель всегда лежала в основе искусственно вызванного комизма, все же не в этом заключается смысл самопроизвольного комизма.

Из сделанного нами обзора различных видов комизма мы видим, как разнообразны источники его происхождения, и узнаём, что при комическом нельзя ожидать столь специализированных условий, как, например, при наивном. Чтобы напасть на след условия, имеющего силу для комизма, самым

191

важным является выбор исходного случая. Мы выбираем комизм движений, т. е. вспоминаем, что примитивнейшие сценические постановки (постановка пантомимы) пользуются этим средством, чтобы вызвать у нас смех. На вопрос: почему мы смеемся над движениями клоуна, будет ответ: потому что они кажутся нам чрезмерными и нецелесообразными. Мы смеемся над слишком большой затратой. Поищем это условие вне искусственно созданного комизма, т. е. там, где он не является преднамеренным. Движения ребенка не кажутся нам комическими, хотя он вертится и прыгнет. Наоборот, комично, когда ребенок, учась писать, сопровождает движения ручки движениями выдвинутого языка; мы видим в этих сопутствующих движениях излишнюю двигательную затрату, которую мы, взрослые, при той же работе сэкономили бы. Таким же образом другие сопутствующие движения или просто даже чрезмерная жестикация кажутся нам комическими у взрослых. Таковы совершенно чистые случаи этого вида комизма движений, которые совершает человек, бросающий кегельный шар после того, как он уже выпустил шар и сопровождает бег этого шара движениями, как будто он может еще дополнительно регулировать этот бег. Так же комичны все гримасы, преувеличивающие нормальное выражение душевных движений, даже тогда, когда они наступают произвольно, как, например, у лиц, страдающих пляской св. Вита (*chorea st. Viti*). Так, страстные движения современного дирижера кажутся комическими каждому немусыкальному человеку, который не может понять их необходимости. От этого комизма движений отвечает комизм телесных форм и черт лица, которые учитываются так, как будто они являются результатом преувеличенного и бесцельного движения. Выпученные глаза, крючковатый, свисающий над ртом нос, оттопыренные уши, горб и все подобное действует комически, вероятно, только благодаря тому, что ими изображены движения, которые были бы необходимы для осуществления этих черт, причем нос, уши и другие части тела в представлении считаются более подвижными, чем это есть на самом деле. Без сомнения, комично, если кто-нибудь умеет двигать ушами и, конечно, было бы еще комичнее, если бы он умел опускать и поднимать нос. Добрая часть комического действия, производимого на нас

192

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

животными, происходит от восприятия таких их движений, которым мы не можем подражать.

Но каким образом мы приходим к смеху, если считаем движения другого человека чрезмерными и нецелесообразными? Я думаю, что путем сравнения между тем движением, которое я наблюдаю у другого, и тем движением, которое я сам сделал бы на

его месте. Обе сравниваемые величины должны, разумеется, измеряться одной и той же мерой, и этой мерой является моя затрата иннервации, связанная с представлением о движении как в одном, так и в другом случае. Это положение нуждается в объяснении и дальнейшей детализации.

Мы связали, с одной стороны, психическую затрату при механизме представления и, с другой стороны, содержание этого представления. Наше утверждение сводится к тому, что первая - непостоянна и принципиально независима от последнего, т. е. от содержания представления, в особенности к тому, что представление взрослого требует большей затраты в сравнении с представлением ребенка. Пока речь идет только о представлении движений различной величины, теоретическое обоснование нашего положения и доказательство его путем наблюдения не представляет никаких трудностей. Окажется, что в этом случае действительно совпадает качество представления как определенной психической формы с качеством представленного, хотя психология и предостерегает нас от такого смешивания.

Представление о движении определенной величины я получил тогда, когда совершал это движение или подражал ему, и во время этого акта я изучил меру для этого движения в моих иннервационных ощущениях[^].

Когда я воспринимаю подобное движение большей или меньшей величины у другого человека, то вернейший путь к пониманию его - к апперцепции - заключается в том, что я, подражая, совершаю это же движение и могу затем путем

Воспоминание об иннервационной затрате останется существенной частью представления об этом движении, и в моей душевной жизни всегда будут существовать такие виды мышления, в которых представление будет олицетворено этой затратой. В других связях может происходить даже замена этого элемента другими, например, зрительными представлениями цели движения, словесными представлениями, а при некоторых видах абстрактного мышления бывает достаточно одна черточка вместо полного содержания представления.

7 Зек. № 64 193

сравнения решить, при каком движении моя затрата была больше. Такое стремление к подражанию определенно наступает при восприятии движений. Но в действительности я не подражаю так же, как я не читаю больше по отдельным звукам после того, как научился читать по слогам. Вместо подражания движению, выполняемому с помощью моих мышц, я вызываю у себя представление об этом движении при помощи следов своих воспоминаний о затратах, произведенных при подобных движениях. Процесс представления, или , отличается от действия или поступка прежде всего тем, что приводит в движение гораздо меньшее количество активной энергии и не расходует главную затрату. Но каким образом количественный момент - большая или меньшая величина - воспринятого движения получает выражение в представлении? И если избрание количества отпадает с представлением, сложившемся из качеств, то как я затем могу

различать между собой представления о движениях разной величины, производить именно то сравнение, которое имеет здесь место?

В этом отношении путь нам указывает физиология, которая учит, что и во время процесса представления есть приток иннервации к мышцам; эти иннервации сопровождаются, разумеется, только небольшой затратой. Но теперь очень легко предположить, что эта затрата иннервации, сопровождающая представление, употребляется для изображения количественного фактора представления, что она больше, когда представляют себе большое движение, чем тогда, когда речь идет о небольшом движении. Следовательно, представление о большем движении действительно является большим, т. е. представлением, сопровождающимся большей затратой.

Наблюдение непосредственно показывает, что люди привыкли давать в содержании своих представлений выражение большому и малому путем различной затраты в своего рода мимике представлений.

Когда ребенок или человек из народа, или человек, принадлежащий к определенной расе, рассказывает или описывает что-нибудь, то можно легко заметить, что он не довольствуется пояснением слушателю своего представления путем точного словесного изложения, а изображает содержание этих слов жестами; он объединяет мимическое изложение с словесным; он отмечает сразу количество и интенсивность.

194

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

при этом он приподымает руку над своей головой; , при этом он держит ее низко над землей. Если бы от отвык от жестикуляции руками, то все равно продолжал бы делать это голосом, а если он научится владеть интонацией, то можно быть уверенным, что он при изображении чего-либо большого широко раскроет глаза, а при изображении чего-либо маленького - зажмурит их. Это - не его аффекты, а действительно содержание того, что он себе представляет.

Нужно ли предположить, что эта потребность в мимике пробуждается лишь условиями словесной передачи своей мысли другому лицу, если большая часть этого способа выражения все равно ускользает от внимания слушателя? Я думаю, наоборот, что эта мимика, хотя и менее живая, существует помимо всякого рассказывания. Она осуществляется даже когда человек просто представляет себе что-либо, когда он наглядно мыслит; человек затем выражает большое и малое при помощи телесных проявлений так же, как и во время разговора, по крайней мере, изменением иннервации в чертах своего лица и в органах чувств. Я могу представить себе даже, что телесная иннервация, соответствующая содержанию представлений, была начальным источником мимики в целях словесной передачи; она должна была только усилиться, сделаться явно заметной для другого человека, чтобы иметь возможность служить этой цели. Если я защищаю взгляд, что к , при помощи тех или иных побочных телесных проявлений душевных процессов, должно быть присоединено и это , то при этом мне, конечно, ясно, что мои

замечания, относящиеся к категории большого и малого, не исчерпывают всей темы. Я сам мог бы сделать еще несколько таких замечаний, прежде чем перейти к феноменам напряжения, которыми человек телесно проявляет фиксацию своего внимания и уровень абстракции, на котором пребывает его мышление. Я считаю этот факт очень важным и думаю, что исследование мимики представлений в других отраслях эстетики тоже могло бы быть полезно, как в данном случае для понимания комического.

Чтобы вернуться к комизму движений, я повторяю, что восприятие определенного движения дает импульс к его представлению благодаря известной затрате энергии. Следовательно, при , при апперцепции этого движения я

7* 195

произвожу определенную затрату, поступаю при этой части душевного процесса так, как будто ставлю себя на место наблюдаемого лица. Но, вероятно, я в то же время обращаю внимание на цель этого движения и могу благодаря предшествующему опыту оценить размеры той затраты, которая обычно бывает необходима для достижения этой цели. При этом я не принимаю во внимание наблюдаемое лицо и веду себя так, как будто сам хотел достичь цели движения. Обе указанные возможности приводят к сравнению наблюдаемого движения с моим собственным. При чрезмерном и нецелесообразном движении другого человека мне трудно понять *in statu nascendi*, как будто в момент мобилизации, мою увеличенную затрату. Она учитывается мною как излишняя и становится свободной для другого применения, смотря по обстоятельствам, для отреагирования, в смехе. Если присоединяются другие благоприятные условия, то таким путем возникает удовольствие от комического движения, происходит затрата иннервации, которая дает при сравнении со своим собственным движением излишек, не нашедший себе применения.

Мы замечаем теперь, что продолжаем наши рассуждения в двух различных направлениях: во-первых, чтобы выяснить условия для отреагирования излишка, и во-вторых, чтобы поверить, можно ли понимать другие случаи комизма так же, как и комизм движений.

Сначала мы обратимся к последней задаче и рассмотрим после комизма движения и действия тот комизм, который можно найти в душевных процессах и чертах характера у других людей.

Мы можем взять за образец этого вида комическую бессмыслицу, которая создается во время экзамена незнающими кандидатами; дать простой пример для черт характера труднее. Нас не должно вводить в заблуждение, что бессмыслица и глупость, так часто оказывающие комическое действие, все же не во всех случаях воспринимаются как нечто комическое, равно как и одни и те же характерные черты, над которыми мы иной раз смеемся, как над комическими, и которые в другой раз кажутся нам заслуживающими презрения или ненависти. Этот факт, на который мы не можем не обратить внимания, указывает лишь на то, что при комическом действии учитываются еще и другие соотношения, кроме соотношений

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

известного нам сравнения; эти условия мы сможем проследить в другой связи.

Комическое, которое находят в умственных и душевных качествах другого человека, является, очевидно, опять-таки лишь результатом сравнения между ним и моим, но поразительно, что это сравнение дает нам результат, диаметрально противоположный тому, который получался в случае комического движения или действия. В этом последнем случае было комично, когда другой человек производил большую затрату, чем я считал бы необходимым произвести. В случае душевного процесса, наоборот, комично, когда другой человек экономит затрату, которую я считаю необходимой, ибо бессмыслица и глупость являются малоценными продуктами. В первом случае я смеюсь, потому что он слишком усложнил себе задачу, а во втором - потому что он слишком облегчил ее себе. Следовательно, сущность комического действия заключается, видимо, только в разнице между обеими затратами энергии - затратой и затратой моего.

Итак, в единое понимание укладывается тот факт, что комичным нам кажется человек, производящий в сравнении с нами слишком много затрат для своих телесных отправления и слишком мало для душевных, и нельзя отрицать того, что в обоих случаях наш смех является выражением ощущаемого нами с чувством удовольствия превосходства, которое мы приписываем себе в сравнении с ним. Если имеется обратное соотношение обоих случаев, и соматическая затрата другого человека меньше нашей, а его душевная затрата больше нашей, тогда мы уже не смеемся; тогда мы удивляемся и изумляемся[^].

, - гласит пословица. Эта постоянная противоположность в условиях комизма, согласно которым то избыток, то недостаток казался источником комического удовольствия, немало способствовала запутыванию проблемы.

ТЕОГЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Обсуждавшийся здесь источник комического удовольствия, вытекающего из сравнения другого человека с моим собственным - из разницы между затратой вчувствования и моей собственной затратой - является генетически, вероятно, самым важным, но, несомненно, что он не является единственным. Мы уже указывали однажды, что можно не сравнивать другого человека и свое и получить такую доставляющую удовольствие разницу только от одного из двух элементов: или от вчувствования, или же от процессов в моем собственном. Это является доказательством того, что чувство превосходства не имеет существенного отношения к комическому удовольствию. Сравнение необходимо для возникновения этого удовольствия; мы находим, что это сравнение происходит между двумя быстро следующими друг за другом и относящимися к одному и тому же процессу затратами энергии, которые мы либо создаем в нас путем вчувствования в другого человека, либо находим их без такого отношения к другому человеку в наших собственных душевных процессах. Первый случай, при котором играет роль второе лицо, но только не в виде сравнения его с нашим, имеет место тогда, когда доставляющая

удовольствие разница в затратах энергии создается благодаря внешним влияниям, которые мы можем объединить под названием ситуации, в силу чего этот вид комизма называется также . Качества лица, которое доставляет комизм, особенно не принимаются при этом во внимание. Мы смеемся и в том случае, если бы должны были сказать, что в той же ситуации мы должны были бы сделать то же самое. Мы извлекаем здесь комизм из отношения человека к внешнему миру, который часто оказывается сильнее человека. Этим внешним миром; для душевных процессов в человеке являются также условности и потребности общества и даже его собственные телесные потребности. Типичный случай последнего рода мы имеем тогда, когда боль или экскрементальная потребность внезапно мешает человеку в его деятельности, предъявляющей определенные требования к его душевным силам. Противоположностью, доставляющей нам при вчувствовании комическую разницу, является противоположность между большим интересом до помехи и минимальным интересом, проявляемым им к своей душевной деятельности после того, как помеха наступила.

198

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Человек, доставляющий нам эту разницу, будет для нас комическим опять-таки как человек униженный; но он унижен только в сравнении со своим прежним , а не в сравнении с нами, поскольку мы знаем, что в подобном случае не могли бы вести себя иначе. Но достойно внимания, что мы можем считать это унижение комическим только в случае вчувствования, следовательно, только у другого человека, в то время как мы сами при таких и им подобных затруднительных обстоятельствах испытываем только мучительные чувства. Вероятно, лишь это отсутствие мучительного чувства у нас самих дает нам возможность считать разницу, получающуюся в результате сравнения сменяющихся количеств энергии, исполненной удовольствия.

Другой источник комизма, находимый нами в наших собственных превращениях энергии, лежит в наших отношениях к будущему, которое мы привыкли предвосхищать нашими представлениями о том, что нас ожидает. Я предполагаю, что в основе каждого нашего представления об ожидаемом событии лежит определенная количественная затрата, которая, следовательно, уменьшается в случае разочарования на определенную разницу. Я опять-таки ссылаюсь здесь на сделанные выше замечания относительно . Но мне кажется, что легче доказать в случаях ожидания действительно произведенную мобилизацию затрачиваемой энергии. Для целого ряда случаев хорошо известно, что моторные приготовления создают выражение ожидания, прежде всего для тех случаев, где ожидаемое событие требует от меня подвижности, и эти приготовления целиком поддаются комическому определению. Когда я готовлюсь поймать брошенный мне мяч, то напрягаю в своем теле мышцы, способные придать мне устойчивость против удара мяча, и излишние движения, которые я делаю, если пойманный мяч оказывается слишком легким, делают меня комичным в глазах зрителей. Благодаря ожиданию я был предрасположен к чрезмерной двигательной затрате. Точно так же обстоит дело, когда я вынимаю из корзины плод, который считаю тяжелым, но который представляет собой только подделанную из воска оболочку. Моя рука подымается несоразмерно высоко и

выдает .этим, что я приготовил слишком большую для этой цели иннервацию, и потому надо мной смеются.

199

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Существует, по меньшей мере, один случай, в котором эта затрата ожидания может быть показана и непосредственно измерена физиологическим экспериментом над животными. В опытах Павлова над секрецией слюны собакам с фистулами слюнных желез показывают различные пищевые вещества, и количество выделенной слюны колеблется в зависимости от того, обманули или усилили условия опыта ожидания собаки относительно показанной ей пищи.

Даже когда событие, которого я ожидаю, предъясвляет требования только к моим органам чувств, а не к моей подвижности, я могу предположить, что ожидание проявляется в определенном расходовании моторной энергии для напряжения чувств, для недопущения других неожиданных впечатлений, и я вообще понимаю фиксацию внимания как моторный процесс, соответствующий определенной затрате. Я должен далее предположить, что подготовительная деятельность ожидания не зависит от величины ожидаемого впечатления, но что я мимически представляю себе размеры этого впечатления путем большей или меньшей подготовительной затраты, не ожидая его самого, как в случае рассказа, так и в случае мышления. Затрата ожидания складывается, разумеется, из нескольких компонентов, и при моем разочаровании принимаются во внимание различные моменты, а не только тот факт, что случившееся эмоционально больше или меньше, чем то, чего я ожидал. При этом учитывается также и то обстоятельство, заслуживает ли оно такого большого интереса, который я проявил в его ожидании. Таким образом, я приучаюсь принимать во внимание, кроме затраты энергии на изображение величины (мимика представлений), затрату на напряжение внимания (затрата ожидания) и в иных случаях сверх этого затрату абстракции. Но эти другие виды затраты могут быть легко приведены к затрате на определение величины, т. к. более интересное, более яркое и даже более абстрактное являются только особо квалифицированными частными случаями величины. Если мы прибавим, что, согласно Lipps'у и др., количественный - а не качественный - контраст рассматривается в первую очередь как источник комического удовольствия, то в целом мы будем довольны тем, что избрали комизм движения исходным пунктом нашего исследования.

200

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Осуществляя кантовское положение, согласно которому, Lipps сделал в своей неоднократно цитируемой здесь книге попытку вывести комическое удовольствие вообще из ожидания. Несмотря на многие поучительные и ценные результаты, которые дала эта попытка, я все же могу присоединиться к высказанной другими авторами

критике, согласно которой Lipps во многом слишком узко понял область происхождения комического и не мог без большой натяжки подвести его феномены под свою формулу.

Люди не удовлетворяются наслаждением комизмом там, где они сталкиваются с ним в жизни, но они стремятся к искусственному созданию его, и о сущности комизма можно узнать больше, если изучить те средства, которые служат для искусственного создания комизма. Можно, прежде всего, сделать комичным самого себя, чтобы развеселить других, притворяясь, например, неуклюжим или глупым. Человек производит при этом комическое впечатление точно так, как если бы он действительно был неуклюж или глуп, и выполняет при этом условие сравнения, которое ведет к разнице в затрате. Но человек не становится благодаря этому смешным или презренным, а при некоторых условиях даже вызывает восхищение. Другой человек не испытывает при этом чувства превосходства, если знает, что первый только притворяется, и это является новым веским доказательством принципиальной независимости комизма от чувства превосходства.

Удобным приемом для того, чтобы сделать комичным другого человека, служит прежде всего перенесение его в ситуации, в которых человек становится комичным в силу человеческой зависимости от внешних соотношений, особенно от социальных моментов. При этом не учитываются личные качества объекта, и средством для этого является, таким образом, использование комизма ситуации. Это перенесение в комическую ситуацию может быть реальным (а practical joke), когда мы подставляем кому-нибудь ножку, так что он падает, как неуклюжий человек, или когда мы дурачим его, пользуясь его доверчивостью и стараясь уговорить его в чем-то бессмысленном и т. п.; или оно может быть воображаемым с помощью речи или игры. Оно является хорошим вспомогательным средством для агрес-

201

сивности, которую обычно обслуживает создание комизма благодаря тому, что комическое удовольствие независимо от реальности комической ситуации, и каждый человек незащищен против угрожающей ему опасности стать комичным.

Существуют и другие средства искусственного создания комического, заслуживающие особой оценки и отчасти указывающие на новые источники комического удовольствия. Сюда относится, например, подражание, которое доставляет слушателям чрезвычайное удовольствие и делает комическим объект этого подражания, хотя бы этому последнему и было чуждо комическое преувеличение. Гораздо легче обосновать комическое действие карикатуры, чем комическое действие простого подражания. Карикатура, пародия, костюмировка, а также практическая противоположность последней, разоблачение, направлены против лиц и вещей, претендующих на авторитет и являющихся в каком-нибудь отношении выдающимися. Это - приемы для принижения (Herabsetzung, как говорит удачное немецкое выражение[^]. Выдающееся является большим в переносном психическом смысле, и я могу сделать или, лучше сказать, повторить предположение, что оно, как и соматически большое, изображается путем увеличения затраты. Нужно немного наблюдений, чтобы доказать, что, говоря о выдающемся, я иннервирую иначе свой голос, придаю другое выражение своему лицу и стараюсь привести весь свой

наружный вид в соответствии с достоинством того, что себе представляю. Я принимаю при этом торжественно-почтительный тон, немногим отличающийся от того, который я принял бы, если бы должен был находиться в присутствии выдающегося лица, государственного деятеля или великого ученого. Я едва ли ошибаюсь, предполагая, что эта другая иннервация мимики представлений сопровождается увеличением затраты. Третий случай такого увеличения затраты имеет место тогда, когда я высказываю абстрактные суждения вместо обычных конкретных и пластических представлений. Когда этот обсуждающийся здесь прием унижения

Degradation. A. Bain (The emotion and the will, 2 edit. 1865) говорит: The occasion of the Ludicrous is the degradation of some person or interest, possessing dignity, in circumstances that excite no other strong emotion (: англ.).

202

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

выдающегося дает мне возможность представит>, это выдающееся как нечто обыкновенное, для которого я не должен напрягаться и в идеальном присутствии которого я могу стоять, говоря военной формулой, то я делаю экономию увеличения затраты на торжественно-почтительный тон. Сравнение этого способа представлений, возбужденного вчувствованием, с привычным до сих пор способом, пытающимся одновременно выделиться, создает опять-таки разницу в затрате, которая может быть отреагирована в смехе.

Карикатура, как известно, унижает, выхватывая из совокупного впечатления о выдающемся объекте одну-единственную черту, комичную саму по себе, но незамеченную до тех пор, пока она воспринималась только в общей картине. Благодаря ее изолированию может быть достигнут комический эффект, который в нашем воспоминании распространяется на все в целом. При этом должно быть соблюдено условие, согласно которому мы испытывали эту почтительность не только в присутствии выдающегося лица. Если такая незаметная в общей совокупности комическая черта в действительности отсутствует, то карикатура создает ее без всяких рассуждений, преувеличивая ту черту, которая сама по себе не комична. Опять-таки характерно для происхождения комического удовольствия, что такое ложное изображение действительности не наносит существенного ущерба эффекту карикатуры.

Пародия и костюмировка добиваются унижения выдающегося другим путем, нарушения единства между известными нам характерными чертами людей и между их поступками и речами, заменяя выдающихся людей или их проявления более низкими. Они отличаются от карикатуры этим приемом, а не механизмом доставления комического удовольствия. Тот же самый механизм действует и при разоблачении, которое пускается в ход только когда кто-нибудь путем обмана добился уважения и авторитета, которых в действительности не заслуживает. Комический эффект разоблачения мы изучили на некоторых примерах остроумия, как, например, в остроте о знатной даме, которая при первых родовых болях восклицает: , и которой врач не хочет оказать помощи, прежде чем

она не закричит: Изучив характерные черты комического, мы больше не можем оспаривать того, что эта история является собственно

203

примером комического разоблачения и не может претендовать на название остроты. Она напоминает остроту только инсценировкой, техническим приемом изображения при помощи детали, которой здесь является крик, считающийся достаточным показателем состояния роженицы. Между тем наша разговорная речь, если мы обратимся к ней за разрешением вопроса, наоборот, не сопротивляется тому, чтобы назвать такую историю остротой. Объяснение этому мы находим в том, что практика языка не исходит из научных взглядов на сущность остроумия, добытых этим кропотливым исследованием. Т. к. функции остроумия частично заключаются в том, чтобы вновь сделать доступными источники комического удовольствия, то по заманчивой аналогии можно каждый прием, не вскрывающий явного комизма, назвать остротой. Но это последнее верно преимущественно для разоблачения, равно как и для всех других методов искусственного вызывания комизма.

К можно отнести и тот известный уже нам прием искусственного создания комизма, который унижает достоинство отдельного человека, обращая внимание на его общечеловеческие слабости и особенно на зависимость его душевных функций от телесных потребностей. Разоблачение становится затем равнозначно напоминанию: такой-то и такой-то, которого почитают, как полубога, является все-таки таким же человеком, как я и ты. Сюда же относятся все стремления обнаружить за богатством и кажущейся свободой психических функций однотонный психический автоматизм. Мы изучили примеры такого разоблачения в остротах о посредниках брака. Конечно, мы уже тогда сомневались, имеем ли право причислить эти истории к остротам. Теперь с большей уверенностью мы можем решить, что анекдот об , которое подтверждает все, что говорит посредник брака, и которое усиливает, в конце концов, признание шадхена в том, что невеста имеет горб, восклицанием: , является в сущности комической историей, примером разоблачения психического автоматизма. Но, тем не менее, эта комическая история служит здесь только фасадом; для каждого вникающего в скрытый смысл анекдотов о посредниках брака все в целом остается отлично инсценированной остротой. Тот же, кто не вникает так глубоко, считает это только комической историей. То же относится к другой

204

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

остроте о посреднике брака, который для опровержения возражения признает, в конце концов, истину, восклицая: Это - комическое разоблачение, служащее фасадом для остроты. Все-таки характер остроты здесь гораздо очевиднее, т. к. речь посредника является в то же время изображением при помощи противоположности: желая доказать, что эти люди богаты, он вместе с тем доказывает, что они не богаты, а очень бедны.

Остроумие и комизм комбинируются здесь и учат нас, что одно и то же выражение может быть одновременно остроумным и комическим.

Мы охотно пользуемся случаем, чтобы перейти от комизма разоблачения к остроумию, т. к. нашей задачей собственно является выяснение взаимоотношения между остроумием и комизмом, а не определение сущности комического. Поэтому мы присоединяем к открытию психического автоматизма, хотя и не знаем, комичен он или остроумен, другой случай, в котором также сплетаются остроумие и комизм, - случай острот-бессмыслиц. Исследование в конце концов покажет, что для этого второго случая можно теоретически вывести совпадение остроумия и комизма.

При обсуждении технических приемов остроумия мы нашли, что виды мышления, имеющие место в бессознательном и трактующиеся с сознательным только как , являются техническим приемом для очень многих острот, в остроумном характере которых мы все-таки могли сомневаться и которые мы склонны были классифицировать просто как комические истории. Мы не могли разрешить своих сомнений, т. к. прежде всего нам была неизвестна сущность характера остроумия. Впоследствии мы нашли ее, руководствуясь аналогией с работой сна, в компромиссной функции работы остроумия между требованием отказаться от прежнего удовольствия, получаемого от игры словами и от бессмыслицы. Компромисс, осуществляющийся тогда, когда предсознательное выражение мысли подвергается на один момент бессознательной обработке, во всех случаях удовлетворяет требованиям обеих сторон, но критике он преподносится в различных формах и подвергается различным оценкам с ее стороны. Остроте иной раз удается хитростью пробраться в форме лишенного значения, но все же допустимого предложения, в другой раз - тайно проникнуть

205

в выражение ценной мысли; но в пограничном случае компромиссного образования острота отказывается удовлетворять требования критики и упорно стремится к источникам удовольствия, которыми владеет. Являясь незамаскированной бессмыслицей с точки зрения критики, она не побоялась вызвать ее возражение, т. к. могла рассчитывать на то, что слушатель восстановит искажение ее выражения, получившееся в результате бессознательной обработки, и вновь придает ему, таким образом, смысл.

В каком случае острота оказывается бессмыслицей с точки зрения критики? Особенно тогда, когда она пользуется видами мышления, употребительными в бессознательном и запрещенными в сознательном мышлении, следовательно, ошибками мышления. Но некоторые из видов мышления, употребительные в бессознательном, удержались и в сознании, как, например, некоторые виды непрямого изображения, намек и т. д., хотя их сознательное употребление в большой мере ограничено. Употребление этих технических приемов совсем не вызывает или вызывает только незначительное сопротивление со стороны критики, которое наступает лишь в том случае, когда острота в качестве технических приемов пользуется теми средствами, о которых сознательное мышление и слышать не хочет. Однако острота может еще преодолеть это препятствие, если замаскирует сделанную ею ошибку мышления, придаст ей вид логичности, как в истории

с торгом и ликером, с семгой с майонезом и им подобными. Но если она дает нам ошибку мышления в незамаскированном виде, то возражение критики неизбежно.

В этом случае остроумию приходит на помощь нечто другое. Ошибки мышления, которыми она пользуется для своих технических приемов, как видами мышления, употребительными в бессознательном, кажутся критике, хотя и не всегда, комическими. Сознательное употребление бессознательных и отвергнутых в силу своей ошибочности видов мышления является средством доставления комического удовольствия, и это легко понять, т. к. создание предсознательной активности требует большей затраты, чем применение бессознательной. Выслушивая мысль, возникшую как будто в бессознательном, и сравнивая ее с ее корректурой, мы в результате получаем разницу в затрате, из которой вытекает комическое удовольствие. Острота,

206

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

пользующаяся такой ошибкой мышления как техническим приемом и кажущаяся поэтому бессмысленной, может производить таким образом комическое действие. Если мы не найдем следов остроумия, то нам останется опять-таки только комическая история, шутка.

История о взятом взаймы котле, который при возвращении оказался продырявленным, причем взявший его оправдывался тем, что, во-первых, он вообще не брал никакого котла, что, во-вторых, он был уже продырявлен, когда он взял его, и что, в-третьих, он возвратил его в целости, без дыры (с. 63), - является отличным примером чисто комического действия, получающегося в результате употребления бессознательных видов мышления. В бессознательном нет этого взаимного исключения нескольких мыслей, из которых каждая сама по себе хорошо мотивирована. Сновидение, в котором выявляются эти виды бессознательного мышления, не знает понятия \wedge , а только одновременное существование одного элемента наряду с другим. В том примере своего \wedge , который я, несмотря на его сложность, взял за образец для работы толкования, я стараюсь освободиться от упрека в том, что не избавил пациентку от боли путем психического лечения. Я основывался на следующем: 1) она сама виновата в своей болезни, т. к. не хочет принять моего, 2) ее боли - органического происхождения и, следовательно, меня не касаются, 3) ее боли объясняются ее вдовством, в котором я, конечно, неповинен, 4) ее боли являются следствием инъекции, которую ей сделал кто-то другой грязным шприцем. Все эти основания существуют одно наряду с другим так, как будто одно не исключает другого. Чтобы избежать упреков в бессмысленности, я должен был бы вместо \wedge , стоящего в сновидении, поставить .

Точно такой же комической историей является происшествие в венгерском селе, в котором кузнец совершил убийство, а бургомистр приговорил к повешению не кузнеца, а портного, потому что в этом селе жили два портных, но не было двух кузнецов, а наказать кого-нибудь было необходимо. Такое пе-

В крайнем случае это понятие вводится рассказчиком как толкование. ' 3-е изд. М.: Современ, проблемы. 191.3. С. S8.

207

редвигание с личности виновника на другую противоречит, разумеется, всем законам сознательной логики, но отнюдь не противоречит способу мышления бессознательного. Я без колебаний называю эти истории комическими, и, тем не менее, привел историю с котлом как пример остроты. Я согласен с тем, что и эту последнюю историю гораздо правильнее назвать комической, чем остроумной. Но я понимаю теперь, почему мое прежде столь уверенное чувство привело меня к сомнению, является ли эта история комической или остроумной. Это именно тот случай, в котором я не могу, руководствуясь чувством, решить, когда именно возникает комизм путем обнаружения видов мышления, свойственных именно бессознательному. Такая история может одновременно быть и комической и остроумной; но она производит на меня впечатление остроты, хотя бы она была только комической, т. е. употребление мыслительных ошибок бессознательного напоминает мне остроту, равно как и прежние приемы для обнаружения скрытого комизма.

Я придаю особое значение точному выяснению этого самого спорного пункта моих исследований, отношения остроумия к комизму, и хочу поэтому дополнить сказанное некоторыми негативными положениями. Прежде всего, я обращаю внимание на то, что обсуждавшийся здесь случай совпадения остроумия с комизмом не идентичен с предыдущим. Хотя это очень тонкое отличие, но о нем можно говорить с уверенностью. В предыдущем случае комизм вытекал из открытия психического автоматизма. Этот автоматизм отнюдь не свойствен одному только бессознательному и не играет также никакой выдающейся роли среди технических приемов остроумия. Разоблачение только случайно связано с остроумием, обслуживая другой технический прием остроумия, например, изображение при помощи противоположности. Но при употреблении видов бессознательного мышления совпадение остроумия и комизма неизбежно, поскольку тот же прием, который применяется у первого лица в остроте для техники освобождения удовольствия, доставляет по своей природе третьему лицу комическое удовольствие.

Можно было бы впасть в искушение обобщить этот последний случай и искать отношения остроумия к комизму в том, что действие остроты на третье лицо происходит по механизму

208

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

комического удовольствия. Но об этом нет и речи, совпадение с комическим имеет место отнюдь не во всех, и даже не в большинстве острот; в большинстве случаев можно, наоборот, отделить остроумие от комизма в чистом виде. Если только остроте удастся избавиться от видимости бессмыслицы, - следовательно, в большинстве острот, возникающих путем двусмысленности и намека, у слушателя нельзя найти следов

действия, подобного комическому. Это можно проверить на приведенных прежде примерах и на некоторых новых, которые я могу привести.

Поздравительная телеграмма к 70-летию со дня рождения одного игрока: (-

Мадам de Maintenon назвали M-te de Maintenant (теперь, сейчас; франц.) (модификация имени).

Проф. Kastner говорит одному принцу, становящемуся во время демонстрации перед подзорной трубой: .

[Аналогию этой остроты в русском языке можно было бы создать в следующем виде:] (- Я. К.)

Граф Andrassy был назван министром прекрасной наружности. Можно было бы далее думать, что все остроты с бессмысленным фасадом кажутся комическими и должны оказывать такое действие. Однако я вспоминаю здесь о том, что такие остроты часто оказывают другое действие на слушателя, вызывают смущение и склонность к их неприятию (см. прим. на с. 133). Следовательно, речь идет, очевидно, о том, является ли бессмысленность остроты комической или простой неприкрашенной бессмыслицей; условия для решения этой альтернативы мы еще не исследовали. Соответственно этому мы остаемся при том заключении, что остроту по ее природе следует отличать от комического и что она только совпадает с ним, с одной стороны, в некоторых частных случаях, а, с другой стороны, в тенденции извлекать удовольствие из интеллектуальных источников.

209

Но при этих исследованиях об отношении остроумия к комизму перед нами выплывает отличие, которое следует отметить как самое важное и которое указывает нам в то же время на основной психологический характер комизма. Источник удовольствия от остроты мы должны были перенести в бессознательное; мы не имеем никакого повода к такой локализации источника комического удовольствия. Наоборот, все анализы, сделанные нами до сих пор, указывают на то, что источником комического удовольствия является сравнение двух затрат, из которых обе нужно отнести к предсознательному. Остроумие и комизм отличаются прежде всего психической локализацией; острота - это, так сказать, содействие, оказываемое комизму, из области бессознательного.

Мы не должны обвинять себя в том, что уклонились от темы, поскольку отношение остроумия к комизму является поводом, заставившим нас предпринять исследование комического. Но теперь наступило время вернуться к нашей теме, к обсуждению приемов, служащих для искусственного создания комизма. Мы предварительно исследовали карикатуру и разоблачение, т. к. могли найти в этих видах комизма некоторые связующие нити с анализом комизма подражания. Подражание в большинстве случаев соединено с карикатурой, преувеличением некоторых, хотя и не ярких черт, а

также имеет унижающий характер. Однако сущность его этим не исчерпывается. Неоспоримо, что само по себе оно является обильным источником комического удовольствия, т. к. мы особенно смеемся удачному подражанию. Этому нелегко дать удовлетворительное объяснение, если не присоединиться к мнению Bergson'a) согласно которому комизм подражания очень близок комизму, наступающему в результате открытия психического автоматизма. Bergson полагает, что комически действует все то, что заставляет думать о неодушевленных механизмах у одушевленного объекта. Его формулировка этого положения гласит: (; франц.). Он объясняет комизм подражания, ставя его в связь с проблемой, которую выдвигает Pascal

Bergson, *Le rire, essai sur la signification du comique*, 3-^{ie} edition, l'iris, 1904.

210

ОСТГОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

в своих : почему мы смеемся при виде двух похожих лиц, из которых каждое само по себе вовсе не комично. . Когда человек видит два поразительно похожих друг на друга лица, то он думает о двух отпечатках одной и той же формы или об одном и том же приеме механического изготовления. Коротко говоря, причиной смеха в этих случаях является диссонанс между живым и неживым, мы могли бы сказать: деградирование живого к неживому. Если мы согласимся с этими выводами Bergson'a, которые вызывают у нас доверие, то нам нетрудно будет подвести его взгляд под нашу собственную формулу. Наученные опытом тому, что каждое живое существо отлично от другого и требует от нашего разума некоторой затраты, мы разочаровываемся, когда нам не нужно производить никакой новой затраты вследствие полной аналогии или вводящего в заблуждение подражания. Но мы разочарованы в смысле облегчения затраты, и ставшая излишней затрата ожидания находит свое отреагирование в смехе. Эта же формула покрывает все нашедшие у Bergson'a оценки случаи комического оцепенения (*raideur*), профессиональных привычек, фиксированных идей и оборотов речи, употребляемых по каждому поводу. Все эти случаи исходят из сравнения затраты ожидания с той затратой, которая необходима для понимания тождественного объекта, причем большая затрата ожидания опирается на на- блюдение индивидуального разнообразия и пластичности всего живого. Следовательно, при подражании источником комического удовольствия является не комизм ситуации, а комизм подражания.

Т. к. мы вообще выводим комическое удовольствие из сравнения, то нам надлежит исследовать и сам комизм сравнения, который точно так же служит средством искусного создания комизма. Наш интерес к этому вопросу повысится, если мы вспомним, что и в случае сравнения нас также часто охватывало сомнения, следует ли назвать его остротой или просто комическим суждением.

211

Эта тема безусловно заслуживает гораздо большего внимания, чем мы можем ей уделить. Главное качество, которое мы требуем от сравнения, - это вопрос, является ли оно метким,

т. е. обращает ли оно внимание на действительно существующую аналогию между двумя различными объектами. Первоначальное удовольствие от вновь нахождения одного и того же (Groos, с. 162) не является единственным мотивом, благоприятствующим употреблению сравнения. Сюда присоединяется еще и способность сравнения к такому употреблению, которое приносит с собой облегчение интеллектуальной работы; это бывает именно тогда, когда, как это в большинстве случаев делают, сравнивают более неизвестное с более известным, абстрактное с конкретным, и, благодаря этому сравнению более чуждое и более трудное становится ясным. Такое сравнение абстрактного с вещественным связано с некоторым унижением и с некоторой экономией абстракционной затраты (в смысле мимики представлений). Однако эта экономия недостаточна, чтобы отчетливо выявить характер комического. Этот характер выплывает не внезапно, а постепенно из удовольствия от облегчения затраты, получившегося в результате сравнения. Есть многие случаи, которые только имеют сходство с комическим, в которых можно сомневаться, присущ ли им комический характер. Несомненно комично то сравнение, при котором попытается разница в уровне абстракционной затраты между обоими элементами сравнения, в котором нечто серьезное или чуждое нашему мышлению - особенно носящее интеллектуальный или моральный характер - сравнивается с чем-нибудь банальным или низменным. Предыдущее удовольствие от облегчения затраты и содействие, оказываемое условиями мимики представлений, могут объяснить постепенный, определяемый количественными соотношениями переход удовольствия вообще с комического удовольствия при сравнении. Желая избежать недоразумений, я подчеркиваю, что вывожу комическое удовольствие при сравнении не из контраста обоих элементов сравнения, а из разницы обеих абстракционных затрат. Трудно воспринимаемое, чуждое, абстрактное, собственно интеллектуально выдающееся разоблачается как нечто низменное благодаря тому, что приводится в аналогию с известным нам низменным, при представлении о котором отсутствует всякая абстракционная затрата. Итак, комизм сравнения сводится к деградированию.

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Как мы уже видели раньше, сравнение может быть остроумным без следа комической примеси именно тогда, когда избегает унижения. Так, сравнение истины с факелом, который нельзя пронести через толпу, не опалив кому-нибудь бороды, представляет собой чистую остроуту, т. к. придает полноценный смысл поблекшему выражению (), и вовсе не является комическим, т. к. факел как объект не лишен некоторой импозантности, хотя и является конкретным предметом. Но сравнение может очень легко быть в такой же мере остроумным, как и комичным, и может быть или только остроумным или только комичным, независимо одно от другого, причем сравнение приходит на помощь некоторым техническим приемам остроумия, как, например, унификации и намеку. Так, сравнение Nestroy'a воспоминания с магазином является одновременно и остроумным и комичным. Комичным - в силу огромного унижения, которому подвергается психологическое понятие в сравнении с магазином, остроумным - потому что тот, кто употребляет это сравнение - приказчик, и он создает, таким образом, в этом сравнении совершенно неожиданную унификацию между психологией и своей профессией. Фраза Гейне кажется на первый взгляд только отличным примером сравнения комически унижающего, но при ближайшем рассмотрении за ним следует признать и остроумный

характер, поскольку оно является намеком на скабрёзность и даёт, таким образом, возможность извлечь удовольствие от скабрёзности. Из одного и того же материала возникает, конечно, не совсем случайное совпадение комического и в то же время остроумного удовольствия. Если условия возникновения одного способствуют возникновению другого, то на , которое должно под- сказать нам, имеем ли мы здесь остроту или комизм, такое объединение влияет запутывающе, и только внимательное, не- зависимое от действия этого удовольствия исследование может разрешить сомнение.

Хотя исследование этих тончайших условий комического удовольствия очень заманчиво, однако автор должен сказать, что ни его предшествующее образование, ни его повседневная деятельность не дают ему права выйти в своих исследованиях за пределы области остроумия, и он должен сознаться, что

213

именно тема комического сравнения заставила его почувствовать всю некомпетентность.

Итак, мы охотно напоминаем, что многие авторы не при- знают резкой идейной и реальной разницы между остроумием и комизмом, которую склонны видеть мы, и 410 они считают остроту просто комизмом или . Для проверки этого взгляда мы хотим выбрать по одному примеру умыш- ленного и невольного комизма речи для сравнения с остротой. Мы уже раньше заметили, что считаем себя компетентными отличать остроумную фразу от комической.

(Я. К.). Это просто комично; фраза же Гейне о четырех сословиях, на которые разделяется население Геттин- гена: , - чрезвычайно остроумна.

За образец умышленного комизма речи я беру Stettenheim'a. Stettenhcim'a называют остроумным, т. к. он в высокой мере обладает умением вызывать комизм. Острота, которую , в противоположность к той, которую , в действительности метко определяется этой способностью. Не- оспоримо, что письма бернского корреспондента Wippchen'a остроумны в том отношении, что в них разбросано много острот всякого рода, среди которых есть очень удачные (, - говорит он о празднестве дикарей); но своеобразный характер этих произведений зависит не от от- дельных острот, а от комизма речи, который обильно струится в них. Wippchen - это первоначально сатирический образ, модификация G. Freytag'ОВСКОГО Schmock'a, одного из тех невежд, которые торгуют и злоупотребляют культурной ценностью нации. Но удовольствие от комического эффекта, получающегося при их изложении, постепенно оттесняет у автора сатирическую тенденцию на задний план. Продукции Wippchen'a являются в большинстве случаев ; автор вос- пользовался - впрочем по праву - веселым расположением духа, получившимся в результате частого употребления таких продукций, чтобы наряду с допустимыми шутками привести разного рода пошлости, которые сами по себе были недопу- стимы. Бессмыслицы Wippchen'a кажутся специфическими вследствие особой техники. Если ближе рассмотреть эти , то некоторые их разряды особенно бросаются в глаза

214

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

и накладывают свой отпечаток на все творчество. Wiprchen пользуется преимущественно соединениями (слияниями), модификациями известных оборотов речи и цитат и вставками в них банальных элементов с помощью более взыскательных и более ценных в большинстве случаев средств выражения. Впрочем, это приближается к техническим приемам остроумия.

Слияниями являются, например, следующие шутки (взятые из предисловия и первых страниц):

. Это выражение составлено из двух оборотов речи: и .

Или: , что является сгущением и . Или: , что составлено из 'трех элементов, принадлежащих трем различным греческим сагам.

Модификацию и замену одного другим можно без натяжки объединить. Их характер вытекает из нижеследующих, взятых у Wiprchen'a примеров, в которых между строк всегда сквозит другой, ходячий, в большинстве случаев банальный, избитый текст:

. Нам известен только первый оборот речи; не так уж бессмысленно было бы ввести в употребление и второй по аналогии с первым.

. Если заменить слово словом , то перед нами автобиографический оборот речи, потерявший уже ценность вследствие частого употребления. Хотя слово и не подходит для замены слова , но оно находится с ним в связи по смыслу и является высокопарным словом.

. Это - описание вместо простого слова. - один из описательных оборотов речи, связанных с понятием детство.

Из множества других продукций Wiprchen'a можно отметить некоторые как примеры чистого комизма, например, комического разочарования:

215

нескольких часов, наконец... оно окончилось ни в чью>, или комического разоблачения (неведения): Клио, медуза истории; цитаты: *Habent sua fata morgana*. (Имеют свой мираж (лат.)). Изначально: *Habent sua fata libelli* - Книги имеют свои судьбы (лат.)). Но нас больше интересуют слияния и модификации, т. к. они воспроизводят известные технические приемы остроумия. Можно сравнить с модификациями такие остроты, как например: он имеет великую будущность позади себя, - он набитый идеалист, - остроты Lichtenberg'a, возникшие путем модификации: новые курорты хорошо лечат и т. п. Можно ли назвать продукции Wiprchen'a, пользующиеся той же самой техникой, остротами или чем они отличаются от острот?

На это, конечно, нетрудно ответить. Вспомним о том, что острота имеет для слушателя два лица, вынуждает его к двум различным толкованиям. При остротах-бесмыслицах, как при только что упомянутых, одно толкование, соотнобразующееся только с текстом, гласит, что он является бессмыслицей. Другое толкование, следуя намеку, прокладывает у слушателя путь через бессознательное и находит себе отличный смысл. При продукциях Wiprchen'a, имеющих сходство с остротой, один из ликов остроты пуст, он как бы исчезает: это голова Януса, на которой высечен один только лик. Если человек, подкупленный техникой, обращается к бессознательному, он не находит там ничего. Исходя из слияния, мы не находим там такого случая, в котором оба слившихся элемента действительно получают новый смысл; при попытке анализа эти элементы совсем распадаются. Модификация и замена одного элемента другим приводят, как при остроте, к общеупотребительному и известному тексту, но сама модификация или замена не говорит ни о чем ином, а обычно и ни о чем возможном или общеупотребительном. Таким образом, для этих остается только одно толкование - толкование бессмыслицы. Если угодно, то можно решить еще вопрос, нужно ли называть такие продукции, лишенные одной из существеннейших характерных черт остроумия, остротами или вообще не называть их остротами. Несомненно, такие бледные остроты производят комический эффект, который мы можем объяснить себе по-разному. Либо комизм возникает из обнаружения видов мышления, употребительных в бессознательном как в ранее рассмотренных случаях, либо удовольствие вытекает из сравнения с удачной

216

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

остротой. Нам ничто не мешает предположить, что здесь совпадают оба способа возникновения комического удовольствия. Нельзя отрицать, что именно это недостаточное приближение к остроте превращает в данном случае бессмыслицу D комическую бессмыслицу.

Существуют другие, легко поддающиеся анализу случаи, в которых такая недостаточность в сравнении с тем, что должно было бы быть продуцировано, делает бессмыслицу непреодолимо комической. Загадка, являющаяся противоположностью остроты, может дать нам лучшие примеры этого, чем сама острота. Например, шуточный вопрос гласит: Если бы ответом было: полотенце, то это была бы глупая загадка. Но этот ответ отрицают. , - гласит успокаивающий ответ. Это объяснение, данное с помощью двух типичных передвижений, показывает, как много не хватает этому вопросу, чтобы быть настоящей загадкой, и в силу этой абсолютной недостаточности он оказывается не просто бессмысленным, глупым, а непреодолимо комическим. Таким образом, путем несоблюдения существенных условий острота, загадка и другие суждения, сами по себе не доставляющие комического удовольствия, могут стать источником комического удовольствия.

Еще меньше трудностей для понимания представляет случай произвольного комизма речи, часто встречающийся в стихотворениях Friederike Kempner\

Против вивисекции

Bin unbekanntes Band der Seelen kettet Den Meischen an das arme Tier. Das Tier hat einen Willen - ergo Seele - Wenn auch 'ne kleinere als wir.

(Неведомая связь душ соединяет человека с бедным животным. У животного есть воля - а, следовательно, и душа - хотя бы и меньшая, чем у нас.)

Или разговор двух нежных супругов: (). ^ Шестое издание, Berlin, 1891.

ruft sie Icise. , sagt lauter ihr Gemahl,